

А.А. Дюльденко

Baigül. D. i. Caikaul.

Uftjura

20. Bifsky

А.А. Дюльденко

Иоганн Иериг: исторический портрет
представителя российской академической
науки второй половины XVIII века

ИОГАНН ИЕРИГ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Plan, verschiedener Tuff
den vor dem Meer Pl

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и молодежной политики Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ"

А.А. Дюльденко

**ИОГАНН ИЕРИГ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

МОНОГРАФИЯ

СТАВРОПОЛЬ

СТАВРОПОЛЬ
издательство
2017

УДК 908+93/94
ББК 63.3(2)52
Д 95

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

*А.Н. Команджаев, доктор исторических наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

*А.Л. Клейтман, кандидат исторических наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Д 95 **Дюльденко, А.А.**
Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской ака-
демической науки второй половины XVIII века : монография [Текст] /
А.А. Дюльденко. – Ставрополь : Ставролит, 2017. – 276 с.

ISBN 978-5-903998-77-7

УДК 908+93/94
ББК 63.3(2)52

В издании на основе преимущественно архивных источников XVIII века реконструирована интеллектуальная биография выдающегося российского ученого немецкого происхождения Иоганна Иерига – первоходца в вопросе изучения языка, истории и религии монголоязычных народов России, заложившего основу отечественной школы востоковедения, а также способствовавшего становлению ориенталистики в Германии.

Материалы издания представляют интерес для историков, культурологов, лингвистов и религиоведов, интересующихся вопросами развития российской академической науки во второй половине XVIII века.

© Дюльденко А.А., 2017
© Ставропольский государственный педагогический институт, 2017
© Издательство "Ставролит", 2017
© Оформление: Издательство "Возрождение", 2017

ISBN 978-5-903998-77-7

Содержание

Введение	5
Глава 1. Иоганн Иериг – российский ученый немецкого происхождения	
1.1. Дискуссионность принадлежности И. Иерига к российской или немецкой научной традиции.....	11
1.2. Моравская церковь и ее роль в формировании картины мира И. Иерига.....	15
1.3. Образ Востока и калмыцкая культура как главные факторы изменения мировоззрения И. Иерига.....	27
Глава 2. Начало карьеры Иоганна Иерига в Российской академии наук. Калмыцкая экспедиция (1774-1780 гг.)	
2.1. Влияние П. С. Палласа на начальном этапе становления И. Иерига как ученого.....	49
2.2. Основные направления научной работы И. Иерига в Астраханской губернии.....	62
Глава 3. Сибирские исследования Иоганна Иерига (1780-1795 гг.)	
3.1. Цели, задачи и итоги Первой Сибирской экспедиции (1780-1789 гг.).....	85
3.2. Вызов И. Иерига в Санкт-Петербург и причины его возвращения в Забайкалье.....	116

3.3.	Новый вектор в исследованиях И. Иерига: Вторая Сибирская экспедиция (1790-1795 гг.)-----	130
Глава 4.	Вклад Иоганна Иерига в становление российского востоковедения второй половины XVIII века	
4.1.	Историческая судьба научного наследия И. Иерига в России и за рубежом-----	139
4.2.	Признание и критика исследований И. Иерига в науке-----	170
Заключение -----		191
Примечания -----		193
Источники и литература -----		250
Список сокращений -----		270

Введение

*"При сем повсюду между монгольскими народами обыкновенном кочевом роде нашей жизни, приобретали мы нашими хорошими поступками, как от знатных, так и от народа любовь и почтение, в нужде получали помощь, наслаждались желанным спокойствием и подвигли каждого помнить навсегда наше дружество" [1].
И. Иериг. 1789 г.*

Становление и развитие российской академической науки в начале XVIII века происходило под влиянием идей европейского Просвещения, ставших популярными благодаря проводимой Петром I новой государственной политике, ориентированной на Запад. Несомненно, большую роль в этом процессе играли специально приглашенные для исследовательской работы ученые из Европы, как правило, выходцы из Германии. В то же время история знает и несколько прецедентов формирования отечественного научного сообщества из числа иностранных переселенцев, первоначальной целью которых были отнюдь не научные изыскания. В их числе особое место занимает Иоганн Иериг (1747-1795), прибывший в Россию в 1769 году с миссионерской задачей, однако ставший впоследствии одним из основателей отечественного востоковедения. Находясь на службе Российской академии наук (далее по тексту – Российская академия наук, Академия наук, Академия), на протяжении более чем двадцати лет он занимался изучением монгольских народов России [2]. Результатами его исследований стали различные письменные материалы и артефакты, представляющие огромную ценность сразу для нескольких отраслей современной науки.

Актуальность изучения интеллектуальной биографии И. Иерига продиктована новыми тенденциями в исторической науке, связанными с попытками фальсификации вопросов происхождения и национальной принадлежности некоторых ученых Российской академии наук. Иоганн Иериг являлся выходцем из Германии, поэтому он сам и его научное наследие, безусловно, попадают в категорию смежных сфер влияния: российской и немецкой. В связи с этим большое значение играет объективная интерпретация фактов биографии И. Иерига, направленная на исключение спекулятивных суждений в вопросах его национально-территориальной принадлежности как ученого.

Кроме того, интересным и уникальным представляется сам пример интеграции И. Иерига как представителя европейского общества и сотрудника Академии наук в социокультурную среду монголоязычных народов России второй половины XVIII века. Особую ценность в этой связи приобретают собранные им уникальные этнолингвистические сведения, имеющие большое теоретическое и практическое значение для изучения истории развития языка и культуры монгольских народов России.

Немаловажно обратить внимание и на современную геополитическую ситуацию, сложившуюся в мире по отношению к России. В условиях, когда концепция "западного" пути показала свои существенные изъяны, требуется обозначить новые направления развития российского государства, которое вынуждено более активно осуществлять экономическую и культурную интеграцию со странами Востока. В связи с этим научно-исследовательская деятельность И. Иерига позволяет выявить тот богатый исторический опыт России, который был накоплен по данной проблематике еще в XVIII веке. Это дает возможность для развития такого приоритетного направления современной российской науки, как безопасность государства, одним из ключевых аспектов которой является культурная и идеологическая целостность многонационального российского общества. Как справедливо заметил английский историк Джон Тош: "Нация, не способная заглянуть в лицо собственному прошлому, обречена на серьезные трудности в будущем" [3].

Данное исследование осуществлялось с привлечением широкого спектра письменных источников, которые были классифицированы на три основные группы: документы официального делопроизводства, материалы личного происхождения, исследовательские работы И. Иерига и других ученых XVIII-XXI вв.

Документы официального делопроизводства представляют собой наиболее обширную и информативную группу источников, в числе которых особое значение имеют ранее не опубликованные материалы.

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН) находится личный фонд № 21 "Иериг Иоганн (? – 1795) – монголовед, тибетолог", содержащий значительную часть отчетов и писем И. Иерига, направленных им в Академию наук с 1774 по 1793 год, а также другие официальные бумаги, связанные с его деятельностью [4]. Практически все они составлены немецким скорописным готическим шрифтом XVIII века "куррент" (нем. Kurrent) и сосредоточены в единице хранения № 4/1106. Как и некоторые другие, эта единица хранения не пронумерована и не шита, что не позволяет в тексте монографии ссылаться на конкретный лист дела.

Большой объем делопроизводственных материалов сосредоточен также в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). В фонде Канцелярии Академии наук XVIII века найдено личное дело переводчика Иоганна Иерига, где хранятся его отчеты, инструкции, запросы, различные черновики, выписки из журналов, протоколы Конференции и другие официальные бумаги [5]. В основном они затрагивают финансовые и административные аспекты службы И. Иерига. Помимо немецких рукописей XVIII века, присутствуют отдельные переводы ключевых документов на русский язык.

В связи с тем, что переписка ученого с Академией наук частично велась через академика Ф. Г. Миллера, несколько десятков оригинальных писем и отчетов И. Иерига в Академию наук за период с 1775 по 1780 г. сохранились в фонде № 21 "Миллер Герард-Фридрих Федор Иванович (1705-1783), историк, академик, конференц-секретарь АН" [6] СПФ АРАН.

Отдельные делопроизводственные бумаги регионального уровня были обнаружены в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК), среди которых следует отметить резолюцию Калмыцкой экспедиции относительно содействия службе И. Иерига в Астраханской губернии [7]. В Государственном архиве Астраханской области (ГААО) сохранилась переписка И. Иерига с астраханскими губернскими властями за 1774 год [8].

Большое значение в изучении ранней биографии И. Иерига имеют протокольные бумаги главных органов управления колонии Сарепта. Среди них наиболее информативны решения совета старейшин, про-

токолы коллегии и так называемые дневниковые записи общины. Все они составлены на немецком языке и сосредоточены в объединенном архиве моравской церкви (Unitätsarchiv Moravian Archives – UMA) города Гернгут в Германии [9]. Здесь же находится личная карточка семьи И. Иерига, благодаря которой стало возможным конкретизировать некоторые детали происхождения ученого [10]. Указанные документы также формируют представление о влиянии моравской церкви на становление личности И. Иерига, а также выявляют причины его исключения из общины и поступления на службу в Российскую академию наук.

Опубликованные материалы официального делопроизводства представлены в основном протоколами заседаний Конференции Санкт-Петербургской академии наук – главного коллегиального органа управления делами учреждения. Третий и четвертый тома "Протоколов заседаний Конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 гг." содержат основную хронологическую информацию об академической службе Иоганна Иерига [11]. Практически каждый его отчет, письмо или перевод, отправленный в Санкт-Петербург, находил свое отражение в этих документах. Указанные сборники не переведены на русский язык и содержат оригинальный французский текст из архивных протоколов Конференции Академии наук XVIII-XIX вв.

Часть делопроизводственных материалов была издана также в "Ученой корреспонденции Академии наук XVIII века". Здесь, например, указаны некоторые письма И. Иерига и П. С. Палласа в адрес конференц-секретаря Академии наук, не отраженные в протоколах Конференции [12].

Материалы личного происхождения представляют незначительную, однако, не менее ценную группу ранее не опубликованных источников. Так, письма П. С. Палласа в адрес Ф. Г. Миллера, сохранившиеся в СПФ РАН [13], проясняют некоторые аспекты их взаимоотношений с И. Иеригом, а частная переписка гернгутеров из объединенного архива моравской церкви [14] дополняет социально-психологический портрет исследуемой личности.

Исследовательские работы Иоганна Иерига позволяют охарактеризовать его вклад в становление востоковедения во второй половине XVIII века. Значительную часть изысканий ученого составляют неопубликованные рукописи, в числе которых особый интерес представляют его лингвистические сочинения, посвященные монгольскому и тибет-

скому языкам, переводы восточных произведений, заметки об обычаях калмыков, обнаруженные в АВ ИВР РАН [15]; краткая грамматика тибетского языка из рукописного отдела Российской национальной библиотеки (РНБ) [16]; постраничный комментарий к первому тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах" П. С. Палласа, сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов [17] (РГАДА), а также рукописная карта Забайкалья И. Иерига, найденная в Библиотеке Российской академии наук [18] (БАН).

Отметим, что обозначенные научные труды И. Иерига имеют весьма узкую специализацию, составлены готической немецкой скорописью с использованием монгольских и тибетских шрифтов, что серьезно ограничивает к ним доступ широкого круга читателей.

Отдельные исследовательские материалы Иоганна Иерига были опубликованы в газетах и журналах Российской академии наук второй половины XVIII века [19], а также трудах Императорского Вольного Экономического Общества [20]. Кроме того, несмотря на локализованный характер исследовательской деятельности И. Иерига, его работы содержатся в немецких [21] и английских [22] периодических изданиях XIX века, что, в том числе, доказывает актуальность его материалов за рубежом.

В качестве дополнительных источников данного издания были привлечены исследовательские труды ученых разных периодов истории. Отдельные сведения о биографии И. Иерига были составлены его современником и летописцем Сарепты Х. Зутером еще в XVIII веке и опубликованы уже в наше время [23]. Включенные в произведения П.С. Палласа сведения и материалы И. Иерига помогают оценить значимость его работ для академической науки конца XVIII – начала XIX века [24]. Важными для освещения вопроса о судьбе научного наследия И. Иерига оказались труды академиков Б. А. Дорна [25] и С.К. Булича [26], а также современного исследователя Д. В. Иванова [27]. Взаимоотношения И. Иерига с Гёттингенской академией наук, а также примерный список его материалов, отправленных в Германию, описаны в работе В. Хайссига [28]. В рамках лингвистического и культурологического анализа работ И. Иерига наиболее содержательны труды Б. Бергмана [29] и И. Я. Шмидта [30].

Научная новизна исследования определяется привлечением большого количества ранее неопубликованных архивных материалов, позволивших впервые произвести реконструкцию интеллектуальной

биографии Иоганна Иерига, а также комплексно изучить его научное наследие в России и за рубежом (в частности, в Германии). Кроме того, в исследовании предложен новый концептуальный подход, позиционирующий И. Иерига как российского ученого и представителя отечественной академической науки второй половины XVIII века, внесшего существенный вклад в становление востоковедения.

Ценный материал для изучения истории развития языков и культуры монгольских народов России предоставляют отдельные рукописи И. Иерига, охарактеризованные в монографии. Изложенные в работе выводы и факты могут существенно дополнить или стать основой спецкурсов по истории кочевых народов России, а также истории отечественного востоковедения.

Глава 1

ИОГАНН ИЕРИГ – РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1.1. ДИСКУССИОННОСТЬ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И. ИЕРИГА К РОССИЙСКОЙ ИЛИ НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Сведения о происхождении Иоганна Иерига в отечественной исторической науке фрагментарны и во многом противоречивы. Практически всю их основу составляют данные о службе ученого в Российской академии наук, зафиксированные в делопроизводственных документах этого учреждения. В то же время отдельные российские авторы углубляют наше представление о фактах ранней биографии рассматриваемой персоны.

Так, еще в 1796 году И. Г. Буссе указывал, что И. Иериг "был родом из Пфальца [1] и являлся членом сарептской колонии моравских братьев, располагавшейся под Царицыном" [2]. Такую же версию в 1815 году изложил российский академик Ф. П. Аделунг: "Первоначально Иоганн Иериг был членом братской общины гернгутеров Сарепта..." [3]. В середине XIX века отечественный востоковед В. В. Григорьев также причислял И. Иерига к "сарептским колонистам" [4], называя его "европейцем" и противопоставляя тем самым "русским" переводчикам [5]. Языковед С. К. Булич аналогичным образом отмечал в своих работах тот факт, что И. Иериг – "гернгутер из Сарепты" [6].

Таким образом, в отечественной историографии конца XVIII – начала XX века сложилось четкое представление о "немецком" происхож-

дении Иоганна Иерига, его непосредственной связи с общиной гернгутеров и их российской колонией Сарепта.

Несколько другой вектор приобрел этот вопрос в советское время. Несмотря на то, что в научно-исследовательской литературе этого периода имя Иоганна Иерига встречается неоднократно, вопросам его происхождения практически не уделялось внимание. Исключение составляет работа Т. К. Шафрановской, в которой высказано предположение о том, что И. Иериг был петербуржцем. Свой вывод автор аргументирует проходившими в 1785-1788 годах переговорами И. Иерига с Российской академией наук о "его возвращении в Петербург" [7]. Данный тезис Т. К. Шафрановской выглядит совершенно необоснованным, особенно, если учесть то обстоятельство, что в своей же работе она ссылается на журнал И. Г. Буссе 1796 года, в котором, помимо принадлежности И. Иерига к сарептянам, указан даже регион Германии, откуда он прибыл.

Современные российские исследователи (Т. Н. Савинова, Д. В. Иванов, В. Э. Раднаев, П. Э. Алексеева) в своих трудах повторяют уже имевшиеся в литературе сведения о связях И. Иерига с колонистами Сарепты. Единственным отечественным ученым, предоставившим более точные и развернутые данные о происхождении и ранних годах жизни И. Иерига, является В. Н. Медведев. В своей обзорной статье он опирается на работы немецких исследователей и материалы объединенного архива моравской церкви в г. Гернгут [8].

Действительно, отечественные историки, рассматривая период ранней биографии Иоганна Иерига, в основном говорят лишь о его происхождении из моравской колонии Сарепта, без детального рассмотрения обстоятельств его жизни. Одной из причин тому послужил тот факт, что весь сарептский архив в 1892 году был вывезен из России в Германию [9]. Как известно, получение архивных материалов из-за рубежа было достаточно проблематичным мероприятием для российских исследователей, особенно советского периода.

Помимо того, большую сложность представлял также перевод старых немецких текстов и слов, что порой создавало путаницу в исследовательской литературе. Например, Т. Н. Савинова называет академика Т. Е. Ловица "шурином И. Иерига" [10], в то время как Т. К. Шафрановская утверждает, что они были двоюродными братьями [11].

Также фамилия и имя Иоганна Иерига имели многочисленные варианты транслитерации на русский, французский и даже немецкий

языки. В ходе исследования было отмечено несколько примеров написания его имени на немецком языке – Johannes Jährig (единственно верное имя, данное при рождении и крещении)[12], Järig [13], Iährig [14], Johannes Jaehrig (сам И. Иериг так подписывал свои работы, заменяя сложную для русского понимания букву "ä" умляут сочетанием букв "ae") [15], Johann Jährich [16], Järig [17]; на французском языке – Jean Jaehrig [18], Jiehrig [19]; на русском языке – Яриг [20], Ярикъ [21], Иоганъ Иеригъ [22], Йериг [23], Эрих [24], Иван Ериг [25], Ерих [26], И. Йёриг [27], Йэригъ [28], Эган [29].

В то же время, помимо причин объективного свойства, можно говорить о существовании некоторых субъективных мотивов в отечественной, в особенности в советской, исторической науке, по которым вопросам ранней биографии И. Иерига сознательно не уделялось должное внимание. Присутствие значительного числа лиц иностранного происхождения среди ученых Российской академии наук в XVIII веке всегда давало повод для спекуляций на тему определяющей роли европейцев, а именно немцев, в становлении отечественной научной школы. При этом вопрос влияния зарубежной научной мысли не только "обнажал" проблемы отечественной науки, но и создавал основу для развития некоторых практических замыслов. Поэтому немецкие корни И. Иерига и его связь с моравской церковью могли создать определенные сложности при интерпретации его государственно-национальной принадлежности как ученого, а также результатов его научно-исследовательской деятельности.

В этой связи немецкая научная и популярная литература уделяют гораздо большее внимание связям И. Иерига с его исторической родиной. Еще в конце XVIII века в Германии появились сообщения о принадлежности Иоганна Иерига к числу членов-корреспондентов немецкой академии наук Геттингена [30], при том, что он сам никогда там не бывал и не имел с этим учреждением непосредственных взаимоотношений. Парадоксально, но, даже включив И. Иерига в список своих корреспондентов, академия наук Геттингена называет его "русским императорским переводчиком монгольских языков" [31], подчеркивая тем самым его принадлежность к российскому двору. Аналогичные сообщения появлялись в немецкой печати и в первой половине XIX века, где И. Иерига именовали "переводчиком из Санкт-Петербурга" [32].

В свою очередь современные немецкие авторы акцентируют внимание преимущественно на немецком прохождении Иоганна Иерига. Например, в работе К. Швайтцера наиболее широко описаны положительные качества общины гернгутеров, в которой родился И. Иериг [33], а в статье Ш. Аугустина конкретизированы обстоятельства его ранней биографии, непосредственно связанные с Германией [34]. Подобной позиции придерживается и О. Тайгелер, уделяя в своей книге внимание лишь периоду жизни И. Иерига в общине гернгутеров [35]. Однако сам факт рождения в Германии отнюдь не означает автоматическую принадлежность к этой стране до конца жизни. Многогое зависит от конкретных жизненных обстоятельств и должно интерпретироваться, исходя из значимости влияния общества и государства места постоянного жительства и творческой деятельности.

Действительно, вопрос происхождения и государственной принадлежности Иоганна Иерига носит неоднозначный и даже несколько "политизированный" характер. Решение этой, на первый взгляд, теоретической проблемы в пользу той или иной стороны может повлечь конкретные практические последствия. Подтверждение таким спекулятивным тенденциям можно встретить не только в исследовательской литературе, но и на страницах различных Интернет-ресурсов. Например, в популярной электронной энциклопедии "Википедия", в ее русскоязычной версии Иоганн Иериг обозначен как "немецкий и российский" [36] ученый, а в немецкоязычной и англоязычной версии сайта – "немецкий монголист" [37]. Даже на официальном портале архивов Российской академии наук цитируется информация из "Википедии" о том, что И. Иериг – "немецкий и российский тибетолог, монголовед..." [38]. Еще один отечественный ресурс, посвященный известным персоналиям, называет И. Иерига "ботаником Германии" [39].

Возможно, некоторые исследователи и авторы интернет-справок сознательно не вкладывают в понятие "немецкий ученый" глубоких политических контекстов, однако распространение и закрепление такого подхода способствует неоднозначному толкованию вытекающих из него вопросов. В связи с этим нашей главной задачей является составление комплексного и объективного исторического портрета Иоганна Иерига на основе архивных данных и материалов периодической печати XVIII-XIX вв.

1.2. МОРАВСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА И. ИЕРИГА

Рассмотренные материалы отечественной и зарубежной историографии позволяют установить тесную связь Иоганна Иерига с колонией Са-репта, а также с общиной гернгутеров. Данное религиозное движение берет свое начало от богемских (моравских) братьев – церкви, основанной в XV веке Петром Хельчицким в Богемии. Основной подход этого "учения о справедливости" заключался в отказе от принципов католицизма и возврате к идеям первых веков существования христианства, когда основной формой религиозного просвещения человека являлась община [40].

Кровопролитные религиозные войны XVI-XVII веков в Европе заставили богемских братьев скитаться в поисках убежища. Во многом причиной тому послужило их учение, причисленное католической церковью к ереси. Члены общины вели весьма аскетичный образ жизни: им запрещались всяческие излишества, любое проявление насилия, предписывалось неустанно трудиться "во имя Христа", ежедневно молиться. Жесткая дисциплина прививалась с детства, каждый человек находился под строгим контролем пастора, действовал особый возрастной и семейный регламент. В начале XVIII века после изгнания из Моравии они стали расселяться колониями в Германии, Дании, Голландии. Позже одна из групп моравских братьев обосновалась в немецком имении Бертельсдорф. В XVIII веке оно принадлежало саксонскому графу Николаусу Людвигу фон Цинцендорфу, который в то время был советником юстиции в Дрездене. Община Бертельсдорф была образована в 1727 году и оформлена как новое поселение по специальному регламентированному плану в виде горы "Гутберг" (нем. "Hutberg") и назвалось "Herrnhut", т.е. "Божий покров", "под покровом Господа" [41]. От названия "Herrnhut" (Гернгут) и появился термин "гернгутеры", обозначающий богемских (моравских) братьев, обосновавшихся в имении графа Николауса Людвига фон Цинцендорфа, который позднее стал их лидером. Он был глубоко верующим христианином, но при этом позволял всем членам общины посещать реформатские и лютеранские приходы, уделял не так много внимания церковным догмам, однако проповедовал строгий аскетизм

в ежедневном укладе, что позволяло формировать в членах общины высокие духовно-нравственные и моральные ценности.

Семья Иоганна Иерига была непосредственно связана как с графом Цинцендорфом, так и с движением гернгутеров. Такой вывод следует при рассмотрении документов объединенного архива моравской церкви г. Гернгут.

Согласно архивной семейной карточке отец Иоганна Иерига – Иоганн Готлиб Иериг (нем.: Jahrig Johann Gottlieb) родился 22 июня 1718 г. в деревне Бюннерсдорф [42] (нем.: Bunnersdorf или Bonnesdorf, венг.: Alsóbajom, рум.: Voian), расположенной в Трансильвании (современная территория Румынии). Этот регион исторически находился под влиянием евангелических течений в христианстве, а в начале XVIII века лидирующие позиции там заняла католическая церковь. По этой причине Иоганн Готлиб Иериг, будучи евангелистом, покинул Трансильванию и уехал в Силезию (современная территория Польши). Он обосновался в поселении Бурау, где располагался замок Гнадек [43]. Здесь под покровительством графа Н. Л. Цинцендорфа находили приют многие "религиозные беженцы" со всей Европы [44] (лютеране, реформаторы, чешские братья), в числе которых оказалась и Анна Барбара Штефан (род. 3 октября 1722 года в Мюльхайзене, Эльзас [45]) – мать Иоганна Иерига.

По сведениям архива бракосочетание Иоганна Готлиба Иерига и Анны Барбары Штефан состоялось в замке Гнадек 18 апреля 1744 года [46]. В этом же году вслед за Н. Л. Цинцендорфом молодая семья Иеригов переехала в центральную Германию – город Геррнгаг (земля Бюдингген). Здесь располагалось очередное прибежище моравских братьев – замок Мариенборн, где с 1745 года Анна Барбара стала работать служительницей в церкви [47].

Иоганн Иериг был первым ребенком в семье. Он родился в Геррнгаге 17 марта 1747 года [48]. Спустя два года родился второй мальчик Христиан Давид [49]. Пребывание семьи Иеригов в Геррнгаге было непродолжительным, так как в 1750 году сенат Бюдинггена принял решение об изгнании моравских братьев со своей территории. В связи с этим граф Цинцендорф, а вместе с ним и семья Иеригов, были вынуждены покинуть Геррнгаг и обосноваться в Гернгуте на востоке Германии. Их переезд состоялся в 1751 году. В Гернгуте Иоганн Готлиб Иериг работал печатником по ткани в индиго. В 1752 году в семье появился третий ребенок Анна, в 1755 г. четвертый – Иоганн Людвиг, в 1761 г. пятый – Мария Элизабет (умерла спустя два года в 1763 г.) [50].

Период раннего детства Иоганна Иерига практически не нашел отражения в архивных материалах. Только в работе К. Швайцера имеется упоминание о том, что согласно служебным записям общины 1751 и 1752 годы И. Иериг провел в детском интернате Гроссенсдорфа [51], расположенном в нескольких километрах к юго-востоку от Гернгута. Здесь же в замке Фридбург вместе со своей семьей жил граф Л.Н. Цинцендорф [52]. Он часто посещал интернат и принимал активное участие в занятиях с детьми. Например, сохранилось свидетельство того, как граф вместе с воспитанниками разучивал и пел так называемый дневной гимн, напечатанный для них на немецком, латинском и греческом языках [53].

Немецкий историк Д. Майер отмечает, что в вопросах детского и юношеского воспитания Л. Н. Цинцендорф, впитавший дух XVIII столетия, следовал концепции "естественного развития [человека] и исторической особенности индивидуализма" [54]. Поэтому он отдавал предпочтение семейной форме воспитания детей общины, а интернат был скорее вынужденной необходимостью в условиях, когда родители были постоянно задействованы в миссионерской деятельности или на церковной службе [55].

Следовательно, родители Иоганна Иерига относились к категории жителей общины, которые не могли в силу занятости полноценно заниматься воспитанием И. Иерига. В этом случае церковь брала на себя воспитательные и просветительские функции, предоставляя детям всё необходимое. Наряду с интернатом для маленьких детей действовали также школы и гимназии, в которых, помимо религиозного компонента, преподавались все традиционные дисциплины: языки, религия, математика, естествознание. По мнению Д. Майера, "гуманистические гимназии" гернгутеров были сформированы по форме классической латинской школы, в которой основной упор делался на греческую античность и естественные науки [56].

Важнейшим событием в жизни каждого жителя Гернгута было принятие в члены общины. При этом сам факт рождения в семье гернгутеров отнюдь не означал автоматическое решение этого вопроса. Как отмечал граф Н. Л. Цинцендорф, "братский устав и жизненный уклад не может подходить каждому, и есть многие тысячи детей Господа, которые здесь не смогут найти своего места" [57]. Он особенно выделял Гернгут как главную общину, старейшую и образцовую среди всех других, и поэтому не нуждающуюся в большой массе людей, а только

в наиболее достойных кандидатах [58]. В случае возникновения сомнений относительно принятия конкретного человека в общину мог быть брошен жребий, исход которого решал все вопросы и принимался в качестве "воли Господа" [59].

Архивные записи содержат упоминание о дате принятия И. Иерига в общину Гернгута – 9 июня 1760 года [60]. К тому моменту ему было всего 13 лет, что дает основание сомневаться в осознанности его выбора, который мог быть продиктован скорее семейной преемственностью данной религиозной традиции.

Другим важным шагом И. Иерига на пути вхождения в общинное устройство стало первое таинство причастия, состоявшееся 14 января 1761 года [61]. С этого момента он стал полноценным членом общины гернгутеров, что накладывало на него и новые обязанности. Помимо выполнения церковных ритуалов, посещения служб и прохождения таинств, каждый гернгутер должен был овладеть общественно полезным ремеслом. Выбор И. Иерига в этом вопросе во многом был предопределен семейной традицией: согласно архивной карточке его отец, а также оба его младших брата были печатниками по ткани [62].

В 1766 году И. Иериг переехал в Барби на Эльбе [63] – город в современной земле Саксония-Анхальт. Здесь располагалась общинная типография, где, наряду с профессией печати по ткани, Иоганн Иериг освоил технологию книгопечатания [64]. Это довольно сложное ремесло требовало наличия творческого мышления, а также хорошего уровня образования, который в свою очередь предоставляла община. Как правило, набор текстов производился на латинском языке, а книги имели теологическую направленность [65]. В связи с этим, помимо мануфактурного производства в Барби, также действовала крупная семинария гернгутеров.

Необычную комбинацию духовного и экономического подхода к организации жизни общины гернгутеров отмечал даже Гёте, не раз посещавший Барби: "Важнейшим было то, что религиозная жизнь сплеталась здесь в единое и неразрывное целое с жизнью гражданской, что учитель одновременно являлся повелителем, отец – судьей. Более того: глава этой общины, которого в делах духовных дарили безусловным доверием, был также призван вершить дела земные; вынесенные им решения в делах, касающихся всех или только отдельных лиц, воспринимались со смирением, как приговор Божественной воли. Благодатный покой, на первый взгляд повсюду здесь царивший, был очень

привлекателен, хотя, с другой стороны, миссионерская работа требовала напряжения всех сил, заложенных в человеке" [66].

Действительно, идеология и жизнеустройство гернгутеров имели определенные дуалистические черты. Экономическое развитие общины было необходимым условием для успешного ведения миссии, которая заключалась в проповеди Евангелия и стремлении "донести свет Христа" как можно большему количеству людей [67]. Для этой цели создавались обособленные колонии в разных уголках мира, как правило, среди туземных племен и народов, придерживавшихся языческих верований. Генеральная дирекция Гернгута разрабатывала соответствующие инструкции для каждого нового поселения. Таким способом осуществлялось планомерное и повсеместное распространение евангелических идей. Одновременно с миссионерской деятельностью, моравские братья изучали и составляли описания территорий и народов, окружавших их поселения, что говорит о большом влиянии на них идей европейского Просвещения. Однако и эта деятельность была регламентирована религиозным укладом жизни общины и осуществлялась только с целью повышения эффективности ведения миссии.

Еще в первой половине XVIII века гернгутеры предпринимали попытки создания своей колонии в Российской Империи. Первоначально они действовали через прибалтийские районы, куда направлялись отдельные представители церкви, пасторы и проповедники. Однако местное население воспринимало их не всегда доброжелательно, на что незамедлительно реагировала государственная власть. Так, во времена правления Елизаветы Петровны обществу гернгутеров было запрещено ведение миссионерской деятельности, а граф Цинцендорф, находившийся в России, вынужден был покинуть страну. В то же время моравская церковь предпринимает первые безуспешные попытки отправки миссии к калмыкам. При этом особенно активные проповедники были посажены в тюрьму.

Отношения российских властей с гернгутерами кардинальным образом поменялись при Екатерине II, когда поток иностранных переселенцев в Россию стремительно возрос, что стало следствием проводимой специальной миграционной политики, имевшей долгосрочные перспективы. Екатерина II хотела таким способом не только заселить и освоить пустующие земли империи, но и в дальнейшем получить определенные поступления в государственную казну. В то же время Г. Г. Пи-

саревский отмечает, что одновременно с расширением площадей эксплуатируемых земель, предполагалось усовершенствовать сами способы возделывания почвы за счет прогрессивных приемов и опыта европейских колонистов [68].

Еще одну немаловажную цель миграционных реформ Екатерины II выделяет О. Тайгелер: "Распространение в России идей европейского Просвещения" [69]. При этом Екатерина II отнюдь не рассчитывала на столь значительный поток именно немецких переселенцев. Как справедливо заметил немецкий историк В. А. Кольс: "Это был случай в истории, который не входил в российские планы" [70].

Вне всяких сомнений, одна из главных причин столь массовой волны немецких переселенцев заключалась в социально-экономических условиях жизни в Германии середины XVIII века. Последствия разрушительной тридцатилетней войны в Европе (1618-1648) давали о себе знать весь XVIII век. Особенно тяжелым бременем это легло на простых крестьян, закрепощение которых принимало все более жестокие формы. Усиление мощи Пруссии после войны за Австрийское наследство (1740-1748) вылилось в новое, еще более кровопролитное противостояние – Семилетнюю войну (1756-1763).

Результатом этих событий, по мнению Г. Г. Писаревского, стало общее ухудшение социально-политической обстановки в центре Европы: "Борьба с могущественной европейской коалицией заставила прусского короля Фридриха II до крайности напрягать платежные силы своих подданных, обременять их строгими "экзекуциями", военными постаями и беспощадными рекрутскими наборами" [71]. Такое положение дел вызвало волну бегства населения из Пруссии в польские земли, что истощало ресурсы Фридриха II. Однако на новых территориях прусские эмигранты не получали должной поддержки. Более того, будучи в основе своей протестантами, они подвергались серьезным притеснениям со стороны католической церкви. Первым, кто решил использовать это обстоятельство в свою пользу, стал саксонский генерал Вейсбах, предложивший российским властям принимать у себя таких беженцев, предлагая им свободу вероисповедания, освобождение от налогов и рекрутских наборов, что привлекло бы значительные массы населения на южные окраины России. Своим планом он преследовал цель нанести Пруссии "значительный ущерб в доходах и войске" [72]. Несмотря на то, что его проект не был сразу поддержан Елизаветой Петровной, он вызвал большой интерес у Екатерины II, что говорит о ее дальновидности в вопросах миграционной политики.

От последствий Семилетней войны также серьезно пострадала и Саксония, где гернгутеры пытались найти укрытие от вооруженных конфликтов и постоянных религиозных гонений. И хотя их главная цель создания колонии в России носила миссионерский характер, определенная часть переселенцев-гернгутеров бежала именно от сложившейся тяжелой социально-экономической ситуации в Германии.

Два манифеста Екатерины II юридически оформили возможность переселения моравских братьев в Россию. Первый из них от 4 декабря 1762 г. "О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу" определял новые принципы государственной политики в отношении иностранных лиц и бывших подданных Российской Империи, которые желали переехать и поселиться в России [73]. Этот документ был переведен на многие европейские и арабские языки, отпечатан большим тиражом и разослан за рубеж российским дипломатам для дальнейшего его распространения. Однако манифест от 4 декабря 1762 года не содержал необходимых для переселения иностранцев гарантий.

Второй манифест от 22 июля 1763 г. "О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах" стал логичным продолжением первого. Он уже более конкретно определял права и гарантии будущих колонистов.

Например, им предоставлялся льготный период освобождения от уплаты налогов на 30 лет, гарантировалось общинное самоуправление, освобождение от воинской повинности. Также переселенцам компенсировались затраты на переезд и "кормовые" расходы [74]. Однако главным фактором, повлиявшим на решение гернгутеров отправиться в Россию, стала гарантия свободного отправления веры и право "строить церкви и колокольни (но не монастыри) и иметь при них потребное число пасторов и прочих церковно-служителей" [75]. При этом было запрещено "склонять в свою веру кого-либо из христиан других исповеданий, живущих в России, магометан же из числа соседних с Россией народов дозволялось не только обращать в христианство, но и делать себе крепостными" [76].

После издания этих двух важных манифестов представители гернгутеров прибыли на переговоры в Санкт-Петербург. В результате долгих консультаций 25 февраля 1764 года Екатерина II дала свое согла-

сие на переселение моравских братьев в Россию и подписала указ "О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания" [77]. Так как гернгутерам было запрещено проповедовать свое учение среди христиан, они решили нести Евангелие калмыкам, которых на тот момент считали язычниками. Миссионеры выбрали место для переселения вблизи Царицына, в устье реки Сарпа. Созвучие названия реки с "Сидонской Сарептой", упоминавшийся в Библии, предопределило выбор названия колонии, которая стала именоваться Сарептой.

Первые гернгутеры начали приезжать после издания 7 июня 1765 года доклада Президента Канцелярии Опекунства Иностранных графа Орлова "О правилах для поселения в России Братского Евангелического общества", детально регламентировавшего процесс переселения, владения и пользования имуществом и другие важнейшие аспекты жизнеустройства колонистов [78]. В свою очередь руководство братской общины разрабатывало собственную политику и способы переселения людей. Большое значение при этом имел отбор наиболее подходящих переселенцев. В. Н. Медведев выделяет следующие критерии оценки кандидатов: "Подвижничество, желание проповедовать, путешествовать, трудиться на благо миссии на любой работе, социальный состав (семейное положение в т. ч. наряду с семейными парами примерно в равной пропорции подбирали и неженатых мужчин и незамужних девушек, вдов) и профессиональный статус, опыт, твердость характера, трудолюбие, бережливость, наличие капитала, товаров и коммерческая смекалка, и т.д." [79].

Многим из приведенных выше качеств соответствовал также Иоганн Иериг. Он был холостым молодым мужчиной, имевшим хорошие ремесленные навыки и образование, стойкий характер и как показала его дальнейшая судьба – жаждущий путешествий. В 1769 году, находясь в Барби, он оказался в числе кандидатов для отправки с миссией в российскую колонию Сарепта.

На его решение, безусловно, повлияла также сложная социально-экономическая ситуация в Германии. Завершившаяся в 1763 году Семилетняя война показала, насколько масштабным и жестоким может оказаться противостояние нескольких держав за территории. Помимо того, что гернгутерам запрещалось любое проявление насилия, перспектива оказаться на войне И. Иерига, вероятно, также не прельщала.

Вопрос о его субъективных мотивах эмиграции из Германии может быть рассмотрен в контексте ценностных установок, проявленных им уже в России, но задатки которых, безусловно, существовали гораздо раньше. Среди других членов общины И. Иериг выделялся нестандартным и даже критическим мышлением, стремлением к новым знаниям, непрерывному самообразованию. Это характеризовало его как яркого представителя эпохи Просвещения, главные идеи которого как раз и заключались в необходимости рационального познания окружающего мира и самосовершенствования человека, для того, чтобы изменить к лучшему общество в целом. Однако религиозная этика моравской церкви сильно видоизменила данную идею и направила ее в русло укрепления хозяйственного (экономического) благополучия своих колоний, дабы достичь своей высшей духовной цели. М. Вебер называл этот процесс "религиозно ориентированной "рационализацией" жизненного уклада" [80], при котором человек получал за свой труд определенные "чрезвычайно действенные психологические награды" до тех пор, пока в нем сохранялась вера в данное религиозное учение. В этих условиях И. Иериг не мог реализовать свой исследовательский потенциал, а переезд в совершенно неизвестную для него страну давал шанс кардинально изменить свою жизнь и получить новый бесценный опыт и знания.

Совокупность обозначенных факторов обусловила утверждение кандидатуры Иоганна Иерига в составе группы переселенцев из 39 человек для отправки в Сарепту [81]. Столь сложное мероприятие тщательно готовилось дирекцией общины на протяжении длительного времени. Было отработано несколько вариантов пути в Россию. Первыми местами сбора переселенцев стали города Гернгут и Зейст. Из Гернгута дорога шла через город Барби и далее в Травемюнде – порт Любека, откуда людей морским путем переправляли в Санкт-Петербург (или Кронштадт). В середине XVIII века Любек стал "центральным пунктом, из которого переселенческое движение направлялось в Россию" [82].

И. Иериг вошел в состав так называемой четвертой колонны, то есть четвертой по счету группы гернгутеров. Их первоначальной точкой сбора был Зейст, откуда переселенцев направили в Амстердам, а 20 мая 1769 года – морским путем в Россию [83].

Главным российским государственным органом, отвечавшим за организацию работы с мигрантами, была Канцелярия Опекунства Ино-

странных. Прибыв 24 июня 1769 года в Кронштадт [84], группа И. Иерига прошла процедуру таможенного контроля. У каждого переселенца были проверены документы и провозимое имущество. Спустя два дня на приобретенной специально для этих целей лодке, их отправили в Санкт-Петербург [85]. Канцелярия, помимо прочего, снабжала своих гребцов специальной формой, отличной от мундиров других моряков российского флота [86].

В столице группу И. Иерига встретил так называемый агент, то есть человек, ответственный за их распределение "по квартирам" и общие организационные вопросы. Гернгутеров размещали в доме, находившемся в Малой Морской слободе, который в 1766 году вместе с земельным участком был пожалован в дар Екатериной II [87]. В грамоте от 27 марта 1767 г. императрица указала: "К поспешствованию общей пользы заводимых в Империи нашей селений часто упоминаемых соединенных братьев не только Всемилостивейше позволили Мы их содержать в престольном Нашем городе Санкт-Петербурге одного из братьев в чине агента, но и дом, состоящий у адмиралтейского канала в Малой Морской для жилья оным, а более для отправления Божьей службы и квартирования приезжающих от времени по собственному выбору и приторговыванию бывшего до ныне агента их Петра Конрада Фриза из казны Нашей купить и в вечное оной колонии братьям владение отдать повелели, освободя оный от постоев и других полицейских должностей на равных привилегиях, каковы от Нас пожалованы домам священно и церковнослужителям протестантского закона" [88]. Долгое время этот дом принимал переселенцев-гернгутеров из Германии, служил их главным приходом, торговым пунктом. Как позже писал И. И. Пушкарёв: "Императрица Екатерина II, в знак Всемилостивейшего благоволения своего к Сарептскому Обществу, пожаловала, в 1767 году, сему Обществу дом, для свободного совершения богослужения и помещения проповедника и агента Общества, путешествующих членов его..." [89].

Иоганн Иериг пробыл в столице больше месяца, до начала августа 1769 года. За это время, помимо посещения богослужений и других общинных мероприятий в доме гернгутеров в Малой Морской слободе, он прошел несколько обязательных для всех переселенцев процедур. Его проинформировали о российских традициях и законах, он также прослушал первоначальный курс русского языка. Обязательным условием было "клятвенное обещание" или присяга, которую все ино-

странцы приносили на верность российскому государству в присутствии агента и ставили свою подпись под ее текстом. После прохождения этой формальной, но, безусловно, важной процедуры И. Иериг официально утратил связь с Германией и стал полноценным подданным Российской Империи, что коренным образом изменило его социально-правовой статус.

Далее агент обратился в Канцелярию Опекунства Иностранцев с подтверждением принятой клятвы и прошением о выдаче подорожных денег в сумме 32 рублей на человека, необходимых для оплаты дороги в Сарепту, а также о выдаче дорожных паспортов и специальной подорожной грамоты для оказания содействия губернскими властями.

И. Иериг вместе со своей группой 4 августа 1769 года выехал из Санкт-Петербурга в Сарепту. Безопасность переселенцев обеспечивала Военная коллегия, предоставлявшая путникам соответствующий конвой солдат, а в Области Войска Донского – казаков. В. М. Медведь выделяет несколько вариантов маршрутов гернгутеров от Санкт-Петербурга до Сарепты: "Речной маршрут: вначале на повозках до Волги – Санкт-Петербург – Тверь – Москва – Муром – Нижний Новгород или до Казани, затем по Волге на судах (или до Торжка, далее на судах по Тверце до Волги). Существовал еще один вариант: по суше до Твери, затем по Волге суда сплавлялись до Саратова и Царицына. Со строительством пристани, суда стали заходить в Сарептский затон р. Сарпы" [90]. Приемом гернгутеров на местах занималась Саратовская Контора иностранных поселенцев, которая контролировала процесс расселения, а также следила за выполнением указов губернскими канцеляриями.

Перевод записей сарептского хрониста Х. Зутера предоставляет возможность составить полную картину путешествия, предпринятого группой И. Иерига в 1769 году: "Также как и в тяжелые времена ожидают лучшего и при неприятных происшествиях надеются на грядущее благополучие и утешаются этим, так и проходил этот год в Сарепте в ожидании возможности, что как раз сейчас к нам движется существенная поддержка из Германии. Так 23/12 Мая в Амстердам прибыло под парусом [по воде] 28 братьев и 11 сестер, всего 39 человек, и 30/19 июня они сошли на землю в Санкт-Петербурге после удачного морского путешествия. Их сердечно встретили братья Мюллер и Лоренц, а также прибывший из Москвы брат Зутер, чтобы в итоге сопроводить их

в Сарепту. В течение нескольких недель они находились в доме братьев, где наслаждались радостным приемом, встречались с хорошими друзьями, посещали их ежедневные собрания. После сердечного прощания с теми братьями и друзьями, которые сопровождали их часть пути, как и предыдущие группы братьев, дав клятву верности, 24 июля/4 августа они продолжили свой путь. Для большей безопасности к ним были прикреплены 5 солдат и лейтенант Арнольди от Канцелярии Опекунства Иностраных. Так как они наняли извозчика, и наряду с их багажом имелся другой тяжелый груз, путешествие до Твери при сильно дождливой погоде тянулось медленно, и лишь 6/19 августа прибыли они на берег Волги, где по наказу брата Зутера и благодаря верным стараниям братьев Брандт и господина Хорнунга из Москвы была куплена вместительная и удобная яхта, оснащенная комнатами, кухней и печью для большого удобства. 18 августа люди и вещи были загружены в яхту, и она оттолкнулась от берега. Брат Брандт, взявший из Москвы двух детей Йоханнеса и Анны Паули, а также девочку Анну Антонину, и передавшие их для дальнейшего пути в Сарепту, добрались со всеми до деревни Горолима и отправились затем обратно в Москву. Весь путь по Волге, хотя был несколько долгим, но при этом приятным и не сильно затруднительным, кроме несколько суровой и недоброжелательной погоды под конец дороги. Холостой брат Андреас Грюцмахер, отправившись из Петербурга уже будучи заболевшим, скончался 19/30 сентября между Самарой и Саратовом у деревни Черной Сатон и был похоронен в колонии Севастьяновка пастором Яннетом. 2/13 октября прибыли в Сарепту здоровыми и невредимыми оставшиеся путники к своей и общей радости общины. На берегу Волги под звуки органных труб их с нежностью встречали члены общины, там же стояли удивленные чужаки. Так в разгар войны [91] в их дома, наконец, пришел мир. По случаю приема был дан обед. Хвала и благодарность Господу нашему, чей народ в пути и дома под защитой – говорилось в пении и беседе" [92].

Из описания путешествия следует, что российские власти относились к колонистам весьма доброжелательно. Такому подходу способствовали разработанные инструкции Канцелярии Опекунства Иностраных, одна из которых от 11 сентября 1763 года предписывала принимать переселенцев "со всей ласковостью и нисходительством, не оказывая ниже виду грубости, особливо же не чиня ни малейших обид" [93].

1.3. ОБРАЗ ВОСТОКА И КАЛМЫЦКАЯ КУЛЬТУРА КАК ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И. ИЕРИГА

Иоганн Иериг приехал в Сарепту 13 октября 1769 года, как раз в период самого пика переселения гернгутеров, который пришелся на 1765-1775 годы [94]. К тому моменту в колонии уже была организована и успешно функционировала развернутая система органов управления. Высшим среди них была конференция старейшин, непосредственно подчинявшаяся только Дирекции общины в Германии [95]. Возглавлял конференцию епископ, являвшийся также высшим духовным лицом колонии. Гернгутерам предписывалось жесткое разделение по гендерному, возрастному и социальному признакам. В Сарепте были обустроены отдельные дома и комнаты для незамужних женщин, вдов, холостых мужчин. Семейные члены общины проживали также в отдельных "приватных" домах. Соответственно, каждая категория колонистов находилась под управлением своего собственного органа контроля, так называемого хора. Коллегия попечителей, в которую входили руководители хоров, а также наиболее авторитетные члены общины, решали вопросы обустройства Сарепты и ее экономического развития, разбирали возникающие конфликтные ситуации в качестве первой судебной инстанции. Существовал также совет общины, созывавшийся по мере необходимости для решения общественно важных вопросов, таких как строительство дорог, зданий, водопроводов и т.д. [96].

Таким образом, выбыв из одной жестко организованной религиозной общины в Германии, Иоганн Иериг попал в другую, не сильно отличающуюся от первой по структуре и образу жизни, российскую колонию.

Качественный состав переселенцев был весьма разнообразным. По большей части, прибывшие из Германии люди, уже имели специальные навыки и знания для занятия хозяйственной деятельностью. Среди них были пекари, столяры, ткачи и т.д. В. Н. Медведев отмечает: "В первых партиях 1760-1800 гг. в Россию отправляли наиболее пригодных и энергичных людей – строителей, крестьян, ремесленников, опытных руководителей" [97].

Однако основной целью колонии было отнюдь не экономическое благополучие, а проповедь Евангелия среди язычников – так гернгуте-

ры называли калмыков, считая, что они исповедуют многобожие и поклоняются идолам. Стоит отметить, что подобное незнание религиозной приверженности монгольских народов, проживавших в Российской Империи, было характерно и для официальных властей, именовавших их "идолопоклонниками" [98]. Миссионерская деятельность сарептян была тесно связана с ремесленным производством, необходимым для обеспечения жизнедеятельности колонии, поэтому любой член общины, невзирая на свой профессиональный статус, в перспективе мог стать миссионером.

Сведения о первых годах жизни Иоганна Иерига в Сарепте носят фрагментарный характер. Одной из причин тому стало пронесшееся по Астраханской губернии летом 1774 года войско Емельяна Пугачева, разграбившее Сарепту. Многие документы были сожжены и утеряны. Х. Зутер писал об этом страшном времени следующее: "Мы с огорчением нашли наш прекрасный церковный зал преднамеренно злостно изувеченным, окна разбиты, двери сорваны, люстра сброшена, все шторы сорваны, клавесин и орган разбиты, зал был заполнен перьями из постелей, разбитыми сундуками и ящиками, разорванными бумагами и книгами, вся церковная утварь и служебные одеяния были похищены, не в меньшей степени разграблены и рассеяны изрядная церковная библиотека и архив колонии" [99].

Тем не менее часть архивных документов все же сохранилась в объединенном архиве моравской церкви г. Гернгут, где удалось обнаружить список хора холостых братьев Сарепты за 1770 год. Согласно нему руководство общины учло профессиональные навыки И. Иерига, полученные им еще в Германии, и поручило ему создать красильню тканей в индиго [100], а также в короткий срок наладить ее работу. Этот способ окраски тканей был весьма популярен в XVIII веке в Европе и основывался на применении натурального красителя синего цвета, завозимого из Индии [101].

Анализ архивных протоколов конференции старейшин Сарепты позволяет сделать вывод, что Иоганну Иеригу потребовалось довольно много времени, чтобы непосредственно приступить к осуществлению намеченного плана. Первая запись о красильне И. Иерига была сделана только в конце 1771 года, когда он приступил к поиску работников для своего производства. 5 ноября 1771 года на конференции было рассмотрено ходатайство И. Иерига следующего содержания: "Брат Ребель сообщил, что от брата Иерига он узнал из последней беседы с

ним, что тот теперь хочет начать свое дело [красильня] с новыми силами и усердием, а также что ему требуется помощник, который согласился бы заняться этой работой. Он предложил на эту должность брата Давида Ренатуса Ничмана [David Renuatus Nitschmann], поскольку больше некого было вспомнить. Также Иериг мог бы с ним поговорить и спросить, имеет ли тот желание и способность занять эту должность, и при согласии предложил бы ему попробовать начать работу" [102].

Выбор компаньона И. Иеригом был сделан не случайно. Д. Ничман прибыл в Россию совсем недавно и пока не успел найти свою "нишу" в новой общинной системе. По профессии он был художником, однако применить свой навык в России ему было трудно, так как Сарепта нуждалась в первую очередь в ремесленниках и строителях. Помимо того, что работа в красильне И. Иерига требовала наличие художественных способностей, которыми располагал Д. Ничман, большое значение имело сходство интересов двух творческих личностей. Еще одним, безусловно, важным фактором была принадлежность нового работника к богатой и влиятельной немецкой семье Ничманов. Достаточно упомянуть, что отец Давида – Иоганн Ничман – был епископом Сарепты.

К тому же этот вариант был выгоден и для самого Давида Ничмана, так как он мог избежать дальнейшего давления со стороны руководства общины, которая требовала от него начать какую-либо работу и предлагала обучиться даже столярному ремеслу, лишь бы не оставаться без дела [103]. Совокупность указанных факторов привела к тому, что в итоге Д. Ничман дал свое согласие на новую работу, и прошение И. Иерига было удовлетворено.

Отметим, что руководство общины довольно серьезно подходило к вопросу организации труда в колонии. Действовал принцип, согласно которому каждый житель Сарепты должен был собственными действиями и послушанием зарабатывать свой "хлеб", при этом оказывая помощь ближнему. Такой механизм "круговой поруки" на первоначальном этапе развития колонии был весьма эффективен и принес существенные результаты.

Однако, несмотря на получение нового помощника для своей красильни, И. Иериг не только не усилил работу по наладке производства, но и со временем стал меньше уделять ему внимания, а вместо этого проявлять большой интерес к калмыкам, проживавшим около Сарепты. В связи с этим следует рассмотреть вопрос о целях первых контактов И. Иерига с местным кочевым населением Астраханской губернии.

По мнению В. Н. Медведева, И. Иеригу поручили вести миссионерскую деятельность среди калмыков еще в 1770 году, и в качестве миссионера он выехал в Калмыцкую Орду [104], где приступил к изучению языка и обычаев этого народа [105]. В то же время Ш. Аугустин отрицает участие И. Иерига в миссионерской деятельности общины: "Иоганн Иериг не был миссионером, а был назначен рабочим по запуску красильни. Его контакты с калмыками и стремление изучить их язык допускались, вероятно, с тем аспектом, что он когда-нибудь сможет пригодиться в миссионерской работе" [106].

Действительно, так как миссионерство и общение с калмыками не входило в круг непосредственных задач И. Иерига, проявленный им в этом направлении интерес мог быть допущен общиной только под определенным предлогом. В самом начале развития Сарепты ситуация сложилась таким образом, что одним из основных направлений в деле миссионерства стало установление доверительных отношений с калмыками. Однако сделать это было не так просто, и миссионерам приходилось находить точки соприкосновения с кочевниками, не связанные с религией. Как отмечает М. Фундаминский: "Было почти невозможно заговорить с простым калмыком, чтобы тотчас рядом не возникали один или несколько священников, пытающихся своими замечаниями и комментариями умалить впечатление от сказанного миссионером" [107]. Поэтому сарептяне в первую очередь пытались наладить торговые отношения с кочевниками, а позднее даже стали оказывать им медицинскую помощь, тем самым устанавливая все более тесные, доверительные связи. Таким образом, учитывая сложившуюся в Сарепте ситуацию, И. Иериг, на наш взгляд, первоначально вступал в контакты с калмыками с чисто практической целью – улучшение торговли сарептскими товарами, а именно тканями, которые должна была производить его красильня. Не менее важен вопрос и о субъективных мотивах И. Иерига, способствовавших проявлению его интереса к калмыкам.

Образ Востока в европейском сознании в силу разных причин всегда олицетворялся с совершенно иным, отличным от их собственного, типом жизнеустройства. Российский философ и культуролог П. С. Гуревич отмечает: "Интерес к Востоку, равно как и отсутствие такового, зачастую оказывался в контексте тех или иных идеологических движений "перевернутой формулой" постижения и оценки своей собственной действительности через нечто такое, что этой действитель-

ности противостоит" [108]. Общинный уклад Сарепты И. Иериг противопоставлял совершенно неизведанной для него культуре калмыков, отчасти идеализируя жизнеустройство кочевников. Подобный подход был свойственен "просветительским" идеям XVIII века, которые "самым интенсивным образом вобрали в себя ориентальные элементы, стремясь соотнести, соизмерить себя с Востоком" [109].

Однако интерес гернгутеров к калмыкам не всегда воспринимался ими положительно. Миссионерам приходилось соблюдать большую осторожность при общении с кочевниками. Порой калмыки представляли большую опасность для сарептян, угрожая нападением на колонию. Например, А. А. Максимов сообщает: "В январе 1771 г., сочувствовавший сарептянам зайсанг Тохмут – один из представителей калмыцкой знати, прибыл в Сарепту. Гость сообщил о намерении Большой (Торгутской) Орды покинуть пределы России и переселиться в Китай, предварительно разграбив все поселения, расположенные между Царицыным и Астраханью, включая Сарепту" [110].

В то же время столь опасное соседство не повлекло за собой существенных корректив первоначальных планов гернгутеров. Наиболее ранние попытки проповеди Евангелия среди калмыков были предприняты еще в 1766 году епископом Иоганном Ничманом. Наряду с церковной службой он интенсивно занимался изучением калмыцкого языка. По сведениям М. М. Таубе, к работам И. Ничмана относятся сохранившиеся в архиве Гернгута записки с монгольскими и калмыцкими числительными, короткие предложения, христианские тексты на немецком и калмыцком языке, а также составленная им в конце 70-х годов XVIII века небольшая калмыцкая грамматика [111].

Одним из самых способных миссионеров Сарепты был Иоганн Конрад Найц, который далее других продвинувшийся в изучении языка кочевников. Результатом его занятий калмыцким языком стал неопубликованный немецко-калмыцкий разговорник, который активно использовался миссионерами. Его также часто приглашали в качестве переводчика для проведения деловых переговоров с калмыками. Это означает, что он обладал незаурядными знаниями языка. Его зять, сарептский историк А. Глич, указывал, что К. Найц в то время лучше других понимал письмо и устную речь калмыков [112]. Кроме того, К. Найц обучал калмыцкому языку и других сарептян. У него брал уроки даже именитый востоковед Б. Бергман, который позже отметил: "Ни в одном из русских переводчиков (которых мне рекомендовали

как хорошо знающих язык) я не нашел ни той проницательности, ни тех знаний монгольского языка, которыми обладал господин Найц из Сарепты, чьими уроками я не пренебрегал ... Все, что мне удалось перевести, этим я обязан ему..." [113]. Действительно, гернгутеры оказались одними из первых, кто системно начал изучать калмыцкий язык и письменность, а то время как русские переводчики XVIII века, как правило, подходили к этому вопросу весьма поверхностно.

Таким образом, И. Ничман и К. Найц, прибывшие в Сарепту на несколько лет раньше Иоганна Иерига, уже сформировали определенное представление о калмыцком языке и могли общаться с кочевниками. Исходя из этого, мы можем предположить, что первые уроки калмыцкого языка И. Иериг получил именно от К. Найца и И. Ничмана.

В то же время одних знаний языка было недостаточно для установления доверительных отношений с калмыками. Нужно было своим примером показать готовность вести кочевой образ жизни, понять их мировоззрение и главные принципы жизненного уклада. Именно такой путь в деле общения с калмыками и выбрал Иоганн Иериг, привлекая к своему занятию и Давида Ничмана.

Их первые путешествия "в степь" нашли отражение в протоколе коллегии Сарепты от 13 марта 1772 года: "По случаю и, прежде чем поговорить с братом Иеригом, на коллегию был вынесен вопрос о том, что некоторые молодые братья в братском доме, которые в действительности не заработали свой хлеб, сильно увлекались охотой, и не обращали внимания на все замечания и жалобы их руководства. В связи с чем, было решено взяться за это дело и обсудить его на коллегии. В первую очередь у брата Иерига и Давида Ничмана, которые провинились в этом больше остальных, изъять ружья и сдать их в надежное место на хранение. Принимая во внимание большое количество других братьев, которые имели подобные проступки, брату Абраму Лоренцу было поручено на следующем собрании дома огласить, что коллегия подобные тому непристойности, например как злоупотребление охотой, хотела бы пресечь на будущее, и в случае неповиновения будет применять решительные меры, невзирая на личный авторитет и заслуги" [114].

Безусловно, охота была определенным предлогом для И. Иерига и Д. Ничмана в очередной раз отправиться к калмыкам. Подобное увлечение негативно сказывалось на работе красильни, которую И. Иериг должен был организовать. В итоге никакой финансовой выгоды дан-

ное предприятие не приносило, поэтому он вынужден был вместе с Д. Ничманом брать необходимые продукты и товары в долг у местных торговцев. Об этом свидетельствует протокол конференции Сарепты от 27 марта 1772 года: "Брата Лоренца Берга следует попросить больше не давать в долг брату Иеригу ничего из лавки и по возможности уведомить его об этом, а также по требованию брата Абрама Лоренца в лавке больше не должны выдаваться кредиты брату Давиду Ничману" [115].

Постепенно отношения И. Иерига с руководством Сарепты портились, вопросы его поведения все чаще выносились на рассмотрение общего собрания хора холостых братьев. Сложилась двоякая ситуация. С одной стороны, задача И. Иерига состояла в организации успешного производства и допущенная им халатность в этом вопросе не находила одобрения в общине. В то же время проявленный им интерес к калмыкам и их языку все же способствовал достижению основной цели гернгутеров. Российский историк И. С. Володжанский отмечает: "Еще во времена основания первых гернгутских колоний духовный лидер и руководитель Братства граф Н. Л. фон Цинцендорф поручал миссионерам собирать естественнонаучные и исторические сведения о территориях их места пребывания. Для миссионеров Братского Союза считалось необходимым изучать языки народов, среди которых они жили и проповедовали, а также их историю, культуру, быт, обряды и традиции. Это позволило им адаптироваться в чужой стране среди чужого народа, вести себя в соответствии с принятыми законами и обычаями, вызывать доверие у местных жителей и не выглядеть чужаками" [116].

Соотнесение познавательной деятельности гернгутеров с деятельностью миссионерской всегда порождало вопрос о ценности научного знания для религии. Еще Мартин Лютер в своих рассуждениях "О рабстве воли" сравнивал добро, которое несет в себе Евангелие, с пользой, которую приносит наука: "Теперь же с приходом Евангелия его начинают обвинять в том, что мир зол, между тем как добро Евангелия яснее показывает, сколь зол был мир, когда он пребывал без Евангелия в собственной своей тьме. Так неучи станут обвинять науки, потому что с расцветом наук явным становится их невежество" [117].

Таким образом, Иоганн Иериг, с одной стороны, был движим просветительскими идеями и желанием исследовать окружающий его новый мир Востока, а с другой – скован "примитивными" для него

обязательствами работы на красильне. Община в первую очередь ждала от него полной самоотдачи в труде, возвышая это в ранг религиозного подвига и облачая в своеобразную форму "мирской аскезы". Те субъективистские начала, которые были заложены еще М. Лютером в идеях протестантизма, у гернгутеров в итоге трансформировались в некий "полицейский режим". Анализируя характер таких религиозных и социальных противоречий, М. Вебер отмечал, что подобная организация церкви "принуждала верующих к соблюдению определенных внешних требований поведения, но подчас парализовала субъективные импульсы к методическому строю жизни" [118].

Изучение калмыцкого языка и налаживание контактов с кочевниками как залог успешного ведения миссии, несомненно, поощрялись руководством общины. Поэтому в первое время И. Иеригу прощались неудачи с красильней и его длительное пребывание среди калмыков. Но вскоре его увлечение стало приобретать все более масштабный характер, и терпение сарептского начальства начало иссекасть. Согласно архивным документам, в мае 1772 года руководитель общины (форштеер) Даниэль Генрих Фик в очередной раз вынес на рассмотрение конференции вопрос о проступках И. Иерига: "Брат Иериг вместе с другим молодым братом [Д. Ничманом] вечерами в сумерках иногда ходили в калмыцкие кибитки, и ввиду того, что такие весьма непристойные вещи не позволяют себе даже русские люди, и уже долгое время часто по вечерам кибитки осматриваются охраной, то брату Абраму Лоренцу было поручено от имени Коллегии сделать брату Иеригу серьезный выговор и предупреждение больше так не поступать и остерегаться возникновения неприятных последствий" [119]. Действительно, традиционный уклад жизни кочевников не позволял им вступать в тесные контакты с чужаками, и подобные взаимоотношения могли окончиться серьезными проблемами не только для самих нарушителей норм поведения, но и для всей колонии.

Напряженный период противостояния Иоганна Иерига и руководства Сарепты совпал со временем посещения колонии известными учеными Российской академии наук. Их приезд был связан с тем, что в 60 – 70-х годах XVIII века Академия формировала специальные "физические" экспедиции по изучению отдаленных регионов России. Для ученых составлялись вопросники и инструкции, которыми они должны были руководствоваться в месте проведения исследований. Такие программы состояли из 10 разделов: исследование свойства земли и

вод, описание местных минералов, минеральных вод, болезни людей и скота, способы врачевания, методы разведения скота, овец, пчел, шелкопряда, изучение способа рыбной ловли и охоты, изготовление предметов быта, знания по астрономии, язык, нравы, обычаи, предания, достопримечательности. Эти вопросы были общими для всех пяти отрядов экспедиций, которые возглавляли по большей части ученые немецкого происхождения: П. С. Паллас, И. П. Фальк, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштедт.

Помимо научной составляющей, данные проекты преследовали долгосрочные политические цели. Войдя в состав Российской Империи, новые этносы и территории оставались долгое время малоизученными, и поэтому управление ими было затруднено. Екатерина II, будучи дальновидным и "просвещенным" монархом, придавала необходимости исследования окраин государства стратегическое значение. Кроме того, большую роль сыграли ставшие популярными при Екатерине II идеи европейского Просвещения, сводившиеся, как правило, к описанию и систематизации всего ранее не известного науке. Причем, как справедливо заметил современный российский историк Д. С. Ткаченко, "идеи просветителей хорошо вписывались в цели общего исследования Империи, которые Екатерина II провозгласила в последней четверти XVIII в." [120]. Действительно, географические описания отдаленных земель и народов давали Российской Империи, помимо новых знаний, также возможность предъявлять свои права на эти территории.

Интересным является тот факт, что маршруты академических экспедиций по изучаемому региону проходили дважды и обязательно в разное время года. Например, отряд П. С. Палласа на Нижней Волге побывал осенью 1773 года и весной 1774 года.

Сарепта была притягательным местом для таких путешественников, так как здесь жили их соотечественники, с которыми можно было общаться на родном языке. В колонии они находили приют для отдыха, поправляли здоровье на местных минеральных источниках, встречали добровольных помощников среди сарептян, владевших калмыцким языком и знакомых с их культурой и бытом [121].

В СПФ АРАН сохранился рукописный вариант четвертой части труда одного из таких путешественников – академика С. Г. Гмелина [122] – под названием "Путешествие по России для исследования трех царств природы". В нем содержится запись о визите его экспедиционного

отряда в Сарепту весной 1772 года: "29 мая отправился я в Астрахань сухим путем через Енотаевскую крепость, Черный Яр и Сарепту. В Сарептской колонии Евангелического братского общества, описанного мною во второй части моего путешествия, получил я с согласия начальника двух для меня весьма необходимых спутников Мельхиора Ничмана и Христиана Гаммеля. Первый был весьма хорошим рисовальщиком ... а последний переехал в Орду и знал хорошо калмыцкий язык и нравы" [123].

С. Г. Гмелин не случайно выбирал себе помощников среди гернгутеров. Они были образованы, трудолюбивы, а самое главное владели немецким языком, на котором составлялось большинство академических научных трудов во второй половине XVIII века. Особенную ценность для таких академических отрядов представляли немцы, владевшие языками местных народов, например, калмыцким. Во время экспедиции С. Г. Гмелина готовились различные документы, в том числе ежедневник зарисовок и картины, которые формировали основу для дальнейшей работы. Как правило, отчеты о таких путешествиях поступали в печать и снабжались дорогостоящими иллюстрациями. Для этой работы хорошо подходили художники из числа гернгутеров, владевшие не только мастерством изобразительного искусства, но и знакомые с калмыцкой культурой и с местной природой. Однако Сарепта ограничивала свободное время таких помощников и возможность самостоятельного выбора занятий, рано или поздно им приходилось возвращаться к выполнению своих обязанностей в общине.

В архивном "дневнике" Сарепты имеется запись о том, что С. Г. Гмелин непосредственно после своего прибытия в колонию в июле 1772 года поручил Давиду Ничману изготовить иллюстрации к своему отчету об экспедиции, который планировалось издать в Санкт-Петербурге. Среди изображений отдельно были отмечены картины сожжения ламы, шествия и лагеря калмыков [124]. По материалам архива удалось установить, что позже С. Г. Гмелин и Д. Ничман неоднократно совершали совместные поездки в Дербетскую Орду, чтобы собрать больше сведений об истории калмыков [125].

Также академик обратил внимание на Иоганна Иерига, чьи знания языка и культуры калмыков вызвали у него большой интерес. Наиболее раннее упоминание об их встрече мы нашли в протоколах Конференции Академии наук, согласно которым, в 1772 году И. Иериг "передал профессору Гмелину различные записи о религии, обычаях

калмыцких народов" [126]. Вероятно, они встречались и ранее, так как академик неоднократно посещал Сарепту в период с 1769 по 1773 год [127].

Именно С. Г. Гмелин впервые показал И. Иеригу ценность его знаний для академической науки и перспективы его дальнейшей исследовательской карьеры. Этот импульс позволил ему расставить приоритеты в собственной жизни, понять свое предназначение и решиться на окончательный разрыв отношений с общиной гернгутеров, которая только сковывала развитие его способностей к языкам и научной деятельности. Таким образом, встреча с С. Г. Гмелиным имела судьбоносное значение для Иоганна Иерига.

Пребывание С. Г. Гмелина в Сарепте было достаточно длительным, в период 1772-1773 гг., что объясняется его женитьбой на дочери астраханского купца Николауса Рентеля (нем.: Nicolaus Rentel), который находился в тесных связях с гернгутерами [128]. 15 июля 1772 года пастор Буш совершил обряд их бракосочетания в сарептской квартире Н. Рентеля [129]. Имя этого купца неоднократно встречается в архивных документах Сарепты, что говорит о его значительной роли в жизни колонии. Н. Рентель, как любой купец, был очень предприимчивым человеком, а женитьба известного академика на его дочери стала для него выгодной "сделкой".

Определенную угрозу исследовательским планам С. Г. Гмелина, по мнению Н. Рентеля, представляла экспедиция другого именитого академика Петра Симона Палласа [130], прибывшего летом 1773 года в Астраханскую губернию. Профессор Паллас также был заинтересован в получении нескольких помощников из числа сарептян для своего отряда. В связи с этим Н. Рентель, увидев с его стороны возможную конкуренцию своему зятю, попытался, пожалуй, не совсем честным способом помешать ему наладить отношения с Д. Ничманом и И. Иеригом. Он использовал удобный случай выставить перед Сарептой в негативном свете обоим юношей, которые в очередной раз были замечены отправляющимися по вечерам к калмыкам. Такой вывод можно сделать, если рассмотреть содержание протокола заседания конференции старейшин от 22 июня 1773 года, куда Н. Рентель направил соответствующий компромат: "Братья Давид Ренатус Ничман и Иоганн Иериг несмотря на все искренние и серьезные предостережения с большим усердием пренебрегали существующими порядками и правилами, поддерживали опасные связи, вызывающие подозрения, и снова

вступали в сомнительные контакты с калмыками. Брат Ребель уже запрещал им проявлять непослушание, однако они сделали вид, что не обращают на это внимание, давая возможность дальше распространяться этим известиям" [131].

Н. Рентель предпринял данный ход с той целью, чтобы окончательно разорвать отношения И. Иерига и Д. Ничмана с Сарептой и таким образом гарантировать их назначение при экспедиции С. Г. Гмелина. Безусловно, академик нуждался в столь ценных помощниках, а Н. Рентель стремился в свою очередь угодить своему титулованному зятю.

Тем временем профессор П. С. Паллас продолжал посещать Сарепту в течение лета 1773 года [132]. Оценив местную территорию и состав населения, в июле 1773 года он проинформировал Академию наук о своем плане по описанию кочевников: "Калмыцкий диалект настолько сильно отличается от монгольского языка, что заслуживает отдельной публикации его перевода. Для этого осенью у меня будет свободное время. Я наведу справки об устной речи и о письменности калмыков, которая употребляется под названием "Kallik" [133]..." [134]. Для осуществления поставленной задачи ему требовался знаток калмыцкой письменности и речи. Как раз в этот момент он и познакомился с Иоганном Иеригом, который поразил его своими знаниями в данной области. Также ему был необходим хороший иллюстратор для создания зарисовок к отчету. На эту роль прекрасно подходил Давид Ничман.

Однако проблема заключалась в том, что оба сарептянина уже выразили свое желание присоединиться к экспедиции профессора С. Г. Гмелина. Кроме того, они имели серьезные проблемы с руководством общины и не могли больше там оставаться. Ключевую роль в этой неловкой ситуации сыграл именно Н. Рентель, выразив желание принять обоих "нежелательных персон" у себя в Астрахани. Первым Сарепту покинул Давид Ничман. Даже многочисленные уговоры его влиятельного отца не смогли переубедить юношу. 22 июля 1773 года Н. Рентель в письме к руководителю общины Даниелю Фику сообщил о прибытии Д. Ничмана в Астрахань [135]. При этом он заверил, что ничего не имеет против желания И. Иерига поступить на службу к профессору С. Г. Гмелину в качестве переводчика калмыцкого языка, с тем условием, что он больше не сможет оставаться в Сарепте. Дирекция колонии, учитывая готовность Н. Рентеля отправить Д. Ничмана и И. Иерига сразу же в Калмыцкую Орду (по поручению С. Г. Гмелина), предупредила о запрете посещения Сарепты, а также нахождения вбли-

зи нее обоим юношам [136]. Таким образом, вопрос об исключении Иоганна Иерига и Давида Ничмана из общины был практически решен.

Обнаруженное в архиве Гернгута развернутое постановление конференции Сарепты по делу Иоганна Иерига от 23 июля 1773 года свидетельствует об окончательном разрыве отношений с общиной: "Исключительно по своей вине он лишился права проживания в общине ввиду следующих причин: 1) Так как он вступил в единство с духовными ценностями язычников, в то время как сообщал конференции старейшин о своей готовности несения евангелической службы среди язычников, и под этим предлогом он изучал калмыцкий язык, однако позволял себе поддаваться плотским прегрешениям с ними; 2) Так как после всего этого выяснилось, что, несмотря на все вынесенные ему запреты, он продолжал вступать в контакт с калмыцким народом, даже с представителями женской его части..." [137].

По мнению сарептского историка XIX века А. Глича, Иоганн Иериг "...счел миссию только предлогом, для того, чтобы общаться с этим народом [калмыками] поверхностно и безнравственно" [138]. Дополнительным поводом для исключения И. Иерига стали неудачи с красивым производством, которые преследовали его, в том числе и по объективным причинам: в 1771 году большая часть поволжских калмыков, основных потребителей сарептских товаров, бежала в Джунгарию [139] из-за несогласия с проводимой Екатериной II национальной политикой [140].

По мнению К. Швайцера, история с исключением Иоганна Иерига из общины нашла незначительное отражение в архивных документах Сарепты, что свидетельствовало о сознательном замалчивании произошедшего [141]. Свой вывод он аргументирует тем, что хронист Сарепты А. Глич не указывает И. Иерига в списке братьев, а летописец Х. Зутер, часто уделявший большое внимание деталям, обходит этот случай вниманием [142].

Действительно, столь серьезные проступки И. Иерига, нарушавшие устав Сарепты, влекли за собой неминуемое применение серьезных санкций в его отношении. Однако для изгнания человека из общины требовались гораздо более веские причины, нежели чрезмерное увлечение калмыцкой культурой и сопутствующие неудачи на производстве. Отметим, что в качестве первостепенного проступка конференция назвала единение И. Иерига с духовными ценностями язычников.

Причем конференция старейшин не видела дальнейших перспектив для изменения ситуации в пользу общины. Это в очередной раз доказывает тот факт, что культуру Востока И. Иериг воспринимал в противопоставлении европейскому мировоззрению и видел в ней возможность изменения своей собственной жизни. Безусловно, такие кардинальные перемены в личности И. Иерига не оставляли общине другого выбора.

Жизнь в условиях кочевого хозяйства, которую вели калмыки, нельзя назвать привлекательной для человека европейского воспитания и образа жизни. Тем не менее И. Иериг сознательно пошел на сближение с калмыками и тем самым лишил себя шансов остаться в благоустроенной и активно развивающейся колонии. Это характеризует его как человека нестандартного мышления, для которого главным приоритетом в жизни были отнюдь не богатство и личный комфорт, а свобода научного познания окружающего мира и непрерывное самосовершенствование.

В свою очередь община гернгутеров во главу угла ставила коллективные интересы и обязанность каждого своего члена добросовестно трудиться, причем важен был не результат, а то упорство, с которым человек, вдохновленный заповедями Евангелия, исполнял свой долг. Из содержания рассмотренных делопроизводственных бумаг Сарепты становится ясно, что за первые три года проживания в России Иоганну Иеригу не удалось "вписаться" в организованный общинный уклад жизни. Находясь в состоянии неопределенности, когда ему приходилось выбирать между своим исследовательским рвением и обязанностью ежедневно трудиться на красильне, И. Иериг последовал главному протестантскому принципу: воля человека подчинена воле Божьей, но ее можно узнать только из Священного Писания, толкование которого отдано на откуп не церковному авторитету, а собственному разуму человека. Как яркий представитель эпохи европейского Просвещения И. Иериг, несомненно, выбрал путь рационального познания мира, что могло быть оправдано главными идеями и принципами протестантской этики. Таким образом, именно несогласие Иоганна Иерига с моделью жизнеустройства гернгутеров и стало основной причиной его исключения из общины, а совершенные им проступки явились лишь поводом для принятия окончательного решения.

На следующий день после вынесения резолюции конференции Сарепты, 24 июля 1773 года Иоганн Иериг уехал в Астрахань "...после

разговора со зрителем коллегии, который сообщил о его злоупотреблении доверием и проступках, нарушавших принципы и устав колонии, ставшими причиной лишения его права нахождения в общине" [143].

В то же время летом 1773 года С. Г. Гмелин покинул Астрахань и направился с экспедицией в Персию, предварительно дав указания Н. Рентелю относительно двух своих новых помощников. В начале августа 1773 года И. Иериг с Д. Ничманом отправились в Калмыцкую Орду, чтобы собрать необходимые С. Г. Гмелину материалы. Николаус Рентель в своем письме Даниэлю Фику сообщал о них следующее: "Господин Ничман и Иериг уже 14 дней как покинули здешние места. По всей вероятности, как тому предписывает их инструкция, они отправились к Волге или к Дону, где проживают калмыки. Я рассчитываю, не раньше, чем в ноябре получить от своего зятя какие-нибудь известия" [144].

Однако планам С. Г. Гмелина и Н. Рентеля помешал очередной визит экспедиции П. С. Палласа, который выразил свою заинтересованность в сотрудничестве с И. Иеригом и Д. Ничманом. Так как оба они уже приступили к выполнению первого поручения по заданию С. Г. Гмелина, то оказались тем самым в очень непростом положении. Решающим фактором послужил гораздо больший научный авторитет профессора Палласа – признанного ученого европейского уровня. В результате И. Иериг и Д. Ничман приняли решение поменять своего научного руководителя и перейти на службу в экспедицию к П. С. Палласу.

В СПФ АРАН был обнаружен один из рапортов Иоганна Иерига, в котором наглядно представлена его собственная версия произошедших событий летом 1773 года: "По собственной охоте, столь скоро выучил язык и письмена сих народов, что осмелился летом 1773 года по причине недостатка в переводчиках с калмыцкого языка предоставить свои услуги при экспедиции профессора Гмелина, почему и действительно принят в Астрахань переводчиком при экспедиции помянутого профессора ... По полученному вскоре потом известию о смерти господина профессора Гмелина, поехал я тогда к находившемуся в академической поездке в Астрахани и потом в Царицын господину профессору ... Палласу, которого и просил, чтоб обо мне представил в Академию, что и последовало..." [145].

Учитывая, что в конце лета 1773 года С. Г. Гмелин был жив и находился в экспедиции, а новость о его пленении и гибели пришла только в 1774 году, становится очевидным, что И. Иериг сознательно искажил

правду, чтобы не уличить себя в самовольном уходе со службы академика.

Начиная с конца лета 1773 года П. С. Паллас вместе с И. Иеригом периодически совершали поездки в Калмыцкую Орду, где профессор имел возможность на практике оценить переводческие способности молодого человека. В результате П. С. Паллас принял решение взять И. Иериго на службу. В начале сентября 1773 года, возвращаясь из экспедиции по астраханским степям, профессор снова остановился в Сарепте [146], а 13 сентября – в Царицыне, откуда и направил соответствующее ходатайство относительно Иоганна Иериго секретарю Конференции Академии наук.

В своем письме профессор подчеркивал тот факт, что И. Иериг приобрел знания в монгольском и калмыцком языках "по собственному побуждению", и что он "выражает большое желание заняться собиранием исторических известий о калмыцком народе и изучить даже тангутский [147] язык, на котором записана наибольшая часть религиозных тайн этого народа" [148]. П. С. Паллас указывал, что в перспективе "можно было бы ожидать от него, помимо полезных сведений, которые он сможет собрать во время своего пребывания у калмыков, со временем еще и перевода значительного числа тангутских и монгольских рукописей, которыми обладает академическая библиотека, что было бы полезно для истории народов" [149]. Особенный интерес представляли ценные рукописи, касавшиеся древней истории монгольских народностей, среди которых П. С. Палласа особенно интересовали селенгинские монголы [150].

Профессор предлагал Академии наук заключить с И. Иеригом соглашение на три года с выплатой ежегодного пособия в 100 рублей [151]. При этом он просил прикрепить его к своей экспедиции на время ее нахождения в Астраханской губернии, чтобы он мог "попутно использовать его в течение зимы для собирания недостающих сведений о религии и обрядах калмыков" [152]. Для этого П. С. Паллас ручался снабдить нового сотрудника соответствующей инструкцией и взять на себя обязанность контролировать ее выполнение, а также производить из своей экспедиционной кассы необходимые выплаты И. Иеригу [153].

Аналогичное прошение в Академию наук профессор Паллас отправил и о приеме на службу Давида Ничмана в качестве иллюстратора при своей "физической" экспедиции.

Безусловно, такое положение дел не могло устроить Н. Рентеля. 14 сентября 1773 года он направил письмо руководителю сарептской общины Даниэлю Фику, в котором высказал мнение относительно перехода к П. С. Палласу своих подопечных: "Как я случайно услышал, профессору Палласу стоило немало усилий и данных обещаний переманить к себе обоих молодых людей, состоявших на службе у моего зятя [Гмелина] ... Хотя это и не похвально, но, по всей видимости, вполне нормально. Я в некоторой степени опасуюсь больше за первого из них [Ничмана], так как он показал мне уже здесь несколько недозволенных выходов и повел себя весьма глупо" [154].

Действительно, П. С. Паллас был весьма заинтересован в новых сотрудниках, чьи знания и навыки могли оказать большое содействие в его экспедиции и дальнейшей работе. В то же время сомнительно полагать, что такой именитый ученый стал бы прикладывать "немалые" усилия для достижения этой задачи. Подобная "сделка" скорее была выгодна для всех ее сторон.

С момента перехода И. Иериго и Д. Ничмана на службу к профессору Палласу они стали членами его экспедиционного отряда и свободно передвигались с ним по Астраханской губернии. Однако их возможное появление в Сарепте вызывало опасение у руководства общины, в связи с чем на заседании конференции старейшин 27 сентября 1773 года было определено следующее: "Стало также известно, что на собрании холостых братьев был введен запрет иметь всяческие контакты с исключенными из общины людьми Иоганном Иеригом и Давидом Ренатусом Ничманом, так как это весьма предосудительно, и тот, кто ослушается такого запрета, будет рассматриваться в том же качестве, что и эти два человека" [155]. Столь "жесткое" решение было обусловлено тем, что община стремилась любыми способами оградиться от нежелательного влияния примера И. Иериго и Д. Ничмана, которые поставили собственные интересы и принципы выше коллективных.

В XVIII веке пересылка корреспонденции требовала много времени, порой письма в Санкт-Петербург из Царицына доходили за несколько месяцев. В ожидании ответа Академии наук И. Иериг находился при экспедиции профессора Палласа и фактически уже начал выполнять порученные ему задания. В "Материалах для истории экспедиций академии наук в XVIII и XIX веках" отмечено: "Ознакомившись с его познаниями, Паллас нашел его настолько подходящим для таких

исследований, что принял его к себе в отряд, не дожидаясь официального разрешения Академии, решив оплачивать его работы из экономики его экспедиционных расходов" [156].

В то же время П. С. Паллас выполнял намеченный на осень план по изучению языка и культуры калмыков, при этом продолжая посещать Сарепту вместе с И. Иеригом. Нахождение последнего в общине вызвало негодование со стороны ее руководства, которое уже неоднократно давало понять о нежелательности пребывания в Сарепте исключенных из ее состава людей. В начале ноября 1773 года П. С. Паллас, получая подобные замечания в свой адрес, был весьма возмущен и считал, что община таким способом мешает работе его экспедиции. Запись в дневнике Сарепты наглядно описывает сложившуюся ситуацию и отношение к ней руководства колонии: "Мы считаем необходимым дать понять Иоганну Иеригу, который с некоторых пор здесь задержался и тем самым создает опасность для других, что он оказал бы нам любезность, если бы избегал наших мест как можно дольше и не оставался на ночлег без острой на то необходимости. Причиной тому послужило то обстоятельство, что господин профессор Паллас, на службе у которого Иериг с некоторых пор находится, в одном письме к брату Хассе выражался весьма обидчиво относительно нашего заявления, так как посчитал, что мы создаем препятствия на пути его экспедиции. Однако в своем коротком и вежливом ответе брат Хассе показал, что смысл был совсем не в том, чтобы чинить ему помехи. Мы лишь попросили господина профессора Палласа пойти навстречу и насколько быстро это возможно отозвать Иоганна Иерига из Сарепты" [157].

Принимая во внимание односторонний взгляд официальных документов на процесс поступления И. Иерига на академическую службу, мы обратились к источникам личного происхождения, чтобы понять субъективное отношение к этому вопросу самих жителей Сарепты. В объединенном архиве моравской церкви было обнаружено интересное письмо упомянутого ранее Мельхиора Ничмана, который прибыл в Сарепту вместе с И. Иеригом и являлся ко всему прочему братом Давида Ничмана. Будучи врачом по образованию, М. Ничман был лично знаком с П. С. Палласом и получал от него некоторые образцы лекарственных растений [158]. Таким образом, он обладал широким спектром информации, для того чтобы дать комплексное описание произошедшим с Д. Ничманом и И. Иеригом событиям.

В своем ноябрьском письме 1773 года М. Ничман повествует: "Давид Ничман работал на профессора Гмелина, у которого получал еже-

месячно 12 рублей. Мы также разузнали, что он предлагал господину профессору Гмелину полностью перейти к нему на службу. Таким образом, представлялось наилучшим вариантом отправить его в Астрахань к профессору Гмелину. Как это не кажется прискорбным, в конце концов нужно согласиться с тем, что особенно в последнее время оставалось мало надежды на какое-либо исправление с его стороны, более того, Иериг со своей стороны уже покинул Сарепту. Это уже свершилось. Давид и Иериг стали неразлучными, и второй вскоре потянул за собой первого. Тем временем профессор Гмелин уже уехал в Персию. Господин Рентель отправил их согласно договоренности на несколько месяцев в Калмыцкую Орду. Осенью они появились вблизи Сарепты. За месяц до этого профессор Паллас получил из Академии приказ на Давида Ничмана, утвердивший его в качестве художника при его экспедиции с жалованием в 200 рублей ежегодно. Давид согласно этому приказу должен был выбыть из службы при экспедиции Гмелина. Иериг не успокоился пока тоже не получил должность переводчика калмыцкого языка с жалованием в 100 рублей. Такой чудесный финал случился с казавшимся набожным и кротким Иеригом. Я часто вспоминал, как молодые братья в Барби в свое время о нем отзывались: считали его притворщиком, обманщиком и лицемером. Своими поступками здесь он доказал все это. Никто прежде не знал его таким. Ведомый внутренним порывом и желанием он переметнулся к калмыкам, подыскивая удобный повод и упражняясь в коварстве. Наш дом претерпел незначительные убытки, когда красильня осталась без присмотра. Мы рады, что лишились их обоих" [159].

Фраза Мельхиора Ничмана о том, что И. Иериг "напрашивался" на работу к профессору Палласу подтверждается еще тем фактом, что он был готов работать за минимальное по тем меркам жалование – всего 100 рублей в год. При этом годовой оклад рядового переводчика в разных учреждениях составлял порядка 300 рублей, а доход простого переводчика-протоколиста Академии наук был совершенно на недосягаемом для И. Иерига уровне в 500 рублей [160].

22 ноября 1773 года на Конференции Академии наук было рассмотрено поступившее от П. С. Палласа сентябрьское письмо из Царицына. На заседании было отмечено, что Иоганн Иериг не просто предлагал свои услуги Академии, а "умолял" об оказании ему поддержки в изучении калмыцкого языка и тибетской письменности. Оценив всю пользу, которую Академия смогла бы извлечь из этого сотрудничества,

было принято решение принять предложение от И. Иерига и ожидать лишь подтверждения от директора Академии, "чтобы ответить согласием на его справедливое прошение" [161].

Из рассмотренного протокола становится ясно, что желание И. Иерига поступить на академическую службу было велико. Действительно, на тот момент его положение было таковым, что работа на Академию наук являлась единственным шансом совместить свой интерес к изучению языка и культуры калмыков с получением за эту деятельность хоть какого-то вознаграждения, притом, что обратный путь в Сарепту был для него однозначно невозможен. В то же время Академия была не меньше заинтересована в новом переводчике. Как раз в 1773 году инспектор академической гимназии и библиограф Логин Иванович Бакмейстер [162] обратился к ученым всех стран с просьбой на латинском, русском, французском и немецком языках доставить ему образцы всевозможных языков и наречий [163]. Такое прошение явилось следствием поручения Екатерины II составить словарь всех языков мира. Как отметил С. К. Булич, этот словарь был обязан своим происхождением "мимолетной прихоти скучавшей северной Семирамиды, но вызвавший некоторое, хотя и чисто искусственное, пробуждение лингвистического интереса к восточным языкам в различных местах России..." [164].

Безусловно, данный факт учитывался Конференцией при вынесении решения относительно Иоганна Иерига. Кроме того, имевшиеся тогда в Академии наук книги на восточных языках просто некому было прочесть и перевести. Большую сложность создавало еще то обстоятельство, что церковные книги и рукописи были написаны на тибетском языке, при том, что в обычной жизни калмыков использовался монгольский язык и письменность. Если о калмыцком (монгольском) языке имелись хотя бы незначительные представления, то тибетский язык и письмо оставались совершенно неизученными. В таких условиях перспектива поступления на службу сотрудника, способного решить данные проблемы, выглядела весьма заманчивой для академического сообщества.

Еще одной отличительной чертой И. Иерига был сравнительно высокий для того времени уровень образования, а также способность читать и писать сразу на нескольких языках. Как отметил В. В. Григорьев, русские переводчики калмыцкого языка, как правило, были "слишком мало образованы для того, чтобы практические свои знания в этом языке имели охоту прилагать к изучению писанных на нем книг" [165].

Совокупность многих факторов послужила причиной тому, что 29 ноября 1773 года директор Академии граф Орлов утвердил принятие на службу Иоганна Иерига, чья кандидатура была рассмотрена и одобрена на Конференции 22 ноября 1773 года. Конференц-секретарь был назначен ответственным за уведомление об этом академической Комиссии для того, чтобы были приняты соответствующие меры по выплате гонорара, запрашиваемого И. Иеригом. В свою очередь, конференц-секретарь поставил в известность Иоганна Иерига о согласии П.С. Палласа и главы Академии на все предложенные услуги, которые он (Иериг) со своей стороны "постарается выполнить в самом лучшем виде" [166]. С этого момента Иоганн Иериг официально поступил на службу в Российскую академию наук, что коренным образом изменило всю его дальнейшую жизнь. Оставалось лишь решить некоторые формальные вопросы, свойственные бюрократии XVIII века (утвердить инструкцию для нового исследователя, уведомить губернские власти и т.д.).

Завершая описание 1773 года, летописец Сарепты Х. Зутер отмечает: "Двое холостых людей: Давид Ренатус Ничман и Иоганн Иериг, покинули общину братьев и были приняты на службу в Императорскую Академию наук" [167]. Так начался период самостоятельной исследовательской карьеры одного из самых выдающихся российских востоковедов второй половины XVIII века.

Резюмируя изложенный в первой главе материал, мы можем сделать вывод о дискуссионности вопроса государственно-национальной принадлежности Иоганна Иерига в исследовательской и популярной литературе, и как следствие – неоднозначность трактовок его отнесения к российской или немецкой научной традиции. При этом анализ архивных источников позволил установить, что принципы моравской церкви и общинный строй религиозного сообщества гернгутеров, безусловно, стали наиболее важными факторами, повлиявшими на формирование юношеского сознания Иоганна Иерига. С раннего детства общество воспитывало в нем аскетичный характер, целеустремленность и трудолюбие. В то же время община предоставила И. Иеригу высокий уровень образования, позволивший ему развиваться в интеллектуальном плане. Однако этот процесс происходил параллельно с закрепощением свободы мысли и действия, которое фактически происходило в общине, что вызывало в нем желание изменить "систему". Изначально боль-

шой творческий потенциал И. Иерига не мог быть реализован только посредством ремесленной деятельности, навязанной ему семьей и обществом. Ставшие популярными в XVIII веке идеи европейских просветителей, а также всеобщая страсть к описательству и исследованиям только усиливали внутренние противоречия в личности И. Иерига. Возможность изменить сложившийся уклад жизни, наряду со сложной социально-политической ситуацией в Германии, сподвигли его отправиться с миссионерской целью в Россию.

Поволжская колония Сарепта, куда И. Иериг прибыл в 1769 году, была организована по тем же принципам, от которых он стремился скрыться путем "бегства" из Германии. Это, безусловно, угнетало молодую и творческую личность. Однако, как отметил известный советский психолог Б. Г. Ананьев, именно вызываемые в таких случаях внутренние противоречия являются движущей силой психического развития человека [168]. В лице астраханских калмыков И. Иериг встретил совершенно противоположное европейскому социуму восточное общество, которое привлекло его своей экзотичностью. Противопоставляя его общинному укладу гернгутеров, он все больше идеализировал и постепенно перенимал мировоззрение и ценности калмыков. Столь кардинальные перемены в личности И. Иерига стали главной причиной его исключения из Сарепты в 1773 году.

Проявленный им интерес к калмыцкой культуре способствовал глубокому изучению их языка и письменности. Полученные при этом знания и навыки, наряду с владением немецким языком и хорошим уровнем образования, выгодным образом выделяли И. Иерига среди других колонистов. Однако понимание своего предназначения и ценности как специалиста пришло к нему только благодаря академикам С. Г. Гмелину и П. С. Палласу, которые показали ему возможность и перспективы сотрудничества с Российской академией наук. При этом научные цели академических отрядов порой скрывались за стратегическими интересами Екатерины II по отношению к отдаленным территориям и народам. В этих условиях принятие И. Иерига на службу в Академию наук стало важным шагом в вопросе изучения и понимания монгольских народов России. Таким образом, именно российское академическое сообщество сыграло ключевую роль в формировании исследовательского сознания И. Иерига, что дало ему возможность реализовать свой научный потенциал и в конечном счете стать одним из основателей отечественной школы монголистики.

Глава 2

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ ИОГАННА ИЕРИГА В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. КАЛМЫЦКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1774–1780 гг.)

2.1. ВЛИЯНИЕ П. С. ПАЛЛАСА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ И. ИЕРИГА КАК УЧЕНОГО

Встреча Петра Симона Палласа и Иоганна Иерига во многом определила развитие отечественной монголистики второй половины XVIII века. Поступление на службу в Российскую академию наук стало для И. Иерига большим шагом на пути к его большой научной карьере. Ему предстояло усвоить основные принципы и подходы сложной исследовательской работы, для которой он не имел специальной подготовки и образования. Определенный базис лингвистических знаний, который И. Иериг успел накопить, пребывая в сарептской общине в течение более чем трех лет, дал ему возможность проявить себя с лучшей стороны перед академиком П. С. Палласом, однако не гарантировал при этом безмятежной службы в дальнейшем. Такие обстоятельства требовали от начинающего сотрудника Академии наук жесткой самодисциплины и самоорганизации, а также проявления личной инициативы во всех аспектах исследовательской деятельности. Многие из этих качеств были заложены в нем еще во время жизни в братской общине, однако не получили в ней своего дальнейшего развития. Приобретенная профессия книгопечатника и печатника по текстилю способствовала формированию навыков работы с новыми для него мон-

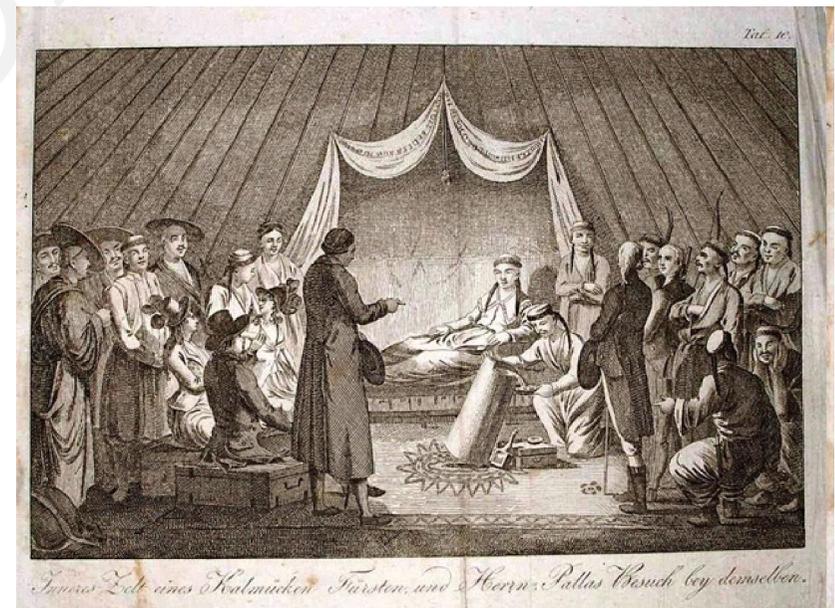
гольскими и тибетскими текстами и расширению кругозора в целом. Сложные жизненные обстоятельства, связанные с тяжелым переездом в Россию, первыми годами обустройства и работы в Сарепте, попытками налаживания контактов с чуждыми по культуре и языку народами, укрепили в нем необходимые личностные качества, требуемые при удаленной и уединенной кропотливой работе исследователя Академии наук. Оказанное авторитетным профессором Палласом доверие и его поручительство не могло не пробудить в молодом, начинающем ученом чувства высокой ответственности за возложенную на него миссию.

В конце 1773 года директор Академии наук граф Орлов утвердил принятие на службу Иоганна Иерига, не обозначив при этом его должность и конкретную сферу деятельности. Решением указанных вопросов должен был заняться Петр Симон Паллас, ставший, по сути, научным руководителем молодого исследователя. Однако еще до написания соответствующих бумаг И. Иериг находился при его экспедиции и выполнял поручения профессора. В течение 1773-1774 гг. П. С. Паллас часто выезжал в Калмыцкую Орду, где описывал быт и культуру этого народа. И. Иериг осуществлял при этом функцию переводчика, а также пояснял некоторые элементы религиозной и повседневной жизни калмыков: обряды, церемонии, методы и способы лечения, приготовления еды – все это интересовало профессора Палласа. Изображением происходящего на бумаге и медных гравюрах занимался приятель Иоганна Иерига – Давид Ничман. Он делал необходимые наброски, после чего составлял окончательную картину и дублировал ее для отправки в Академию наук [1].

Полученные в ходе таких экспедиций сведения Петр Паллас использовал при подготовке к изданию своей работы под названием "Собрание исторических сведений о монгольских народах" (нем. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*). Первая часть этого труда вышла в 1776 году в Санкт-Петербурге, в самом начале которой он давал следующую характеристику работе И. Иерига и Д. Ничмана: "Полезным для достижения моих замыслов, были двое бывших членов колонии моравских братьев Сарепты, что под Царицыном, которых по моей просьбе Академия наук разрешила принять на работу в мою экспедицию: Давида Ренатуса Ничмана – в качестве художника, а Иоганна Иерига – в качестве переводчика калмыцкого языка. Второй из них без всяких указаний и подготовки приобрел ловкие знания монгольского языка, умел также аккуратно копировать все восточные шрифты и письмена. Первый был полезен тем, что мог ис-

кусными набросками, объясняющими калмыцкий образ жизни, обычаи и церемонии, делать необходимые изображения, которые потом обрабатывались медью" [2].

Учитывая большие художественные способности Давида Ничмана, упомянутые в работе П. С. Палласа, мы предположили, что, возможно, при изготовлении своих картин он мог изобразить, в том числе и И. Иерига, внешность которого до настоящего момента не известна, более того отсутствуют даже словесные описания его портрета. Благодаря помощи заместителя директора этнографического музея г. Гернгут Штефана Аугустина, удалось обнаружить одну интересную иллюстрацию в Веймарском журнале Теофила Фридриха Эрмана под названием "Последние новости Российской Империи в Европе и Азии". В качестве приложения № 10 к номеру за 1807 год помещена гравюра под заголовком "Убранство кибитки одного калмыцкого князя во время ее посещения господином Палласом" [3].

Убранство кибитки одного калмыцкого князя во время ее посещения господином Палласом

Источник: Ehrmann T. F. *Neueste Kunde vom Russischen Reiche in Europa und Asien: nach dessen gegenwärtigem Zustande aus Quellen dargestellt.* Weimar. Landes-Industrie-Comptoir, 1807. Taf. 10.

Рассматривая данную иллюстрацию можно установить, что по центру гравюры изображен хозяин кибитки. По правую руку от него расположились его гости. По всей видимости, слуга наливает присутствующим некое угощение, приготовленное, как было принято у калмыков, на основе молока. По левую сторону от хозяина находятся его слуги и охрана, а также вооруженное сопровождение П. С. Палласа в количестве двух человек. Гости представлены, судя по одежде, калмыцкой знатью, и четырьмя уважаемыми людьми европейской внешности: две женщины, одна из которых, вероятно, супруга профессора Палласа, а также двое мужчин. Один из них сидит напротив хозяина, что говорит о его высоком статусе, а второй стоит и объясняет (переводит) присутствующим европейцам происходящие действия, ведет беседу с хозяином. Учитывая характер, содержание и время изготовления данной иллюстрации мы можем утверждать, что первый из них – Петр Симон Паллас, а второй – Иоганн Иериг, переводчик, сопровождавший его в таких поездках в период с осени 1773 по лето 1774 года.

В устной консультации Ш. Аугустин высказал сомнение относительно наличия на указанной гравюре изображения И. Иерига. При этом он указывает на явное сходство стиля исполнения картины с художественной манерой Давида Ничмана, выполнявшего роль иллюстратора в подобных поездках П. С. Палласа. Сравнительный анализ данной гравюры и работ Давида Ничмана, имеющих точное указание на его авторство, представленных, например, изображением к титульной странице первого тома "Собрания исторических сведений о монгольских народах" [4] П. С. Палласа, дают основание полагать, что они принадлежат руке одного художника.

В то же время возникает резонный вопрос о том, как изображение, выполненное Давидом Ничманом, могло появиться в журнале, опубликованном в Европе спустя почти тридцать лет после его смерти? Для ответа на него мы обратились к технике создания такой гравюры, чтобы понять возможность ее тиражирования через несколько лет после изготовления.

Первоначально готовилась основа в виде пластины чистой красной меди, на неё специальными инструментами (резец, грабштихель) штрихами наносилось изображение. Далее пластину обрабатывали краской, после чего сверху накладывали влажную бумагу, которая покрывалась мягкой материей. Все это пропускалось через особый цилиндрический пресс. Под сильным давлением вращающегося цилин-

дра бумага принимала из гравированных углублений краску, в результате чего получалось "напечатанное" изображение. Такая техника позволяла многократно тиражировать одно и то же изображение в разное время [5].

Кроме того, известно, что иллюстрации для книг П. С. Палласа изготавливались преимущественно в Германии, куда направлялись медные основы гравюр. Таким образом, приведенное выше изображение было сделано с медной гравюры Давида Ничмана, запечатлевшего пребывание П. С. Палласа в калмыцкой кибитке вместе с переводчиком Иоганном Иеригом. К сожалению, мы не располагаем точным портретом (изображением лица) И. Иерига, однако представленная картина позволяет сегодня представить в наглядном виде его возможный силуэт, выполняемые им задачи в качестве переводчика при экспедиции П. С. Палласа, а также условия жизни калмыков, в которых он находился и проводил свои исследования.

Фактический допуск И. Иерига в экспедиционный отряд профессора Палласа произошел еще в конце лета 1773 года без получения разрешительных бумаг из Академии наук. Документы о принятии И. Иерига на службу не поступили весь 1773 год, что, безусловно, негативно сказывалось на его отношениях с П. С. Палласом.

Согласно письму Мельхиора Ничмана из архива г. Гернгута, в январе 1774 года профессор Паллас сообщил в Сарепту, что Иоганн Иериг попросил его уволить и помочь добраться в Санкт-Петербург, чтобы "дальше поехать в Германию к своему отцу, который его ждет и нуждается в помощи" [6].

Столь неожиданная просьба И. Иерига могла быть вызвана не только психологическим сломом на фоне кардинальных жизненных перемен, произошедших с ним в 1773 году, но и сильным воздействием на него родителей, которые, по всей видимости, пытались таким способом вернуть его в общину. Однако эти планы не осуществились, и И. Иериг остался при экспедиции П. С. Палласа. Все-таки авторитет профессора был весьма велик и определяющим образом влиял на молодого исследователя. Большей уверенности И. Иеригу должен был придать полученный вскоре ответ из Академии наук, подтвердивший его принятие на службу.

Весной 1774 года П. С. Паллас вместе со своим экспедиционным отрядом планировал провести новые исследования в районе реки Волги. Однако его маршрут в значительной степени дублировал экспеди-

цию академика И. И. Лепехина [7]. В такой ситуации Академия наук предписывала, во избежание повторения научного материала, П. С. Палласу изучить пологую сторону Волги, а И. И. Лепехину нагорную [8]. В мае экспедиция Палласа отправилась в путешествие вдоль реки Ахтуба (левый рукав Волги), по степной стороне вплоть до Черного Яра. Внимание исследователей привлекла гора "Богдо" [9], а также соленое озеро с аналогичным названием. Эта поездка помогла П. С. Палласу сделать полезные открытия и собрать значительную коллекцию трав, животных и насекомых [10]. В апреле 1774 года профессор обратился также в Астраханскую губернскую канцелярию с просьбой разъяснить некоторые вопросы из истории калмыков, особенно об их кланах и родах [11].

Вернувшись в Царицын, П. С. Паллас приступил к написанию подробной инструкции для И. Иерига, о планах по разработке которой уведомлял Академию наук еще 26 марта 1774 года [12]. Окончательный вариант этого документа был готов 15 мая 1774 года. Согласно архивным документам Иоганн Иериг ознакомился с инструкцией тот же день и предоставил официальное обязательство Академии выполнять ее требования на обозначенных условиях и за обещанное жалование [13].

Так чем же именно предстояло заниматься И. Иеригу на службе Российской академии наук? Для ответа на этот вопрос мы обратились к Архиву востоковедов ИВР РАН, где хранится оригинал той самой инструкции № 77 "По изучению тангутского языка и собиранию всевозможных полезных сведений, касающихся монгольских народностей, принятого на трехгодичное содержание переводчика монгольских языков Императорской Академии наук Иоганна Иерига" [14].

Во вводной части документа содержались такие базовые задачи, как толкование монгольских рукописей, изучение тибетского языка и писаний религиозного характера, а также исследование всего, что могло помочь в объяснении истории, религии и обычаев монгольских народностей. Далее на нескольких листах П. С. Паллас подробно описывал целый спектр задач, которые Иоганну Иеригу предстояло выполнить в течение первых трех лет пребывания у калмыков. Среди них наиболее важными являлись переводы религиозного монгольского стиля и использовавшихся в нем письмен. По мере накопления знаний, И. Иериг должен был научиться понимать применявшиеся у калмыков "тарни" [15] и их обозначения. Ему следовало изучать религи-

озный тибетский язык и способ его написания, а также собирать и растолковывать санскрит (нем. Änätkäkschen Sprache [16]). Важные тексты, которые могли попасться на этом языке, И. Иеригу было предписано копировать или как минимум делать выписки из них, а непонятные моменты уяснять при содействии калмыцких священнослужителей.

Обратим внимание, что большое значение инструкция уделяет изучению религиозной составляющей калмыцкой культуры. Это объяснимо не только научным интересом Академии наук, но и прежде всего политическими реалиями того времени. Так, М. М. Батмаев отмечает: "Верхи ламаистского духовенства ... по своей знатности и имущественному положению стояли наравне с владельцами и зайсангами. Крупные духовные чины имели в своем владении и людей, причем в таком количестве, что с ними не могли сравниться и многие представители светского владельческого сословия" [17].

Наряду с высоким уровнем достатка, духовенство считалось наиболее образованной частью калмыцкого общества. Все религиозные книги и рукописи были составлены на тибетском языке, которым владели только калмыцкие ламы. Они же имели исключительное право читать и толковать священные писания, проводить важнейшие обряды, церемонии, лечить людей путем различных заклинаний и молитв. Таким образом, ламы являлись ключевым элементом общественного строя калмыков, сосредоточив в своих руках как духовную, так и светскую власть. Именно поэтому получение точных сведений о религиозном устройстве калмыцкого общества и налаживание доверительных отношений с духовенством представляло наибольший интерес не только для академического сообщества, но и для государственной власти в контексте эффективного управления кочевниками.

Также И. Иеригу следовало направлять в Академию разъяснения обо всем, что касалось старой и новой истории, религии и обычаев монгольских народов. Отдельное и "наискорейшее" внимание профессор П. С. Паллас просил уделить пунктам "а" и "б" инструкции, которые содержали необходимость сбора сведений для готовившегося к изданию первого тома "Собрания исторических сведений о монгольских народах", а именно:

а) События издавна свершившегося исхода хойтов [18] на запад и их происхождение, из каких племен поименно;

б) Последовательность и история калмыцких или ойратских ханов, начиная с Чингисхана, и особенно тех ханов, которые жили при Чин-

гисхане, а также при его отце Есугей-Бахадуре [19] (нем. Jässuga – Batur) [20]".

Рассмотрим также по порядку остальные пункты инструкции, согласно которым И. Иеригу предстояло изучить:

"с) Время и ханов, при которых ойраты снова вырвались из господства монгольских монархов;

d) Последствия и события, касающиеся подлинных наследников Чингисхана, его сыновей Тулуя [21] (нем. Toolai) и Угэдея [22] (нем. Ogötä), которые получили расположение Китая и после этого господствовали у монголов;

e) Время и ханов, когда ойраты отделились и были разделены на хошуты, торгутов, зюнгаров и дербетов, а также, как хойты пришли к упадку и были рассеяны среди остальных ойратских народов;

f) Интересные истории о новых войнах Джунгарии с Китаем и ее окончательном распаде;

g) Для понимания религии выдержки из книги "Gerrelien-Zokzo" [23], и особенно объяснения возникновения или сотворения "тэнгри" [24] или воздушных духов и чудовищ, чудесных мест в четырех частях света и небесных тел;

h) Историю и чудесное происхождение, а также статус бурханов [25] или богов, о которых до сих пор известно менее всего;

i) Религиозные обязанности на любом торжестве и молитвенном таинстве, чтобы рассмотреть, какое разнообразие в проведении богослужения имеет место быть;

к) Церемонию "Усун Аршэнэ" [26] (нем. Usun-Arschänä), которая происходит приблизительно в сентябре месяце;

l) Ламаистский календарь мудрости наряду с основанными на нем процессами пророчествования;

m) Правила похорон, которые содержатся в различных книгах;

n) Случайные церемонии с так называемыми гайсами [27] (нем. Gais), при гибели или болезни, при этом должны быть указаны их причины и случаи;

o) Так называемые долооны [28] (нем.: Doloon), или службы по умершим, в различных случаях, с жертвенным животным и без него;

p) Посвящение в сан и торжественное освящение гелунгов [29] и гецулов [30];

q) Церемонию освящения скота "Сэттэртэ Малл" [31] (нем.: Sättärtä Mall) священнослужителями и богами, а именно барана "Тэнгринэ Тэккэ" [32] (нем.: Tängrine Täckä);

р) Процедуру основания молитвенных домов "Цацэ" [33] (нем.: Zazä) и все проходящие при этом религиозные действия" [34].

Приведенный перечень задач доказывает, что И. Иеригу предстояло заниматься преимущественно религиозными аспектами жизни калмыков. В то же время инструкция содержала четыре дополнительных пункта исследований, за выполнение которых можно было "заслужить особенное расположение Академии":

"а) Описывать природные минеральные достопримечательности, большие соляные озера, их местонахождение, почву, величину и богатство, а также отсылать образцы соли. Еще неизвестные каменные соли, купоросные, квасцовые или соляные почвы в тех же местностях, где образуется селитра, различная глина и цветные виды почв, а также другие минералы и окаменелости, необычные кости чрезвычайной величины и формы;

b) Растения и деревья, которые употребляются калмыками либо полностью, либо как коренья, либо бережливо употребляются для лечения, либо считаются полезными или вредными для скота; те деревья, кусты и растения, которые также покажутся необычными и красивыми, могли бы быть высушены в бумаге или специальном прессе, а также по возможности могли бы быть собраны их зрелые семена;

с) Диковинные животные, птицы, змеи, ящерицы, рыбы, насекомые, их калмыцкие названия, особенности и то, что возможно в малейшей степени сохранить и отправить, для чего оставлено несколько бутылок спирта;

d) Старые руины или валы, пути и каналы, их местоположение и свойства могут быть описаны, а старые предания, которые имеются об этом у степных народов, могут быть собраны" [35].

Помимо указаний на предмет исследования и конкретные задачи, профессор Паллас оговорил в инструкции сам порядок организации службы Иоганна Иерига, в соответствии с которым он большую часть времени должен был находиться в Калмыцкой Орде, по крайней мере, в благоприятное время года. Зимой ему следовало найти удобное место неподалеку от калмыков, где можно было провести время в условиях, соответствующих времени году и здоровью, а собранные летом сведения, надлежащим образом упорядочить. П. С. Паллас особенно подчеркнул необходимость установления дружеских отношений с одним или несколькими грамотными священнослужителями и пребывания преимущественно в их среде, чтобы "иметь удовольствие" полу-

чать у них уроки тибетского языка, религиозной грамоты и толкования святых писаний [36].

В 70-х годах XVIII века российские власти не всегда могли должным образом поддерживать благоприятную социально-политическую обстановку в Астраханской губернии. Причиной тому во многом послужила ликвидация Калмыцкого ханства в 1771 году и проводившаяся в нем политика христианизации кочевников. В связи с этим П. С. Паллас рекомендовал И. Иеригу оставаться большую часть времени в Багацохуровком улусе с центром в Енотаевской крепости, поскольку им владела лояльная российскому двору княгиня Вера Дондукова [37]. Другие улусы ему следовало посещать только в исключительных случаях и для поисков необходимых текстов и рукописей [38].

Отдельное внимание в инструкции было уделено вопросам взаимоотношений И. Иерига с местным населением. Во время пребывания среди калмыков он должен был избегать всего, что могло пробудить недоверие как у простых людей, так и у священнослужителей, старейшин и особенно зайсангов, или вовсе могло быть расценено как оскорбление. По этой причине ему было запрещено раскрывать какие-либо детали о своей работе, кроме того, что его заданием является изучение языка. В таких условиях И. Иеригу следовало проводить сбор других сведений "как бы из собственного любопытства", с тем, чтобы особенно духовенство не стало еще усерднее скрывать от него "тайны своего учения и своих суеверий" [39].

В улусах запрещалось что-либо требовать сверх того, что И. Иеригу было положено согласно данными российскими властями указами или делалось из дружественных и добровольных побуждений. При этом, в случае, когда на местах ему отказывали в должных привилегиях, создавали препятствия на пути или даже встречали враждебно, он должен был запросить помощь у российского пристава при улусе, в ближайшем городе у командующего или, если того потребует важность вопроса, у астраханского градоначальника. Независимо от обстоятельств И. Иеригу следовало, насколько это было возможно, избегать любых ссор, используя свой дружественный настрой, а также предотвращать все другие негативные последствия [40].

О проделанной работе согласно инструкции следовало ежемесячно отчитываться. Профессор Паллас особенно подчеркнул, что кроме Академии наук никому не следует сообщать ни малейших сведений о полученных материалах и сочинениях, ни под каким предлогом [41].

Четко был оговорен также порядок отправки корреспонденции в Санкт-Петербург. Чтобы рапорты, письма и другие посылки надежно доходили получателю и не были перехвачены, И. Иеригу необходимо было их либо самостоятельно, либо через приставленного на летнее время в качестве охраны казака отправлять в ближайшую комендантскую канцелярию, которая перевозила всё в Академию наук вне почты, а ему должна была предоставить необходимое почтовое свидетельство или квитанцию за полученный пакет [42].

На случай, если один из отправленных И. Иеригом рапортов не придет, ему было предписано вести краткий перечень отправленных трудов в календаре или ином справочнике и обозначать все рапорты номерами по порядку, а приложения к рапорту соответствующими буквами. Таким образом, можно было бы разыскать пропавшие документы.

Также в инструкции содержались гарантии всяческой поддержки со стороны Академии наук И. Иеригу за своевременное и полноценное выполнение поставленных задач. При этом запрошенное И. Иеригом годовое жалование в размере 100 рублей он должен был получать равными частями раз в полгода в Астраханском губернском правлении [43].

Отметим, что рассмотренная инструкция по многим аспектам дублировала аналогичные распоряжения, составленные для "физических экспедиций" Академии наук 60 – 70-х годов XVIII века. Например, порядок оформления и отправки делопроизводственных бумаг И. Иерига был аналогичным экспедиции П. С. Палласа. Широкий круг исследовательских задач (от состава почв, флоры и фауны до религии и языка народов) также был характерен для всех академических экспедиций того периода.

Наряду с инструкцией в СПФ АРАН, нами был обнаружен еще список первоочередных вопросов профессора Палласа, на которые И. Иеригу предстояло ответить до зимы 1774 года и "до напечатания собрания о монголах и калмыках" [44]. Данный перечень весьма обширен, и на двух листах содержит около десятка основных задач, среди которых: необходимость предоставления полного алфавита тибетской письменности, описания калмыцких праздников и объяснения молитв, перевода священных писаний и ответов на вопросы о сотворении солнца, луны и т.д. [45].

Согласно архивным материалам перед отъездом в Санкт-Петербург П. С. Паллас выплатил из своей экспедиционной кассы И. Иеригу для

его первоначального обустройства полугодовое жалование в размере 50 рублей с первого января по конец июля 1774 года, а также 25 рублей для приобретения калмыцкой кибитки и 20 рублей на лошадей [46].

3 июня 1774 года П. С. Паллас покинул Царицын и направился в Астрахань, где планировал представить нового исследователя местному губернатору генерал-майору Кречетникову Петру Никитичу. В документах Национального архива Республики Калмыкия имеется соответствующее ходатайство профессора относительно Иоганна Иерига, которое было рассмотрено Калмыцкой экспедицией при Астраханской губернской канцелярии 13 июня 1774 года. Текст указанной резолюции достаточно информативен, поэтому ниже приведем его содержание:

"По сообщению господина профессора Палласа, в котором написано, что в силу полученного им переведенной при Академии наук комиссии ордера, велено ему – состоящего при его экспедиции монгольского языка переводчика Эриха [Иерига] по отъезду своему из здешней страны оставить при улусах в близи калмык на трехгодичное время обучения тонгускому [тибетскому] языку, и для собрания разной доистории и закона калмыцкого народа касающейся известей, а ... ныне при отъезде физической его экспедиции упомянутый Эрих отправляется в низовые улусы, и полученный для вспоможествования ему от его превосходительства господина астраханского губернатора Петра Никитича почетный ордер, без калмыцкого перевода находится, а другой от его превосходительства, выпросить краткость времени недозволяла, того ради Астраханскую губернскую канцелярию и просить Калмыцкой экспедиции, его Эриха снабдить таким же на калмыцком языке написанным ордером, к которому наипаче для непременно в дела его вспоможествования, смотря на упорный и хитрый нрав калмыцкого народа и частых зайсангов и других приказных людей отговорки, весьма нужно к успеху положенной на него Эриха комиссии, необходимо упомянуть сведущие пункты:

1. Дабы владельцы зайсанги, и им подвластные при калмыцких улусах приказные люди кроме всякого вспоможения и благодеяния, особливо снабдевали его в улусах, где он будет, квартирою и посменным денщиком так называемым помянутым.

2. Давали бы при перекочевке потребную для него кибитку ... скот, который у них в налеществе находится.

3. Чтоб без отговорочно ему выданы были для потребных в своих делах разъездах, употреблять так называемой у калмык улла, или переманных верховых лошадей.

4. Чтобы ламы в обучении его вспоможествовали, при подчиненных своих, и давали бы ему духовных учителей знающих, так же и книги для прочтения и копирования:

ПРИКАЗАЛИ на рассмотрение и с требованием резолюции, повелено будет так, что Эриха удовлетворять, предстать его превосходительству господину астраханскому губернатору Петру Никитичу" [47].

Содержание резолюции показывает не только порядок организации работы академических исследователей в Астраханской губернии, но и перечень гарантий, которыми они наделялись при выполнении своих обязанностей, что было обусловлено в том числе и сложившейся в регионе сложной социально-политической обстановкой. 1774 год оказался весьма беспокойным для Астраханской губернии. А. А. Максимов отмечает: "С декабря 1773 г. стали поступать сведения о нападениях киргиз-кайсаков на приграничные поселения. Близ Чёрного Яра был разграблен соляной склад, 12 человек кочевники увели с собой. Канцелярия царицынского коменданта письменно предупредила руководство общины о грозящей опасности. Вскоре стало известно о нападении киргиз-кайсаков на казачьи поселения выше Царицына. Кочевниками было захвачено в плен около 150 человек. К отражению набегов были привлечены регулярные войска под началом майора Дитца" [48].

Огромную опасность представляли также разбойничьи отряды Емельяна Пугачева. Летом 1774 года в Астраханскую губернию стали поступать тревожные вести о приближающихся "пугачёвцах". Кроме того, некоторые представители калмыцкой знати не всегда лояльно относились как к российским властям, так и просто к появившимся на их территории чужакам.

В этих условиях представление нового человека губернатору было не только формальным жестом, но своеобразной гарантией личной безопасности ученого. Более того, профессор Паллас позаботился о переводе на калмыцкий язык необходимых бумаг, подтверждавших статус Иоганна Иерига и предоставлявших ему возможность беспрепятственно выполнять поставленные Академией наук задачи.

Таким образом, П. С. Паллас перед возвращением в Санкт-Петербург уладил финансовые проблемы И. Иерига, а также помог устано-

вить необходимые деловые контакты между ним и губернскими властями. В середине июня 1774 года профессор покинул Астрахань и направился со своей экспедицией в столицу. Вместе с отчетом от 22 июня 1774 года из Тамбова П. С. Паллас отправил в Академию документы о принятии в штат Иоганна Иерига и инструкции, которые были ему даны [49]. 31 июля 1774 года экспедиция профессора спустя шесть лет, наконец, вернулась в Санкт-Петербург [50]. Вместе с П. С. Палласом И. Иерига покинул его друг Давид Ничман, который оставался в северной столице вплоть до самой своей смерти в 1777 году. Так для Иоганна Иерига начался период полноценных самостоятельных исследований на службе в Российской академии наук.

Даже бывшие соратники Иоганна Иерига по общине видели в этом шаге определенные перспективы. Например, в одном из архивных писем сарептянина Мельхиора Ничмана им высказано предположение, что И. Иериг "собирал различные сведения среди калмыков ... возможно, чтобы впоследствии использовать эти сведения в Монголии" [51]. То есть еще в самом начале карьеры И. Иерига, жители Сарепты считали, что его работа в Астраханской губернии является лишь началом гораздо более масштабного проекта по исследованию монгольских народов России.

2.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ И. ИЕРИГА В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

После отъезда экспедиции профессора Палласа Иоганн Иериг начал планирование своих действий по выполнению требований инструкции. В государственном архиве Астраханской области были обнаружены наиболее ранние письма И. Иерига за 1774 год, описывающие его первоначальные шаги на академической службе. Согласно этим документам в июне 1774 года он предпринял первую самостоятельную экспедицию в Икицохуровский улус Калмыцкой Орды. Однако это мероприятие не увенчалось успехом, и более того, чуть не закончилась летальным исходом для самого исследователя. Об этом свидетельствуют его письма губернатору с просьбой о защите и помощи в решении проблем.

В сообщении от 4 июля 1774 года из места в степи под названием "Шоебоие Уласстен" (нем. Schoeboie Ulaßten) И. Иериг описывает свое беспомощное состояние, возникшее из-за различных оскорблений и нападок со стороны местного населения и калмыцкого пристава [52]. Данное письмо он характеризует как "предварительное", сетует на недостаток собственных знаний русского языка и обещает в ближайшее время изложить все обстоятельства подробнее.

Спустя два дня И. Иериг вернулся в Енотаевку, откуда и направил губернатору детальное изложение произошедшего. В письме от 06 июля 1774 года он жаловался на то, что выданные ему указы и распоряжения не имеют в улусе никакой законной силы. И. Иериг просил выдать новые бумаги, содержащие более четкие указания на его полное право пребывания среди калмыков, на перевозку его экспедиции лошадьми местных жителей, наряду с распоряжением "на то, что они будут получать соответствующее возмещение за каждый день путешествия" [53]. Приложением к этому письму является "прошение" И. Иерига, в котором он подробно описывал произошедшие с ним неприятности. Этот документ заслуживает отдельного внимания, поэтому приведем перевод основного его содержания:

"Прошение ввиду враждебного отношения, которое я претерпел во время путешествия в Цохор улусе [54] согласно моей академической инструкции, и вследствие чего я вынужден был вернуться обратно без всякого результата.

14 июня началось мое путешествие к древним татарским руинам, которые должны были находиться между озерами Сарпа и Голгой, и которые я должен был зарисовать и описать, а, во-вторых, разыскать у духовенства древний монгольский манускрипт о жизни и делах известного Чингисхана, который они хранят в секрете.

Когда я прибыл ко двору князя Маши [55], я показал мои указы Его Превосходительства губернатора, после чего попросил 4-х почтовых лошадей. От князя не поступило ответа и не последовало никакого внимания на это. Я был доставлен к приставу, который спустя длительное время ожидания выдачи лошадей, наконец, отправил посылного. Из-за различных собираемых документов и наводимых справок я вынужден был там смиренно расположиться, во время чего присланные мне лошади и кучер спокойно находились при мне на мои же средства.

Как только я захотел снова отправиться в путь, мои измученные лошади не смогли этого сделать. После чего последовала смена лоша-

дей, которая длилась три дня, в течение которых я продвинулся не более чем на 20 верст. Я сам приложил при этом немало усилий, но хозяева этих лошадей, которых мне так недоставало, всегда настойчиво меня просили вернуть им животных, так как они сами хотели дать мне других, которых они использовали постоянно. В этих условиях я не мог двигаться дальше ... Среди прочих лошадей мне в распоряжение попала лошадь Цохорского зайсанга, которого звали Али. Этот человек сразу прибыл, как только услышал об этом. Я зачитал ему указ и предложил по любезности вернуть ему его лошадь. Но он был настолько разгневан, что пошел в свой двор и начал высказывать в мой адрес многочисленные упреки, на что собралось посмотреть большая толпа народу ...

В тот же полдень один человек захотел по собственному благоговению, чтобы я прибыл к нему, чему я не был намерен препятствовать. Спустя некоторое время я заехал к этому старому человеку по имени Баяр Чарра, который вынудил меня в его кибитке развести огонь для приготовления еды, вследствие чего стало очень жарко, я захотел выйти из этой кибитки туда, где мне будет комфортнее ... В этот момент мне велели ехать к приставу, а собралось много людей на кушанье, и начали они на меня набрасываться, как будто увидели перед собой врага, у которого нужно отнять жизнь, так как думали, что я послан приставом.

От одного дербетского калмыка ... я получил лекарства для моего казака, который был опрокинут лошадью. Он [калмык] привез ему [лекарство] на своей собственной лошади, за что был связан и арестован как враг.

Пристав спрашивал меня, что я в их улусе расхаживаю и почему я не уеду прочь, и говорил, что он должен теперь прислушиваться ко всем упрекам, что против меня делаются, которые он калмыкам велел записывать.

Я велел снова зачитать указ ... , но калмыки стояли и не обращали внимание на требование указа, и Иван Свистунов [пристав], который в это больше не вмешивался, выбросил в конце указ передо мной, и сказал калмыкам, что они не должны мне более ни одной лошади давать.

Теперь калмыки стали еще более рассерженными и составляли массу неверных безбожных очевидцев, которые при этом были уверены, что ... будто бы я сам в эти три дня ... использовал 50 лошадей ... Будто бы я

порой деньги у людей силой требовал: и в каждой ... квартире от 4 до 6 человек содержал, и всегда собирал всю местную водку ... но везде, где я проживал, знают, что я не пью водку. Будто бы я наносил побои людям и с силою вторгался в их кибитки. Будто бы я среди белого дня в этой кибитке вступил в связь с молодой женщиной ... о коих моих прежних намерениях они всегда говорили ... что меня этой совершенной ложью и несправедливостью оскорбляет.

Пристав позволил калмыкам все это записать и вызвался их [бумаги] с почтой [отправить] ... Обо всех таких обращениях более не буду жаловаться; в то же время, вследствие этого все мои усилия в путешествии [сведены на нет] ... и люди, которые были поставлены в качестве руководителя столь дикого народа по распоряжению Вашего Высочества и правительства так сильно ошибаться могут; мне не только упомянутую поездку [испортили] ... но и навсегда учинили большой урон в этом улусе в плане выполнения цели моей экспедиции для Академии наук..." [56].

Представленный архивный документ наглядно показывает отношение калмыков к иностранным исследователям, а также сложность условий, в которых И. Иеригу предстояло выполнять задачи, поставленные перед ним П. С. Палласом и Академией наук. Резюмируя произошедшее, И. Иериг подчеркивает пагубность подобных явлений: "Происшествия в улусе Маши причинили не только одноразовое затруднение в достижении моей цели, но и доставили мне на будущее еще больший ущерб в этом улусе, так как калмыки при этом случае укрепились в своем своенравии и упрямстве, они только и думают, что имеют высшее право чинить мне в работе всяческие препятствия на пути. В особенности, так как они на собственном опыте убедились, что указы Вашего Высочества через пристава сами наносят оскорбления и обиду..." [57].

Астраханский губернатор Петр Никитич Кречетников в своей резолюции от 24 июля 1774 года отметил недопустимость создания препятствий исследовательской деятельности И. Иериго, а калмыцким приставам приказал, чтобы они относились к ученому "весьма учтиво и снисходительно" [58].

Итак, мы видим, что И. Иериг, как тому предписывала его инструкция, первым делом попытался найти некий секретный монгольский манускрипт о жизни Чингисхана. Однако покинув владения княгини Веры Дондуковой, он оказался в недружественной среде и подвергся серьезным нападам со стороны местного населения.

Несмотря на случившуюся неудачу, работу следовало продолжать, тем более что инструкция обязывала И. Иерига ежемесячно отчитываться перед Академией наук. Однако согласно имеющимся архивам вплоть до конца 1774 года от него не поступило ни одного рапорта в Санкт-Петербург.

Комментируя такую ситуацию, Т. К. Шафрановская указывает: "В XVIII в. при дальних расстояниях, как известно, различные мероприятия осуществлялись довольно медленно. Многое затруднялось и недостаточно четкой доставкой писем и посылок" [59].

Дополнительной причиной пропажи первых отчетов И. Иерига стало то обстоятельство, что как раз в конце лета 1774 года обострилась ситуация с пугачевским бунтом, который в конце августа обрушился на Царицын. В составе отряда Емельяна Пугачева, помимо крестьян и казаков, активно принимали участие кочевники. Известие о переходе 3000 калмыков на сторону "злодея" навело на Царицын "великий страх" [60]. Также пришло печальное известие о казни знакомого И. Иеригу члена Академии наук, немецкого путешественника и астронома Г. М. Ловица. Согласно одной из версий недалеко от Царицына в районе города Дмитриевска [61] по приказу Пугачева он был заколот рогаатиной, по другой версии его посадили на кол "чтобы лучше и удобно наблюдать небо" [62]. Такие зверства, безусловно, внушали страх всем жителям Астраханской губернии, в особенности иностранным переселенцам. Это беспокойное время И. Иериг пережил в Астрахани, куда также прибывали многочисленные беженцы из немецких колоний Саратовского уезда.

В Астрахани И. Иериг пробыл до конца 1774 года, откуда 24 декабря направил в Санкт-Петербург свой отчет под номером четыре, который был получен в конце февраля следующего года и рассмотрен на заседании Конференции Академии наук лишь 2 марта 1775 года [63]. В нем И. Иериг жаловался на то, что Академия так и не получила его первые три отчета. Он также просил предоставить ему в кратчайшие сроки необходимые приказы и бумаги для возможности получать обещанное жалование, которое позволило бы ему отправиться к калмыкам и выполнить порученные обязательства. Конференц-секретарь И. А. Эйлер навел справки о первых трех отчетах в академической Канцелярии, но обнаружить ему ничего не удалось [64]. Позже были направлены запросы в почтамт с просьбой разыскать письма Иоганна Иерига, однако 23 марта 1775 г. пришел ответ об отсутствии такой кор-

респонденции с ноября 1774 года по февраль 1775 года [65]. В итоге И. А. Эйлер сообщил И. Иеригу о том, что "три его первых отчета Академией не были получены" [66]. Соответствующее предписание ему также было направлено академической Комиссией 2 марта 1775 года [67].

Жалобы И. Иерига на трудности с выдачей денежного содержания в 1774 году были вполне обоснованными. Так, в его личном деле СПФ АРАН был обнаружен лишь один распорядительный документ по этому вопросу за весь 1774 год: письмо академической Комиссии в Енотаевскую гражданскую канцелярию от 13 октября 1774 года [68]. В условиях документооборота второй половины XVIII века этого явно не было достаточно для беспрепятственной выдачи жалования. Лишь после рассмотрения соответствующей просьбы И. Иерига на Конференции Академии наук, в начале 1775 года в Астраханскую губернскую канцелярию было направлено необходимое письмо с распоряжением о выдаче денег Енотаевской гражданской канцелярией [69]. При этом Комиссия уточнила, что не следует выдавать И. Иеригу средств из казны без соответствующего письменного указания на это Академии наук [70]. Это говорит о том, что академические чиновники с недоверием относились к новому сотруднику, в особенности, учитывая его частые просьбы о выдаче жалования за полгода вперед.

В целом в 1775 году ситуация начала меняться в лучшую сторону, все чаще стали приходиться отчеты и письма от И. Иерига. Его отношения с Академией наук лично курировал П. С. Паллас. Он осуществлял организационное и научное руководство исследовательской деятельностью ученого. Это взаимодействие было тесно связано с подготовкой к изданию труда профессора "Собрание исторических сведений о монгольских народах", а также с этнографической работой Академии наук в целом [71]. Поступавшие от И. Иерига сообщения и собранные им материалы представляли для профессора Палласа бесценную информацию и существенно дополняли его собственный материал.

До весны 1775 года И. Иериг находился в Астрахани [72], где, по всей видимости, пережил холодное время года и завершение ликвидации пугачевского бунта. 13 марта 1775 года он отправил рапорт в Санкт-Петербург (получен 8 мая 1775 года), в котором сообщал о своих планах отправиться в калмыцкие улусы уже в мае того же года [73]. 5 июня 1775 года на заседании Конференции было зачитано очередное письмо И. Иерига уже из Енотаевки, датированное 15 апреля 1775 года [74], в котором он докладывал о своей деятельности, а также

представил перевод на немецкий язык различных калмыцких сказок о святом по имени Dordscha Shodbah [75], творящем чудеса [76]. 8 июня 1775 года П. С. Паллас подготовил ответ на это письмо И. Иерига. Ответственным за отправку письма был назначен конференц-секретарь Эйлер [77].

Следует отметить один важный нюанс: в протоколах Академии наук при рассмотрении поступавших от Иоганна Иерига рапортов его должность обозначалась как переводчик (фр.: *Translateur*), при этом официально он не имел такого звания вплоть до конца 1779 года. Для удобства толкования текстов академических делопроизводственных бумаг в настоящей работе мы будем именовать И. Иерига переводчиком, как это фактически сложилось на практике еще с 1774 года.

В июле 1775 года произошла смена руководства Академии наук. Должность нового директора занял Сергей Герасимович Домашнев, имевший репутацию настоящего бюрократа. Как отмечает Т. К. Шафрановская, он был весьма "придирчивым и мелочным ... старавшийся всех подтягивать и подгонять" [78]. Несомненно, такие изменения отразились, в частности, и на взаимоотношении Академии с И. Иеригом. Ему все чаще приходилось оправдываться и объяснять причины своих недочетов в работе.

9 октября 1775 года П. С. Паллас получил письмо "от толмача Ериха из степи за 40 верст от Янотаевского" [79], датированное 24 июля 1775 года. В нем И. Иериг просил увеличить жалование, так как его не хватало на дрова, свечи, жилье для солдата и даже на пропитание. Еще он ходатайствовал о выдаче служебных бумаг, которые могли бы помочь в его работе, особенно при экспедициях среди улусов вдалеке от городов. И. Иериг надеялся, что Академия пришлет несколько книг из своей библиотеки, которые были бы очень полезны в его исследованиях. Далее он сообщал, что недавно направил академической Комиссии посылку, которая содержала сведения об истории калмыцкого народа, а также, что неоднократно писал профессору Палласу с прошлой осени [80].

Конференция приняла решение направить внимание академической Комиссии этот запрос И. Иерига, приложив к нему отрывок из его письма П. С. Палласу. Она также выступила с необходимой поддержкой удовлетворения двух первых просьб переводчика, а именно: достаточное увеличение жалования, которое он вполне заслуживал за свою усидчивость и старание, и указ, без которого он не мог выполнять

возложенные на него обязательства. Что же касается книг, которые И. Иериг хотел получить, Комиссия сочла возможным ему отказать в этой просьбе. Также Конференция направила запрос в академическую Комиссию о получении ею посылки с работами от переводчика И. Иерига, о которых он упоминал в письме к профессору Палласу. Как отмечено в протоколе, "в противном случае, Конференция была готова к принятию необходимых мер, чтобы разыскать их местонахождение" [81].

Упомянутая И. Иеригом посылка была получена Академией 12 октября 1775 года [82]. Помимо отчета для Конференции от 14 июля 1775 года, в ней содержались многочисленные рукописи об обычаях калмыков, а именно:

- выдержка (12 страниц) из "главного произведения", названного Эрдэни Шаштер (нем. *Erdäni Schaschter*) [83];

- обстоятельное описание жертвоприношения скота для Дайчинг Тэнгри [84] (нем. *Daitsching Tänggri*) или Малл Сэттэрлэнэ [85] (нем. *Mall Sättärlänä*); далее – события праздника Урюс Сар [86] (нем.: *Urräss-Festes*) в Калмыцкой Орде с 26 апреля по 4 мая, что по калмыцкому календарю соответствует с 8-го по 15-й день первого летнего месяца; далее – церемонность торжества на калмыцком празднике Урюс Сар; далее – изгнание плода [87]; далее – Сюнюссюн Додолнэ [88] (нем. *Sännässän Dodohlnä*), и наконец – калмыцкие предсказания (нем. *Prophezeiung*). Всего 28 страниц [89].

12 октября 1775 года секретарь Эйлер зачитал на Конференции отчет И. Иерига от 14 июля 1775 года. В нем переводчик сообщал, что ему посчастливилось познакомиться с ламой из Калмыцкой Орды, где он находился в тот момент. Этот лама ежедневно преподавал И. Иеригу уроки тибетского языка. Далее переводчик давал краткую историческую справку о религии и высказываниях калмыков и попросил выслать ему названия работ на калмыцком языке, которые находились в Библиотеке Академии, чтобы проверить, есть ли среди них те, что могли бы внести ясность в понимание истории калмыцкого народа [90]. Профессор И. А. Гюльденштедт предложил назначить для исполнения указанной просьбы студента Соколова, обладавшего знаниями калмыцкого языка и способного выполнить эту работу. От Соколова требовалось скопировать названия манускриптов из Библиотеки, о которых просил И. Иериг. В итоге Конференция утвердила студента Соколова ответственным по этому вопросу [91]. После этого профессор Паллас зачитал

первую тетрадь с текстами, которую И. Иериг направил вместе со своим отчетом и решил забрать себе все остальные работы переводчика для более подробного изучения истории калмыков и чтобы впоследствии использовать этот материал в своих работах, планируемых к публикации, особенно в "Собрании исторических сведений о монгольских народах" [92].

11 декабря 1775 года конференц-секретарь Академии зачитал очередной отчет переводчика И. Иерига, направленный им 15 октября 1775 года из Калмыцкой Орды [93]. В нем он предоставлял перевод с тангутского на немецкий язык работы под названием Иттэгэл [94] (нем. Ittägäl), что означает молитва признания веры Шакьямуни, переведенная из его главного тибетского произведения [95]. В конце отчета И. Иериг снова просил Академию увеличить ему жалование, уверяя в невозможности выполнения своих обязанностей на предоставленные ему средства и одновременного проживания на них. Было решено назначить конференц-секретаря ответственным за передачу этого дела в академическую Комиссию и копии отчета с отрывком из протокола от 09 октября 1775 года [96].

Повторное прошение об увеличении жалования склонило Академию разрешить этот вопрос в пользу И. Иерига, даже новый директор С. Г. Домашнев высказал свое одобрение. Такая резолюция Конференции позволила академической Комиссии отдать соответствующие распоряжения для увеличения жалования И. Иерига, "чего он заслуживал не только за свою усидчивость, но и за уже оказанные услуги Академии" [97]. В журнале академической Комиссии имеется запись от 18 декабря 1775 года, в которой оговаривалась точная сумма прибавки к жалованию И. Иерига – 150 рублей к имеющемуся с 1776 года [98]. Таким образом, годовой оклад переводчика составлял уже 250 рублей.

В начале ноября 1775 года И. Иериг прислал свой очередной рапорт "о выполнении порученной ему работы о калмыках, и о своем переходе из степи на зимнюю стоянку" [99]. Следовательно, переводчик поступил в точности с инструкцией от 15 мая 1774 года, которая предписывала ему по окончании "летнего" времени года переезжать в более благоприятные условия, то есть в Енотаевку или Астрахань [100].

В связи с частыми просьбами И. Иерига о повышении жалования 3 декабря 1775 года П. С. Паллас писал Г. Ф. Миллеру: "Мне жаль заме-

чательного Иерига. Несомненно, он заслуживает гораздо большего жалования и поддержки. Но боюсь, ему ничего не удастся добиться, так как я сам уже давно отчаялся во внутренних противоречивых силах создающих неразбериху в работе Академии" [101]. Опасения профессора Палласа были вызваны чрезмерной бюрократизацией работы Академии наук, последовавшей после смены ее руководства. Новый директор С. Г. Домашнев все чаще вмешивался в научную деятельность академиков, требовал от них предоставления многочисленных отчетов о проделанной работе, при этом порой не считался с мнением академической Конференции и Комиссии, что вносило хаос в работу всей Академии [102].

В таких условиях полученное одобрение на повышение жалования И. Иерига от академической Конференции и директора отнюдь не означало быстрого решения вопроса. За ним следовала длительная процедура согласования, выдачи и отправки соответствующих бумаг И. Иеригу и местным властям.

Анализ архивных документов личного дела переводчика в СПФ АРАН показал высокую степень бюрократизации процесса финансирования академических работников. Так, например 12 января 1776 года Комиссия Академии наук направила распоряжения в Астраханскую губернскую канцелярию [103], а также Енотаевскую канцелярию [104] о выдаче повышенного жалования переводчику в размере 250 рублей с 1 января 1776 года. Кроме того, академическая Комиссия постановила при выдаче положенных И. Иеригу денег не производить вычета "на гошпиталь" и не удерживать его из выплаченных ранее средств [105]. Для большего удобства Академия наук поручила снабдить соответствующим платежным ордером канцелярию в Енотаевке или другое, находящееся по близости к переводчику место [106]. 17 января 1776 года уведомление о возможности получения повышенного жалования было направлено также и в адрес И. Иерига [107]. 11 февраля 1776 года Астраханская губернская канцелярия отчиталась перед Академией об отмене вычета "на гошпиталь", чего переводчик заслужил благодаря своему усердию и прилежанию [108].

Следует отметить, что в соответствии с указом Петра I от 12 декабря 1721 года, данный вычет производился в целях содержания лечебных учреждений страны, равнялся одной копейке с каждого выплаченного рубля и удерживался со всех "как воинских, так духовных и статских и прочих, кто такое звание имеет, кроме рядовых..." [109]. Соответ-

ственно должность переводчика Академии наук была приравнена к "рядовой", и указанный вычет производился неправомерно. Однако для его отмены необходимо было соблюсти сложную, многоступенчатую процедуру, требовавшую больших временных затрат.

22 октября 1775 года по поручению географического департамента Академии наук Иоганн Иериг "со всей тщательностью, изучив лучшие доступные ему источники" [110], составил отчет, касавшийся карты Джунгарии. 15 января 1776 года И. А. Эйлер представил Конференции указанную работу переводчика под названием "Географические ответы, на вопросы, касающиеся Джунгарии и относящиеся к приложенной карте" и затем передал ее профессору Румовскому [111]. В отчете также содержалась просьба И. Иерига о предоставлении ему обещанного ранее очередного месящеслова Академии наук [112].

1776 год оказался не столь насыщенным в работе И. Иерига, если брать в расчёт количество архивных делопроизводственных бумаг Академии наук. Немецкий историк Ф. Вирланд утверждает, что в протоколах заседаний Конференции за 1776 года полностью отсутствуют указания на продолжение контактов с И. Иеригом [113]. Однако данный тезис не нашел своего подтверждения, так как в протоколе академической Конференции от 2 мая 1776 года содержится запись о том, что "был представлен и зачитан отчёт И. Иерига от 05 марта из Енотаевки" [114]. Рассмотрев оригинал данного отчета, мы обнаружили в нем дату – 5 марта 1775 года – и место составления – Енотаевка [115]. В нем И. Иериг подтверждал получение необходимых документов, направленных ему 16 декабря, затем он благодарил директора и всю Академию за значительное увеличение его жалования, о чем он дважды просил в течение 1775 года. Принимая во внимание содержание отчета, а также малую вероятность столь длительного промежутка времени между его написанием и прочтением в Академии (более года), мы приходим к выводу, что имеет место описка, то есть отчет фактически составлен в 1776 году, и соответственно контакты И. Иерига с Академией в 1776 году продолжались.

С указанным рапортом И. Иериг отправил также несколько интересных сочинений, а именно: "1) Алфавит Анэкэл [116] в сравнительной характеристике с письменностью Тангут-Шаар [117] и Монголо-Галлик [118]; 2) Описание калмыцкой кибитки, которой пользуются в случае военных действий; 3) Перевод на немецкий язык произведения "Mazakqui Tschogo des Schaktschamuniens" [119], то есть катехизис..." [120].

К отчету также был приложен перевод нескольких монгольских песен. Эти документы были переданы профессору Палласу для дальнейшего их использования в работах, посвященных истории монгольских народов [121].

После этого от И. Иерига долгое время действительно не поступало никаких известий. В СПФ АРАН находится письмо П. С. Палласа к Ф. Г. Миллеру от 14 (21) апреля 1776 года, в котором он жаловался на работу переводчика: "Меня удивляет, что господин Иериг так мало сообщает о своей работе в обязательных ежемесячных отчетах Академии. Поэтому тотчас я прошу Ваше Высокоблагородие направить ему соответствующие наставления" [122]. Следует отметить, что большая часть корреспонденции И. Иерига направлялась специальной академической почтой через Москву и лично Г. Ф. Миллера, который был в курсе исследовательской деятельности переводчика и мог повлиять на него.

Руководство Академии также выражало озабоченность сложившейся ситуацией. 7 ноября 1776 года Конференция поручила секретарю Эйлеру отправить переводчику соответствующее письмо с упреком в его долгом молчании [123]. Надо сказать, что И. Иериг сильно рисковал навсегда расстаться с Академией: во-первых, он почти год не присылал никаких сведений и отчетов, а во-вторых, в конце 1776 года заканчивался срок действия его контракта.

После долгого перерыва, наконец, 6 февраля 1777 года в Петербурге были получены письма И. Иерига к профессору Палласу и конференц-секретарю Эйлеру от 07 января 1777 года из Енотаевки. К ним были приложены требуемые отчеты для Академии. Переводчик оправдывал себя за долгое отсутствие сведений, ссылаясь на значительные трудности в работе: часто калмыцкое духовенство отказывало ему в сотрудничестве, а порой и вовсе его жизнь подвергалась опасности со стороны враждебно настроенных кочевников. Он также сообщил, что раньше получал поддержку астраханского губернатора, однако, со вступлением в должность нового главы губернии Ивана Варфоломеевича Якоби [124] все прежние распорядительные документы утратили свою силу. В связи с этим переводчик просил Академию наук в кратчайшие сроки прислать соответствующие бумаги на имя нового начальства [125]. Кроме того, много времени у И. Иерига отнимали переводы и исследования сложного монгольского письма Галик [126]. Так как срок его службы истекал, он также "любезно" попросил продлить

исполнение его обязательств в той степени, которая максимально была удобна для Академии наук. В заключение отчета И. Иериг указал, что надеется также получить месяцеслов за текущий год [127].

Последняя его просьба была исполнена без дополнительных проволочек, а что касается возобновления должностных обязанностей, то этот вопрос необходимо было сначала обсудить с директором Академии [128]. В итоге С. Г. Домашнев согласовал продление срока действия контракта переводчика еще на один год. Это стало своеобразным испытательным сроком для И. Иерига, который показал себя не с лучшей стороны в течение всего 1776 года, проявляя неприемлемую халатность в работе. Такое решение директора Академии было весьма оправдано и принесло результат: в 1777 году отчеты И. Иерига заслушивались на Конференции практически ежемесячно.

В соответствии с инструкцией, помимо изучения языка, И. Иеригу следовало отправлять в Академию сведения об истории калмыцкого народа. В связи с этим переводчик интересовался Джунгарским ханством – государством, образовавшимся в XVII веке. Оно просуществовало до 1758 года, и как отмечает И. Я. Златкин, в свое время играло "крупную роль в международных отношениях в Средней, Центральной и Восточной Азии; это ханство оставило заметный след в истории соседних с ним больших и малых государств и народов – Китая с Тибетом и Кашгарией, России, Монголии, казахов, узбеков, туркмен, киргизов и каракалпаков" [129].

В самом начале XVII века значительная часть ойратов – западно-монгольской народности, проживавшей на степных просторах Джунгарии, отделилась от основного массива сородичей и направилась в пределы Российской Империи, где получила название калмыков. Медленно продвигаясь по степям юга западной Сибири и северного Казахстана, к началу 30-х годов они достигли Яика (Урала). В 40-х годах калмыцкие улусы стали развиваться в междуречье Яика и Волги [130]. М. М. Батмаев указывает: "Завершение принятия российского подданства положило начало прочному освоению калмыками степных пространств правобережья Нижней Волги и Предкавказья, закончившемуся в 70-х годах XVII века" [131]. Примерно на это же время пришелся закат Джунгарского ханства, которое не устояло под натиском китайских войск. Л. Н. Гумилев писал об этом событии так: "Именно ойраты приняли на себя функцию, которую ранее отчасти несли хунны, тюрки и уйгуры, став барьером против агрессии Китая на север, и осу-

ществляли эту роль до 1758 г., пока маньчжуро-китайские войска династии Цинь не истребили этот мужественный этнос" [132].

Работа Иоганна Иерига "Джунгарские события начала распада и гибели в 1758 году до –" (нем. "Söngarische Begebenheiten von derselben Zerrüttung und Untergang in den Jahren 1758 bis –") была ценным источником информации по обозначенному вопросу. Он направил ее в Академию наук 16 февраля 1777 года из Енотаевки вместе с "Переводом письма Далай-Ламы к Шакур-Ламе [133]" (нем. "Übersetzung eines Briefes des Dalai-Lama an den Schaequir Lama") и своим очередным отчетом [134]. 20 марта 1777 года Конференция зачитала присланные И. Иеригом материалы. Эти два сочинения были переданы профессору Палласу, так как представляли большой интерес для его работы по истории монгольских народов, а сам отчет был направлен директору Академии на рассмотрение [135].

С началом 1777 года от Иоганна Иерига стали регулярно поступать отчеты и рукописи, содержание которых коротко отражалось в протоколах заседаний Конференции, а далее они передавались в распоряжение П. С. Палласа. В свою очередь профессор не всегда был удовлетворен качеством работы переводчика. Например, в своем письме от 28 марта 1777 года он жаловался Ф. Г. Миллеру на некоторую небрежность со стороны своего подопечного [136].

12 мая 1777 года на Конференции Академии наук был зачитан отчет И. Иерига от 3 апреля 1777 года из Енотаевки. Переводчик во второй раз сообщал, что в связи со сменой руководства Астраханской губернии у него возникли существенные проблемы: "Я не в состоянии предпринимать выезды в Орду: при новом губернаторе, выданный мне ранее предыдущим губернатором ордер стал недействительным" [137].

Иоганну Иеригу в короткие сроки нужно было обозначить новому губернатору свой статус и круг занятий, а также заручиться его поддержкой, чтобы безбоязненно покинуть "зимнюю" квартиру и направиться на лето в Калмыцкую Орду. Другой проблемой для него стал разрыв дружеских связей со старым учителем тибетского языка, который помогал переводчику и способствовал большому прогрессу в его обучении. В ожидании распорядительных бумаг И. Иериг находился в Астрахани, где занимался копированием тангутского букваря, который считал "весьма редким" [138]. Его он получил в пользование лишь на некоторое время. В конце отчета Иоганн Иериг жаловался, что дальнейшее пребывание в городе является бесполезным занятием, и на-

деялся как можно скорее отправиться в Орду. Профессора Палласа назначили ответственным за подготовку ответа переводчику [139].

В своем письме от 5 мая 1777 года И. Иериг просил Академию отправить ему месяцеслов за 1777 год и экземпляр "истории калмыцкого народа", написанного профессором Палласом [140]. Вероятнее всего, он имел в виду "Собрание исторических сведений о монгольских народах", первая часть которого вышла в Санкт-Петербурге еще в 1776 году. Академия удовлетворила просьбы переводчика, а также заслушала 2 июня 1777 года приложенный к письму отчет, в конце которого И. Иериг упоминал, что ждёт лишь приезда генерал-губернатора Якоби, чтобы иметь возможность отправиться к калмыкам [141].

В своем пятом отчете от 27 мая 1777 года переводчик прислал в Петербург обозначенную ранее (письмо от 03.04.1777 г.) рукопись "О началах метода обучения произносить слова по буквам и читать тексты на тибетском языке" (нем. "Der Tangutischen Schrift Buchstaben und Lesebuchlein") [142], переданную впоследствии профессору Палласу. Отчет был заслушан на заседании Конференции 4 сентября 1777 года, которая в очередной раз постановила, что Паллас уполномочен вести переписку с И. Иеригом от имени Академии и руководить его деятельностью [143].

Указанная выше рукопись Иоганна Иерига была первым его сочинением, посвященным тибетскому языку, изучению которого Академия наук придавала большое значение. Важность этого вопроса в самом начале XIX века наиболее лаконично охарактеризовал известный востоковед Б. Бергман: "Тибетский язык для исследователя монгольского уклада также важен, как и греческий и иудейский для христианской теологии. Среди калмыков в прежние времена находились священнослужители, понимавшие тибетский язык, но теперь эти случаи настолько редки, что те немногие, кто имеет навык чтения тибетских текстов, считаются великими мудрецами. Сложность изучения тибетского языка, вероятно, и ограничивает европейцев для занятий им. Тот, кто хотел бы выучить этот язык, должен ехать или к монголам на границу с Китаем, или лучше всего путешествовать в Тибет, либо заниматься с выходцем оттуда" [144].

24 июня 1777 года И. Иериг находился в Енотаевке, откуда и направил свой очередной рапорт в столицу. Переводчик уведомлял Академию об успехах в занятии тибетским языком, а также сообщал, что с недавнего времени был допущен в улусы князя Дондукова [145]. По

всей видимости, И. Иериг имел в виду князя Алексея Федоровича Дондукова, который с 1762 года вместе со своей матерью княжной Верой Дондуковой управлял Багацохуровким улусом [146].

6 октября 1777 года конференц-секретарь Эйлер представил и зачитал отчет И. Иерига под номером 7 от 12 сентября 1777 года из Енотаевки. Переводчик попросил Академию прислать ему небольшое количество китайских духов и фимиама [147] для того, чтобы потом подарить их калмыцким священникам и таким образом установить с ними хорошие взаимоотношения [148]. Этот эпизод показывает большую личную инициативу И. Иерига и его стремление подчеркнуть высокую степень своей исследовательской активности, в том числе и с целью продления контракта с Академией на следующий год. Кроме того, своим упорством он старался добиться расположения местного духовенства, что было предписано инструкцией от 15 мая 1774 года и напрямую влияло на результат его работы.

С указанным выше отчетом И. Иериг предоставил также продолжение труда "О началах метода обучения произносить слова по буквам и читать тексты на тибетском языке", первую часть которого он присылал в июне 1777 года. К нему он приложил описание способа дублирования кожи, который калмыки использовали в обиходе, а также метод лечения опухоли "Мога" [149], часто приводившей к летальному исходу. В завершении рапорта И. Иериг описывал фрагмент религиозных церемоний калмыков, следовавших после захоронения супруги одного из калмыцких ханов [150]. Этот отчет, как и тексты, приложенные к нему, были переданы профессору Палласу [151].

16 октября 1777 года Конференция рассмотрела восьмой отчет Иоганна Иерига. Переводчик сообщал, что 16 сентября находился в Енотаевской крепости, откуда направлял продолжение своей работы "О началах метода обучения произносить слова по буквам и читать тексты на тибетском языке" [152]. Рукописи, как и ранее, были переданы профессору Палласу [153].

В начале ноября 1777 года в Санкт-Петербурге от И. Иерига был получен девятый отчет, датированный 3-м октябрём того же года из Енотаевки [154]. Переводчик представил Конференции несколько историй о последней войне калмыков, названной "Джунгарской". И. Иеригу было рекомендовано собрать больше сведений о ней, на что он обещал отправить продолжение. Эти материалы были переданы профессору Палласу, чтобы он мог использовать их в своих работах о монгольских народах [155].

Исследовательская активность И. Иерига к концу 1777 года была на очень высоком уровне. Своим усердием и пунктуальностью он, безусловно, стремился добиться расположения руководства Академии наук и как следствие – продолжения исследовательской карьеры.

Через несколько дней после получения девятого отчета, Конференция зачитала отчет переводчика от 09 октября 1777 года под номером десять. И. Иериг сообщал, что находится в Калмыцкой Орде и направлял перевод на немецкий язык сочинений, посвященных астрологии, магии и нескольким индийским абраксам [156], которые калмыки использовали для лечения болезней и помощи в других жизненных ситуациях. Метод лечения заключался в проглатывании листочков с этими магическими надписями [157]. Отметим, что традиция съедать кусочек бумаги, на котором были написаны заклинания, является известным способом лечения болезней в Тибете. Такие кусочки бумаги по-тибетски называются "za-yig", что в переводе на русский язык означает "съедобные слова" [158].

8 декабря 1777 года на Конференции Академии наук был представлен и зачитан одиннадцатый отчет И. Иерига от 30 октября 1777 года, написанный им в калмыцкой степи [159]. К нему были приложены следующие материалы:

1. Тетрадь с небольшими историями и наблюдениями;
2. Отрывок из монгольского сочинения о Чингисхане;
3. Астрологическая таблица 60-ти годов [160], написанная на монгольском языке с кратким описанием на немецком" [161].

Все эти рукописи поступили в распоряжение Петра Симона Палласа [162].

Таким образом, только за октябрь 1777 года Иоганн Иериг прислал три отчета о проделанной работе с приложением большого числа весьма ценных материалов. В конце 1777 года И. Иеригу был отправлен обещанный ему еще в мае месяцеслов Академии наук, вместе с письмом П. С. Палласа к Ф. Г. Миллеру от 17 декабря 1777 года [163].

С началом 1778 года заканчивался срок действия служебного контракта переводчика, что требовало принятия соответствующего решения директора Академии. Энергичная деятельность И. Иерига за прошедший 1777 год принесла свои плоды. С. Г. Домашнев, "всегда подозрительно относившийся к расходам на научные работы" [164], принял решение возобновить контракт сроком до 1779 года, ввиду того, что пребывание И. Иерига среди калмыков "могло бы послужить

хорошим источником для дальнейшего сбора информации об истории, традициях и религии этого народа" [165]. Соответствующие распоряжения относительно продления срока службы были отправлены в Астраханскую губернскую канцелярию [166], а также самому переводчику [167].

12 января 1778 года Академия получила последний двенадцатый отчет И. Иерига от 13 декабря за прошедший 1777 год [168]. С ним переводчик передал некоторое количество лечебной травы под названием "Sangana" [169], которую калмыки успешно использовали против сильных болей при ревматизме [170]. Данное сообщение переводчика вызвало большой интерес у Академии наук, в связи с чем, оно было напечатано в главной российской газете XVIII века "Санкт-Петербургские ведомости" за 1778 год [171]. Эта публикация является наиболее ранней в карьере И. Иерига.

Согласно инструкции от 15 мая 1774 года, холодное время года И. Иериг проводил преимущественно в Енотаевке или Астрахани. Там у него была возможность более тесно взаимодействовать с местными властями, урегулировать различные административные и хозяйственные вопросы (получение жалования, необходимых ордеров и распоряжений, жилищный вопрос). Порой губернские начальники проявляли к академическому исследователю исключительную заботу. Например, к началу 1778 года при содействии астраханского губернатора И. В. Якоби удалось найти для И. Иерига нового учителя тибетского языка, которым он был очень доволен впоследствии. Об этом переводчик сообщал из Енотаевки в своем первом отчете за 1778 год, датированном 9 января (рассмотрен на Конференции 5 февраля 1778 года) [172]. С ним И. Иериг также прислал небольшой перевод с тибетского на немецкий язык сочинения, содержащего сведения об астрологии и медицине. Эти материалы Конференция решила передать профессору Палласу [173].

Системный анализ архивного фонда И. Иерига в АВ ИВР РАН показал, что в холодное время года он, как правило, присылал больше отчетов и сочинений. Вероятно, это было связано с тем, что он имел возможность в спокойной обстановке переработать "летний" полевой материал, что в свою очередь также было рекомендовано его инструкцией.

26 февраля 1778 года Академия получила от переводчика второй отчет от 17 января 1778 года [174]. С ним И. Иериг передал перевод с

тибетского на немецкий язык двух небольших отрывков из следующих произведений:

1. Изгнание нечистой силы "Oukhal-Orgönä";
2. Многообразие "Sakoosun" [175].

После прочтения этих работ перед академической Конференцией профессор Паллас забрал их себе [176].

С началом весны 1778 года И. Иериг начал предпринимать поездки в калмыцкие улусы, как тому предписывала его инструкция.

27 апреля 1778 года конференц-секретарь зачитал 4-й отчет переводчика, датированный 4 апреля 1778 года и составленный в одном из калмыцких улусов. В нем содержался перевод с монгольского на немецкий язык произведения "О хронологии первых правителей в индийских царствах с начала распространения язычества" [177]. Этот отрывок был передан профессору Палласу для использования во втором томе его истории монгольских народов, над которым он в то время работал [178].

После апрельского отчета до середины лета от И. Иерига не было никаких известий, и лишь в начале июля 1778 года в Санкт-Петербурге получили его пятый по счету отчет от 16 июня 1778 года. Он был зачитан 9 июля на академической Конференции под председательством директора С. Г. Домашнева [179]. Из содержания рапорта следует, что, находясь в окрестностях Астрахани, И. Иериг собрал несколько шкурок известного небольшого зверька, а именно мыши под названием "Morin Kuschuli" [180], которой он давал подробное описание. С этим же отчетом он прислал растение под названием "Tuschut Oboson" [181], которое калмыки применяли при болезнях у лошадей [182].

Несмотря на то, что И. Иериг уже четыре года работал на Академию наук и больше не был связан с сарептской колонией гернгутеров, его контакты с семьей в Германии не были утрачены окончательно. Однако теперь он поддерживал с ней связь не через общину, как раньше, а через своего научного руководителя. Такой вывод следует, исходя из содержания письма П. С. Палласа от 29 июля 1778 года, адресованного Г. Ф. Миллеру, в котором он просил переслать И. Иеригу небольшую коробочку, отправленную его отцом из Германии [183].

Лето 1778 года переводчик Академии провел среди калмыков, изучая особенности их быта, методы лечения и отдельные обычаи. 24 августа 1778 года конференц-секретарь Эйлер зачитал шестой отчет И. Иерига от 20 июня 1778 г., составленный также в окрестностях Аст-

рахани [184]. Переводчик направлял бумаги, которые содержали 17 "анекдотов" [185], описывавших некоторые особенности калмыков и их лекарственных препаратов [186].

В конце 1778 года И. Иериг встретился с известным естествоиспытателем, членом-корреспондентом Российской академии наук К. И. Габлицем. С его помощью переводчик передал в Академию небольшое количество лечебной травы "Särgäng" [187].

К. И. Габлиц еще в 1769 году присоединился к экспедиции академика Гмелина в качестве студента. Во время похода он проявил большие способности к естествознанию. К. И. Габлиц до самой смерти С. Г. Гмелина находился в составе его физической экспедиции и выполнял поставленные им задачи. Как и И. Иериг "зиму 1774-1775 гг. прожил он [К. И. Габлиц] в Астрахани, приводя в порядок свои бумаги и коллекции" [188]. Вплоть до 1781 года К. И. Габлиц продолжал свои исследования по поручению Академии наук преимущественно в Астраханской губернии. Следовательно, естественнонаучные изыскания Иоганна Иерига, не имевшего на то специального образования, проходили при содействии К. И. Габлица, который в том числе помогал и с доставкой его материалов в столицу.

7 января 1779 года в Академии был получен отчет И. Иерига от 3 декабря 1778 года из Енотаевки. Переводчик направлял образец травы, которая применялась калмыками для лечения соколов [189]. Этим хищных птиц использовали в охоте на различных зверей. В начале XIX века побывавший у кочевников Б. Бергман писал: "Соколиная охота у калмыков во все времена была делом обычным, и только теперь встречается среди знатных торгутов, да и то редко" [190].

В начале 1779 года вместе с посылкой К. И. Габлица от И. Иерига поступило некоторое количество травы под названием "Erhedra monastahya" [191]. Образцы этого растения были переданы директору Академии С. Г. Домашневу [192].

Первый отчет за 1779 год поступил от И. Иерига лишь 19 апреля. В своем письме от 18 марта 1779 года он сообщал, что находится в Енотаевке. С ним переводчик передал перевод на немецкий язык описания церемонии "Dschang" [193], то есть службы по умершим, которая следовала за другими молитвами, возносимыми от калмыцкого духовенства по исходу души (после смерти) [194]. Этот отчет содержал также несколько исторических справок и "анекдотов" о калмыках. Все материалы были переданы профессору Палласу [195].

В начале 1779 года И. Иеригу удалось на некоторое время наладить дружественные отношения с калмыцкими ламами, которые позволяли ему присутствовать при отдельных таинствах и обрядах. Об этом свидетельствует архивный рапорт переводчика от 25 марта 1779 года из Енотаевки (получен Академией 29 апреля 1779 года). С ним И. Иериг прислал "священный подарок" калмыцкого духовенства – перевод на немецкий язык текста "Arschanah Nom" или "Arschanäh-Mom" [196], что означает жертвенная священная молитва лам, которую они совершали перед обрядом освящения воды "Усун Аршэнэ" [197]. Этот ценный текст был передан профессору П. С. Палласу [198].

3 мая 1779 года на заседании Конференции Академии наук председательствовал директор С. Г. Домашнев [199]. Ему был зачитан третий отчет И. Иерига за текущий год. 9 апреля 1779 года переводчик находился в Енотаевке, откуда направил различные наблюдения относительно лекарственных средств и обычаев калмыков [200]. Данные сведения были переданы, как и раньше, профессору Палласу [201].

В начале 1779 года закончилось действие служебного контракта И. Иерига, однако до лета он так не получил от Академии наук никаких сведений относительно его продления или расторжения. В связи с этим 01 июля 1779 года на Конференции было рассмотрено письмо И. Иерига от 07 июня из Енотаевки, в котором он жаловался, что так и не получил никакого ответа и приказа от академической Комиссии относительно возобновления его контракта с Академией, и, как оказалось, уже несколько месяцев ему не выплачивалось жалование [202]. После выяснения всех обстоятельств в канцелярии Комиссии выяснилось, что приказ был выслан только 2 мая 1779 года. Таким образом, была вероятность, что И. Иериг не получил его на момент написания своей жалобы. Тем не менее члены Комиссии, присутствовавшие на заседании, приняли решение направить повторную копию без промедления [203].

Летом 1779 года, наряду с продлением служебного контракта И. Иерига, Академия наук и лично П. С. Паллас начали работу по пересмотру исследовательских задач и направлений деятельности переводчика. Это было связано с тем, что к 1779 году основной спектр поставленных перед И. Иеригом вопросов был исчерпан. Кроме того, инструкция предполагала "трехгодичное" [204] пребывание среди калмыков, в то время как И. Иериг уже более пяти лет занимался исследованиями в Астраханской губернии.

В то же время Иоганн Иериг сам выступил с инициативой о переводе в район Забайкалья для изучения проживавших там монголов. Об этом свидетельствует его отчет от 07 июня 1779 года, обнаруженный в СПФ АРАН. В нем, помимо административных вопросов, переводчик обозначил наиболее важные проблемы, возникшие у него в последнее время работы, а именно: отсутствие понимания со стороны местного населения, особенно зайсангов, которые всячески препятствовали его деятельности, не приемля официальных приказов и рекомендательных писем, кроме тех, что выдавала Иностранная Коллегия [205]. Более того, согласно отчету, жизнь И. Иерига за 6 лет службы дважды подвергалась опасности "от духовенства ордынского" [206]. Попытки переводчика исправить положение зачастую были связаны с дополнительными расходами, на что в Санкт-Петербурге редко соглашались. В сложившейся ситуации И. Иериг просил Академию наук направить его в другую "сибирскую орду", так как считал, что это принесет гораздо больше пользы в работе, особенно при переводе тибетских книг. Кроме того, он считал сибирские народы более благонравными и надеялся встретить среди них большую поддержку и понимание [207].

П. С. Паллас достаточно быстро отреагировал на просьбу переводчика и принял решение отправить его в район реки Селенги [208]. Профессор вместе со своей экспедицией побывал там еще в 1772 году, как раз перед прибытием в Сарепту. Однако П. С. Палласу не удалось собрать достаточного количества материала для своей работы по истории монгольских народов, над второй частью которой он как раз работал в 1779 году. Еще в своем первом ходатайстве 1773 года о приеме переводчика на службу в Академию наук П. С. Паллас упомянул, что в будущем И. Иеригу "возможно было бы получить еще некоторые рукописные памятники о селенгинских монголах, переводом которых он мог бы с пользой заняться" [209]. В это же время шла подготовка к созданию сравнительного словаря всех языков и наречий, издание которого впоследствии было поручено профессору Палласу самой Екатериной II. В таких условиях, принимая во внимание желание самого переводчика, идея его перевода в Забайкалье выглядела весьма логичной и своевременной.

Таким образом, в 1779 году подошла к завершению Калмыцкая экспедиция Иоганна Иерига, продлившаяся больше шести лет. С наступлением 1780 года в исследовательской карьере ученого произошли существенные, а главное качественные изменения, основу которым

положил его многолетний труд по изучению калмыцкого народа, а также природы и географии Астраханской губернии.

Калмыцкая экспедиция Иоганна Иерига стала уникальным примером долгосрочного и комплексного проекта по изучению кочевых народов Астраханской губернии в XVIII веке. Большую помощь И. Иеригу на начальном этапе формирования его научного сознания оказал профессор П. С. Паллас. Он определил, в том числе спектр его экспедиционных задач, отражавший наиболее актуальные на тот момент направления исследований: язык, культура, религия, история и окружающая природа калмыков. При этом научная составляющая работы И. Иерига была обусловлена, в том числе и политическим контекстом, связанным со стратегическими планами Российской Империи в отношении вошедших в ее состав кочевых народов.

За время исследований в Астраханской губернии (1774-1780 гг.) Иоганну Иеригу удалось добиться существенных результатов и в значительной степени выполнить инструктивные указания Академии наук. Его ценные переводы народных эпосов, религиозных произведений, описания церемоний и обрядов, образцы флоры и фауны стали предметами пристального внимания Академии наук и нашли широкое отражение в делопроизводственных документах этого учреждения.

В то же время в ходе исследовательской работы И. Иеригом были выявлены серьезные проблемы в общении с кочевниками, отсутствие взаимопонимания и в целом враждебное отношение к иностранцам, что свидетельствовало о незначительной степени интеграции калмыков в социокультурную среду российского государства и в итоге послужило причиной завершения его экспедиции в Астраханской губернии.

Глава 3

СИБИРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИОГАННА ИЕРИГА (1780-1795 гг.)

3.1. ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ИТОГИ ПЕРВОЙ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1780-1789 гг.)

В 1780 году завершилась Калмыцкая экспедиция Иоганна Иерига, за время которой он приобрел достаточный опыт общения с монгольскими народами, сформировал представление об их менталитете, ценностях и укладе жизни. Однако самое главное – он научился беспрепятственно общаться с кочевниками, на высоком уровне овладев их устной речью и письменностью. Свои навыки и знания ему предстояло применить в совершенно незнакомом для него регионе Южной Сибири среди местных монголов. Таким образом, для переводчика Академии наук наступил новый, более сложный период исследовательской карьеры, который должен был показать степень и уровень его подготовки, пройденной за время Калмыцкой экспедиции.

В архивном журнале академической Комиссии содержится интересная запись от 8 июля 1779 года о принятом относительно И. Иерига решении: "Переводчик должен ехать в Сибирь, чтобы продолжить свои занятия ... ему также следует найти двух мальчиков среди местного населения, которые стали бы его учениками" [1]. Таким образом, в круг исследовательских задач И. Иерига планировалось добавить еще обязанность по подготовке новых переводчиков для Академии наук.

19 августа 1779 года профессор Паллас зачитал на заседании Конференции Академии наук составленную им еще в июле "Новую инструкцию отправленному теперь в Селенгинск, для основательного обучения тангутскому языку и собрания разных полезных до монгольского народа касающихся известий, переводчику Иеригу" [2] (нем. "Neue Instruktion an den zu gründlicher Erlernung der tangutischen Sprache und Sammlung allerley nützlicher die mongolischen Völkerschaften betreffender Nachrichten, nunmehr in die Selenginskische Gegend abgefertigte Trarslateur Johann Jaehrig"). Согласно протоколу Конференции перевод на русский язык данной инструкции был передан на утверждение директору Академии наук, а конференц-секретарь Эйлер, в свою очередь, сохранил копию для архива [3].

В личном деле переводчика в СПФ АРАН удалось найти обозначенную выше копию перевода инструкции. Во вводной части к ней оговорены основные аспекты дальнейшей исследовательской деятельности И. Иерига: ему предстояло за "положенное ему от Академии жалованье ... и для лучшего обучения Тангутскому языку ... ехать к Селенгинским Монголам в окрестность Селенгинска [4] и Кяхты [5], не ограничивая времени пребывания его в тамошних странах..." [6]. Обратим внимание на то, что в отличие от первой инструкции 15 мая 1774 года, данный документ не содержит указания на срок службы и размер жалования переводчика. То есть, это своего рода "бессрочный трудовой договор", если пользоваться современной терминологией.

Рассмотрим основные исследовательские задачи, которые содержались в новой инструкции для Иоганна Иерига. В первую очередь переводчику следовало изучить язык и письменность местных монголов, а также сообщить в Академию наук об имеющихся отличиях от калмыцкой речи и письма [7]. Одним из главных поручений И. Иеригу являлась необходимость выучить тибетский язык и "узнать науки и учения духовных, происходящие из Тибета..." [8]. Для этого переводчику следовало выбрать "из тамошних духовных добровольного учителя и у оного, так как и у Монгольского духовенства, по крайней мере, летом жить беспрестанно, дабы чрез то никакого случая к собранию полезных знаний не упускать..." [9]. Как и в первой инструкции, во второй П. С. Паллас уделил особое внимание установлению дружественных отношений с местным духовенством, которое располагало всей полнотой знаний как религиозного, так и повседневного характера.

И. Иеригу поручалось присылать в Академию описания различных местных праздников, обрядов и церемоний, "при том всякое различие в духовных обрядах и мнениях, в обрядах, бывающих у монголов при родах, свадьбах и погребениях, жертвоприношении и прочем, сравнивать с тем, что он у Калмыков видел..." [10]. Следовательно, Академия стремилась больше узнать о проживавших в Сибири монголах в контексте их различий с поволжскими калмыками.

Несколько более подробно, чем прежде профессор Паллас подошел к описанию другой важной задачи – составление переводов и выписок из религиозных монгольских писаний. И. Иеригу было рекомендовано "главнейшие монгольские сочинения об истории, свете и богах и об учении тибетцев в Кяхте, или другом месте за пристойную цену купить..." [11], а счет о покупке книг, с приложением квитанции, следовало направлять в Академию для возмещения их стоимости. Таким способом планировалось пополнить монгольские и тибетские фонды академической Библиотеки.

Еще одной новой с финансовой точки зрения задачей переводчика стал поиск китайских живописцев, "которые из некоторых книг за посредственную цену разных монгольских богов малюют..." [12]. И. Иеригу следовало небольшими партиями заказывать у них изображения различных "тибетских богов ... а особливо тех, которые в гравировальных фигурах к Монгольским собраниям Академика Палласа не представлены ... с приложением на Китайском, Маньчжурском, Тангутском и Монгольском языках имен, а притом, сколько возможно, с изъяснением их особых знаков и истории ..." [13]. Как и в случае с покупкой книг, стоимость услуг таких художников Академия наук обязалась компенсировать в полном объеме, согласно выставленным И. Иеригом счетам. Отметим также неслучайное упоминание здесь "Монгольского собрания Академика Палласа", вторая часть которого планировалась к публикации и нуждалась в дополнительном материале.

Как и ранее, Иоганн Иериг должен был осуществлять сбор и толкование сведений "о древней и новой истории, законе и поведении монгольских народов" [14]. В качестве приложения к инструкции имелись так называемые особливые пункты [15], которым требовалось дать наиболее детальное разъяснение. Значительная часть из них касалась отдельных вопросов истории правления Чингисхана, процесса разделения ойратов на самостоятельные племена, появления калмыков и бурятов, упадка хойтов, а также других исторических событий,

предшествовавших переселению монгольских народов в Российскую Империю [16].

Помимо истории, И. Иеригу следовало узнать и сообщить в Академию о судьбе "бежавших с Волги калмыков" [17] и в целом о внутривосточных процессах, происходивших в тот момент в Монголии и Китае. Известно, что массовое бегство калмыцкого народа в 1771 году в Джунгарию стало печальной страницей в истории российского государства. Академия наук в свою очередь стремилась как можно больше узнать о произошедшем событии, чтобы понять его причины и последствия.

Еще один "особливый" пункт инструкции был посвящен Тибету. Об этой стране в XVIII веке было мало что известно, поэтому Академия просила И. Иериго разузнать у местных лам, особенно у тех, что "на поклонение к Далай Ламе ежжали" [18] различные сведения о ней и ее духовном правителе. Также Академию интересовало описание пути из Селенгинского острога в Тибет "по станциям, рекам, озерам, горам и другим примечания достойным местам, через которые проезжают, с показанием расстояния дороги по дням езды..." [19].

Как и в предыдущей инструкции, отдельно и наиболее внимательно И. Иеригу следовало объяснять разные аспекты религиозной жизни монголов: структуру духовенства, отправление различных церемоний и молитв, процесс создания и освящения церковной атрибутики, врачебную практику священнослужителей и прочее [20].

Приложение к инструкции под номером "С" было посвящено исследованию природы Сибири и различных народных ремесел. В соответствии с ним И. Иеригу следовало объяснить процесс приготовления китайской черной туши, разных сортов чая и табака, заниматься сбором и описанием природных солей, минералов, а также драгоценных камней [21]. Отдельные и наиболее "достойные" натуральные образцы необходимо было пересылать в Петербург "через Иркутскую Губернскую Канцелярию" [22]. Переводчику также нужно было уделять внимание местной флоре и фауне, в особенности той, что использовалась в медицинских и кулинарных целях. В связи с этим И. Иеригу предстояло взаимодействовать с Кунсткамерой для отправки конкретных образцов растительного и животного мира [23].

Новая инструкция, как и прежняя, предписывала ежемесячно отчитываться перед Академией наук. И. Иеригу было рекомендовано на зиму переезжать в крупные местные города (Селенгинск, Кяхта) для

составления новых сочинений и переводов. Осенью же следовало позаботиться об отправке различных "натуральных вещей в Академию" [24], чтобы перед зимним путем они попали в Иркутск, и в наиболее холодное время года переправлялись в Санкт-Петербург. Такая рекомендация была обусловлена, во-первых, хорошим состоянием зимних дорог, а во-вторых, низкой температурой, при которой отправляемые "натуральные" образцы не портились. И для того чтобы такая корреспонденция гарантированно доходила адресату, следовало "от Селенгинской, или Кяхтинской Канцелярии в приеме таких посылаемых ящиков брать расписки и все надписывать прямо в Академию Наук" [25].

В отношениях с кочевыми народами И. Иеригу необходимо было придерживаться текущей концепции: по прибытию на место установить дружественные отношения с местным населением, в особенности с церковнослужителями, и ничего не требовать, кроме того, что для него "в силу исходатайствованных от Российского начальства повелений делать подлежит, или что делается из дружества и добровольно..." [26], а также максимально избегать всего, что "тамошних монголов, их тайшей [27] и духовенство оскорбить, или к подозрению и досадам случай подать может..." [28]. Обо всех случаях враждебного отношения со стороны кочевников нужно было сообщать иркутскому губернатору или лично директору Академии.

Переводчику также было предписано соблюдать строгую конспирацию и на вопросы посторонних о его службе отвечать, что он занимается исключительно изучением языка, а выходящие за рамки этой задачи сведения собирает лишь "из одного собственного своего любопытства..." [29] и кроме Академии наук "из своих собраний и записок никому ничего ни под каким видом не сообщать..." [30]. Аналогичные "наставления" содержались и в первой инструкции от 15 мая 1774 года.

Учитывая специфику приграничного региона, куда направлялся И. Иериг, профессор Паллас оговорил также отдельные аспекты коммуникации с иностранными подданными. При всей привлекательности имеющихся у них сведений, переводчику следовало вести себя предельно осторожно, не вызывать подозрения и не нарушать установленные международные соглашения, для чего на каждый такой случай "должно ему от Его Превосходительства Иркутского Губернатора просить особливой инструкции" [31].

Отдельный раздел рассматриваемого документа посвящен вопросу подготовки для Академии наук новых переводчиков из числа местного населения. О такой необходимости была сделана запись в журнале академической Комиссии еще 8 июля 1779 года [32]. Теперь же эта задача была расписана более подробно. Согласно указанию директора Академии, И. Иеригу следовало обратиться к иркутскому губернатору, чтобы он распорядился "из тамошних бедных крещеных братских, или Каримских [33] детей в Иркутск, или в Селенгинск дать двух проворных и понятных мальчиков и по тамошним обстоятельствам на содержание их определить на счет Академии небольшое жалование..." [34]. И. Иериг должен был обучать их тибетскому и монгольскому языку и письменности, чтобы в будущем их можно было бы взять с собой в Петербург в качестве переводчиков для Академии наук.

Другим важным заданием согласно новой инструкции являлась заграничная командировка в главный монгольский город Урга [35], с той целью, чтобы переводчик "через сие у живущих под покровительством Китайским Монголов примечания делать, сведение об оных получить и притом бы мог иметь случай храм в Урге и другие достопамятности описать" [36]. В конце XVIII века через Ургу проходил торговый путь из Кяхты в Пекин, в связи с чем И. Иеригу было рекомендовано отправляться в Монголию вместе с "курьерами" в сопровождении русских офицеров для большей безопасности. Однако предпринимать любые действия по выполнению данного поручения следовало строго по резолюции иркутского губернатора. В случае же невозможности организации такой поездки, И. Иериг должен был получать необходимый материал и информацию у людей, отправлявшихся в Ургу или Пекин [37].

В завершении новой инструкции, как и в предыдущей, содержалось указание на то, что Академия наук в случае надлежащего выполнения переводчиком своих служебных обязательств гарантировала ему "всевозможное оказывать вспоможение" [38].

Директор Академии С. Г. Домашнев, рассмотрев представленный документ, одобрил предложенный профессором Палласом план работы И. Иерига, в связи с чем в октябре [39] и декабре 1779 года [40] направил несколько писем в адрес астраханского губернатора с просьбой о содействии в организации отъезда переводчика. Директор Академии отметил, что помощь исследователю требуется "особливо по недостаточеству еще его знания российского языка..." [41].

В связи с утверждением новой рабочей программы, Иоганну Иеригу требовались некоторые сведения относительно мест его командирования, а также материалы о других особенностях Сибири. Поэтому профессор Паллас запросил у Академии для переводчика следующие книги и географические карты:

1. Новая общая карта России, на латинском и русском языках;
2. Карта округов Байкала;
3. Новая карта Джунгарии, выполненная асессором И. И. Исленьевым;
4. Китайская география А. Л. Леонтьева;
5. История войны в Джунгарии того же автора;
6. Китайское "уложение" (свод законов);
7. История Сибири профессора Фишера [42];
8. Доски с фигурками, которые упоминаются во втором томе истории Монголии;
9. Три тома о различных, связанных между собой путешествиях профессора Палласа" [43].

Конференц-секретарь обратился к академической Комиссии для получения обозначенных книг и географических карт, чтобы впоследствии отправить их И. Иеригу [44].

21 октября 1779 года на заседании Конференции в присутствии директора Академии наук С. Г. Домашнева профессор Паллас зачитал несколько писем Иоганна Иерига от 7, 9 и 29 сентября того же года, написанные им в Енотаевке. В них переводчик благодарил "Его Превосходительство" директора Академии за разрешение переехать в Сибирь к монголам и просил предоставить ему официальный академический ранг, который дал бы возможность получить рекомендательное письмо от Коллегии Иностранных Дел, что также способствовало бы увеличению его жалования на треть [45].

Весьма примечательно, что на указанную просьбу директор С. Г. Домашнев отреагировал незамедлительно, и на том же заседании в присутствии профессора Палласа одобрил все прошения И. Иерига, присудив ему титул переводчика Академии наук [46]. По всей видимости, директор был полностью удовлетворен работой исследователя и тем самым выразил ему свое почтение.

Помимо различных просьб, к октябрю 1779 года И. Иериг прислал несколько интересных рукописей, например, перевод текста с монгольского на немецкий язык, который содержал инструкцию велико-

го ламы для тех, кто устанавливал и поддерживал спиритические контакты с Бурханами в целях подготовки к смерти. И. Иериг также проинформировал об отправке образцов степной малины и вязкого вещества под названием "Gassarini-mosken", которое даёт другое растение. Наконец, он поделился своими наблюдениями об использовании данных веществ калмыками и эффектом, который они производят, в особенности, степной малины при её варке и добавлении в пиво или в напиток на основе воды и мёда [47].

Несмотря на уже утверждённую инструкцию, И. Иериг продолжал находиться в Астраханской губернии. Предстояло ещё дождаться получения необходимых бумаг и согласования всех нюансов с местными властями. В ожидании разрешения этих вопросов И. Иериг продолжал работать. 18 ноября 1779 года он прислал в Академию посылку, в которой содержались:

"1. Пакет с "Gassarini makkonischi", что значит стебли растения, которые дают вязкую субстанцию. Калмыки жуют её для лечения зубов и других болей;

2. Кусочек этой вязкой субстанции;

3. Пакет с "Charnuria Zassna gargadek obäsen", или травой, которую используют калмыки для вызова кровотечения из носа" [48].

Известному химику и профессору Академии наук И. Г. Георги было поручено провести химический анализ представленной вязкой субстанции и стеблей растения, которые её дают [49]. Позднее он подготовил соответствующий "Отчет о химическом исследовании вида каучука "Gomme-resine", образующегося из корней растения "Prenanthes Chondrilloides" (Хондрилла)" [50].

В конце 1779 года с И. Иеригом произошел несчастный случай. 16 ноября из Енотаевки он сообщал, что сломал ключицу "при падении повозки" [51] во время поездки в "Asagar" [52]. Тем не менее он не оставил своих обязанностей и сделал много наблюдений в пути, которые передал в письме Академии наук [53]. Вероятно, таким образом И. Иериг хотел подчеркнуть свое усердие в работе, невзирая на порой тяжелые жизненные обстоятельства.

Зиму 1779-1780 года переводчик провел в Енотаевке, откуда и направил свой последний за 1779 год отчет, датированный 18 декабря. Он был рассмотрен на заседании Конференции Академии наук спустя два месяца 21 февраля 1780 года. И. Иериг направил несколько образцов растений, семян и камней, собранных в его последней "экскур-

сии" среди калмыков. Переводчик очень рассчитывал на то, что ему еще представится возможность дополнительно прислать несколько материалов. Далее в письме содержались интересные наблюдения, которые И. Иериг сделал сам, находясь в степи между реками Урал и Волга. В основном они касались различных минералов [54].

В СПФ АРАН хранятся несколько писем переводчику из Академии наук, датированных декабрем 1779 года, в соответствии с которыми ему было предписано как можно скорее отправиться из "калмыцких улусов в другую российскую подданства Калмыцкую Орду между Сибирью и Китаем" [55].

Однако перед отъездом И. Иеригу было предписано посетить Астрахань, чтобы получить "от тамошнего г. Губернатора и генерал-майора Его Превосходительства Ивана Варфоломеевича Якоби надлежащей подорожной, с которой ему по приложенному в прибавлении под литерою А. маршруту немедленно надлежит отправиться в Селенгинск и стараться прибыть в сие место зимним путем" [56].

В личном деле Иоганна Иерига в СПФ АРАН хранится его рапорт, датированный 19 февраля 1779 годом из Енотаевки (в Петербурге получен 15 марта 1779 года), в котором он сообщал: "Его Превосходительство губернатор Якоби лично вызвал меня в Астрахань для собственноручного отправления в Монгольские орды ... все нужное на пути получил я от Астраханской губернской канцелярии 16 числа сего месяца" [57]. По всей видимости, мы имеем дело с небрежно изготовленной копией рапорта, так как присутствует явная ошибка в дате его написания (должен быть 1780 год). Достоверность такого тезиса доказывает еще тот факт, что И. Иериг в письме обязуется выполнить порученные ему Академией задачи "в точности с инструкцией" [58], которая была утверждена в августе 1779 года [59].

Согласно инструкции порядок переезда переводчика на новое место службы регламентировался следующим образом: "На поездку его определено ему две лошади, на которых ему и прогонные деньги по предписанному маршруту в Астрахань выданы будут, которым он, так как и назначенной на починку небольшой сумме по окончании своего путешествия должен прислать в учрежденную при Академии Наук Комиссию счет" [60]. Указанный маршрут был приложен к инструкции и поименован как "Прибавление Лит. А" [61]. В соответствии с ним путь Иоганна Иерига должен был выглядеть следующим образом:

От Астрахани по почтовой дороге до Царицына	384
От Царицына до Дмитриевска	182
От Дмитриевска до Саратова	157
От Саратова до Сызрани	233
От Сызрани до Самары	112
От Самары по Самарской линии до Оренбурга	382
От Оренбурга по почтовой дороге через Башкирию до Челябинска	572
От Челябинска через Шадринск, Мехонск и Тюмень до Тобольска	638
От Тобольска до Тары	495
От Тары до Томска	864
От Томска до Красноярска	502
От Красноярска до Иркутска	960
От Иркутска до Селенгинска	430
От Селенгинска до Кяхты	91» [62]

Таким образом, всего И. Иеригу предстояло проехать 6002 версты, что, безусловно, было огромным расстоянием в условиях транспортного сообщения конца XVIII века. В нарушение академических указаний переводчик не успевал отправиться "первым зимним путем" [63] и выехал уже в начале весны. Как отмечает В. Н. Медведев, перед отъездом И. Иериг посетил Сарепту "очевидно последний раз в жизни" [64].

Первое письмо Иоганна Иерига, отражавшее процесс его переезда, было найдено в личном деле переводчика в СПФ АРАН. Оно написано профессору Палласу из Саратова и датировано 29 апреля 1780 года. В нем переводчик рассказывает о несчастье, которое произошло с ним в пути. Оказалось, что И. Иериг выехал гораздо позже, чем рассчитывал. В Царицыне и Дмитриевске он взял много синего минерала, называемого "Шифером", после чего планировал быстро добраться до Оренбурга. Однако в Дмитриевске он узнал о "шайке" грабителей, орудовавших в 50-60 верстах от Саратова. Семеро разбойников не только забирали деньги и имущество у путников, но и убивали как русских, так и немцев. И. Иериг предусмотрительно спрятал, имевшиеся у него деньги (100 рублей ассигнациями) в обручи кибитки, чтобы в случае нападения они не достались злоумышленникам. Однако дорога оказалась "дурной", ему часто приходилось выходить из повозки, и эти деньги просто выпали на дорогу. Так И. Иериг лишился практически всех "дорожных" средств, лишь 35 рублей серебром оставались у него при себе. Этого хватало только на дорогу до Тобольска, в связи с чем он решил продать часть своих личных вещей (часы и прочее), чтобы "раздобыть немного денег". В сложившейся ситуации И. Иериг покорно

просил Академию наук выдать ему в Оренбурге 75 рублей ассигнациями, которые обязался вернуть из своего будущего жалования. Он особенно подчеркивал, что оставшихся средств ему никак не хватит на дорогу до Иркутска [65].

Академия наук, получив такое обращение И. Иерига, учла его сложное положение и сочла эти расходы необходимыми и справедливыми, и сразу же направила официальное письмо профессору Котельникову, который передал его академической Комиссии для дальнейшей пересылки запрошенных 75 рублей ближайшей почтовой отправкой 15 июня 1780 года [66].

Кроме того, И. Иериг отметил, что его путешествие было задержано из-за пересылки различных рекомендательных писем, которые ему были поручены калмыцким духовенством, но следя за данными важными бумагами, он рассчитывал преуспеть еще больше в исследованиях за этим "подозрительным и хитрым" народом. Напоследок он приложил к отчету различные "анекдоты о народах Монголии", составленные еще до его отъезда [67]. Они были переданы профессору Палласу для использования в его работе, посвященной истории монголов [68].

Академическая Комиссия, как и обещала, отправила распоряжение о выдаче необходимых И. Иеригу "дорожных" денег в Оренбурге 15 июня 1780 года [69]. Несмотря на неудачу, И. Иериг продолжил свой путь и прибыл в Оренбург уже в середине мая, откуда отправил в Петербург два отчёта (№ 3 и № 4 от 18 и 24 мая 1780 года), которые были получены в столице 3 июля 1780 года [70]. К этому моменту письмо академической Комиссии еще не успело дойти до руководства Оренбургской губернии. Тем не менее переводчик уведомил о своем скором продолжении пути, который стал возможным благодаря доброму расположению к нему местного генерал-губернатора Иоганна Генриха Рейнсдорпа, одолжившего ему в самые кратчайшие сроки (22 мая) запрошенную сумму денег. Затем, так как И. Иериг был обязан оплатить по своему отъезду из Оренбурга двойную сумму за лошадей, он понадеялся, что Академия любезно согласится записать эти расходы на свой счет. Это прошение было удовлетворено без малейших колебаний. Напоследок он приложил к своим отчётам следующие материалы:

"1. Карту страны, которую он проехал и узнал в путешествии по Калмыкии в период с 1773-1780 год;

2. Растение и маленькую засушенную рыбку из округов Астрахани, прозванную из-за своей формы рыбой-иглой;

3. Объяснение некоторых непонятных терминов, которые встречались в древней истории Сибири профессора Фишера, а также несколько анекдотов" [71]. Рукописи и карты И. Иерига были переданы профессору Палласу [72].

Что касается выданных И. Иеригу в Оренбурге денег, то счет на 83 рубля 33 копейки (треть жалования переводчика) был направлен оренбургской губернской канцелярией в Академию наук 26 мая 1780 года [73]. Также соответствующее ходатайство генерал-губернатора И.Г. Рейнсдорпа от 28 мая 1780 г. по данному вопросу было получено в Петербурге в июне 1780 года [74].

Дальнейший путь до Иркутска занял у И. Иерига почти два месяца. 26 июля 1780 года он рапортовал оттуда в Санкт-Петербург. В его письме, рассмотренном на заседании Конференции 12 октября 1780 года [75], он жаловался на отвратительные и почти непроходимые дороги от Красноярска в сторону Байкала; наводнение, вызванное продолжительными ливнями в течение 10-ти дней, привело в такое состояние дороги, что путь приблизительно в 800 верст прошел в очень тяжелых условиях. Иоганн Иериг рассчитывал выехать в Кяхту на днях, откуда он планировал выслать подробный отчет о своём успешном путешествии к монгольским народам [76].

Согласно инструкции от 19 августа 1779 года, переводчику не следовало оставаться в Иркутске и ехать "далее Байкала, явиться сперва главную на Селенгинской границе над Монголами команду имеющему начальнику и с оным условиться о нужных мерах в рассуждении продолжения пути, способности и вспоможения в учении и собрании полезных известий; просить у него себе к монгольским тайшам и духовным особливого одобрения, с тамошними переводчиками и толмачами познакомиться и стараться в самой скорости быть в состоянии в первое уже лето с тамошними монголами жить и учение свое в рассуждении Монгольского и Тангутского языка ревностно продолжать" [77].

В соответствии с данными указаниями, в начале осени 1780 года И. Иериг прибыл на границу с Монголией и обосновался недалеко от Кяхты в дацане [78] рядом с Гусиным озером [79]. Об этом он сообщал в своем письме от 26 сентября 1780 года, рассмотренном на Конференции Академии наук уже в начале 1781 года. Этот рапорт, а также приложенные к нему "анекдоты" и пояснения о языке и обычаях монголь-

ских народов, профессор Паллас забрал себе для использования в своих трудах, планируемых к дальнейшей публикации [80].

Таким образом, путь из Астрахани в Кяхту занял у И. Иерига почти полгода, за которые он проехал 6283 версты, то есть на 281 версту больше, чем рассчитывала Академия [81]. Точность таких подсчетов подтверждается хранящимся в СПФ АРАН подробным рапортом переводчика от 14 февраля 1781 года с приложением пройденного расстояния и населенных пунктов: "Астрахань – Саратов (743 версты), Саратов – Самара (348 верст), Самара – Оренбург (424 версты), Оренбург – Челябинск (666 верст), Челябинск – Тобольск (616 верст), Тобольск – Тара (563 версты), Тара – Томск (864 версты), Томск – Красноярск (554 версты), Красноярск – Иркутск (984 версты), Иркутск – Кяхта (521 верста)" [82].

В соответствии с новой инструкцией И. Иеригу было предписано по приезду в Иркутскую губернию изыскать возможность съездить за границу, в главный монгольский город Урга [83]. Согласно отчету переводчика под номером семь из района Гусиного озера от 14 октября 1780 года [84] он приступил к выполнению данного поручения незамедлительно. Узнав о том, что Коллегия Иностранных Дел направила местного архимандрита вместе с группой студентов в поездку в Пекин, И. Иериг захотел воспользоваться этой возможностью для того, чтобы изучить историю и традиции китайского народа. Он попросил Академию подействовать ему в получении разрешения Коллегии Иностранных Дел, чтобы можно было сопровождать архимандрита в этом путешествии. Конференция назначила ответственным профессора Палласа и конференц-секретаря обратиться с просьбой от лица Академии к "Его Превосходительству" Графу Строганову обсудить с Графом Никитой Ивановичем Паниным возможность удовлетворении просьбы переводчика Иерига [85].

Последовавшая за этим бюрократическая процедура различных согласований и наведения справок не принесла результатов. В итоге поездка не состоялась, а И. Иериг решил поселиться недалеко от Гусиного озера в дацане нойона [86] Цонжи Цеддеба [87], что способствовало более продуктивной коммуникации с местным духовенством. С конца 1780 года от переводчика стали поступать первые результаты исследований в рамках новой рабочей программы.

5 февраля 1781 года на Конференции Академии наук был зачитан 9-й отчет И. Иерига, датированный 12 ноября 1780 года из района Гу-

синого озера. В нем "этот внимательный путешественник" [88] в соответствии с требованиями новой инструкции высказывал свое мнение о тех или иных трудах, напечатанных или составленных в виде манускриптов на монгольском и тибетском языках, которые заслуживали быть приобретенными для академической Библиотеки. Как следствие, И. Иериг просил ознакомиться с заказами Академии для Библиотеки, чтобы не получилось так, что он приобретет уже имеющиеся книги. Для этого он и обратился с просьбой выслать ему соответствующий каталог. Также И. Иериг уведомлял Академию о своих издержках на учителей языка и других необходимых расходах, указывая на то, что настоящего жалования ему не хватало на проживание. В связи с этим он попросил Академию рассмотреть возможность выделения ему премии [89]. Наконец, он приложил к отчету два листочка с его наблюдениями и разъяснениями под буквами "А" и "В", которые не были обнаружены в пакете с отчетом. Профессор Паллас высказал свое одобрение относительно "первой части отчёта переводчика Иерига" [90].

Предложение И. Иерига относительно составления списка книг было одобрено Конференцией, она приняла решение назначить ответственным профессора Бакмейстера подготовить соответствующий каталог работ и книг на монгольском и тибетском языках, которые имелись в Библиотеке Академии, и передать его П. С. Палласу, который, в свою очередь, должен был позаботиться об отправке этого каталога И. Иеригу в течение двух дней [91].

В итоге академический библиотекарь Бакмейстер не смог составить и передать каталог книг на монгольском языке, который ему было поручено подготовить [92]. Об этом он сообщил на Конференции 12 марта 1781 года. В связи с этим от него поступило предложение сделать копию каталога книг на китайском языке, который был в наличии в Библиотеке Академии, для того, чтобы при возникшей возможности, И. Иериг смог его дополнить. Конференция приняла решение передать этот отчет академической Комиссии и попросить ее членов назначить хорошего писаря, подготовить копию представленной работы и позаботиться о соответствующем за это вознаграждении [93]. 16 апреля 1781 года данное поручение было выполнено: академическая Комиссия передала членам заседания Конференции каталог манускриптов на китайском и монгольском языках, который был запрошен для переводчика И. Иерига. Этот каталог впоследствии был передан профессору Палласу для дальнейшей отправки переводчику [94].

19 марта 1781 года конференц-секретарь Академии зачитал последние два отчета И. Иерига за 1780 год под номерами 11 и 12 из дацана у Гусинового озера [95]. В одиннадцатом отчете от 14 декабря 1780 года содержалось введение в индийскую астрономию в переводе на немецкий язык, продолжение которой он обещал направить в Санкт-Петербург со следующими отчетами [96]. В двенадцатом рапорте от 29 декабря 1780 года И. Иериг пожаловался на дополнительные и обязательные расходы, значительная часть которых предназначалась за уроки его учителя тибетского языка. Он предлагал Академии покрывать расходы за обучение в обмен на те сведения и предметы антиквариата, которые он с особой тщательностью собирал в месте своего пребывания. Что касается дополнительных расходов, то Академия в лице профессора Палласа подготовила ответ для переводчика о том, что ему нужно только направить их в письменном виде, чтобы представить вниманию академической Комиссии. Затем на Конференции П. С. Паллас высказал своё мнение, которое было полностью поддержано всеми членами заседания, о том, что тибетский язык должен стать для И. Иерига основным предметом изучения. Таким образом, было решено, что переводчику не будет создаваться ни одной помехи в деле сбора материалов для Академии, что он с успехом делал до настоящего момента. В продолжение этой идеи было принято решение обратиться с просьбой к директору Академии об одобрении и выдачи распоряжения о вознаграждении переводчика в виде занятий тибетским языком с учителем. Профессор Паллас со своей стороны попросил переводчика от имени Академии удвоить свои усилия по его изучению [97].

Рассмотренные письма И. Иерига и протоколы Конференции свидетельствуют о том, что переводчик снова нуждался в дополнительном финансировании для занятия языком, что вполне очевидно, особенно если обратить внимание на огромную разницу в размере его годового оклада и жаловании академиков, которые, как правило, получали 800 рублей и больше [98]. С другой стороны, И. Иериг был, пожалуй, немного непостоянным и не всегда корректным сотрудником, каким его представлял себе Паллас – "соответствующим его собственным критериям" [99] В любом случае, финансовые претензии И. Иерига, как правило, находили понимание среди членов Конференции Академии наук.

22 марта 1781 года был представлен вниманию заседания Конференции Академии отчет И. Иерига от 14 января 1781 год из района

Гусиного озера [100]. В нем переводчик подтвердил получение обещанных Конференцией денег, которые были утеряны им еще летом прошлого года при переезде в Саратов [101]. Другой отчет № 3 от 14 февраля 1780 года также из Гусиноозерского дацана был зачитан профессором Палласом на Конференции 18 июня 1781 года [102]. К нему прилагалась дополнительная часть с многочисленными заметками и комментариями, которые профессор использовал в работе; затем следовало письмо со счётом на 195 рублей 38 копеек, которые были потрачены И. Иеригом на лошадей из Астрахани до Кяхты [103]. Академия взяла на себя обязательство возместить эти затраты после контрольной проверки конференц-секретарем [104].

Кроме дополнительных расходов, путешествие И. Иерига принесло немало новой и полезной информации. По дороге он отмечал пройденное расстояние и населенные пункты. 18 июня 1781 года секретарь Эйлер представил на заседании описание пути от Тобольска до Кяхты, составленное И. Иеригом. Чуть позже 23 августа 1781 года Конференция приняла решение напечатать эту топографическую работу в следующем академическом месяцеслове, ввиду того, что она была более точной, чем уже опубликованная несколькими годами ранее. Конференция поручила передать описание вышеупомянутого пути академической Комиссии [105].

К сентябрю 1781 года скопилось сразу несколько не заслушанных отчетов И. Иерига за прошедшие полгода. Они содержали сведения о проделанной работе с конца января по конец июня 1781 года. 6 сентября 1781 года профессор Паллас представил их членам Конференции Академии наук.

Отчет № 2 от 30 января 1781 года был написан из Удинска [106]. И. Иериг сообщал, что согласно решению академической Комиссии, воевода Удинска выделил ему в качестве ученика молодого монгола по имени Самуэль, который выглядел очень способным; также он ожидал второго ученика из знатной семьи по происхождению. Переводчик попросил Академию установить для него ежегодные выплаты на содержание этих двух учеников. Конференц-секретарь передал эти сведения академической Комиссии, чтобы она нашла средства и рассмотрела возможность взять на себя новые расходы [107]. Следует отметить, что поиск и подготовка двух новых переводчиков для Академии наук являлись приоритетной задачей в соответствии с инструкцией от 19 августа 1779 года [108].

Отчет № 4 от 15 марта был составлен уже в районе Гусиного озера [109]. С ним И. Иериг направил начало перевода работы на монгольском языке "Sürkänih-Tolta" [110], которая содержала монгольскую литературу "Khubilgan Ssah-Gidschal Wendidah" [111] и метод ламы "Paggbeh" [112].

Отчет № 5 от 25 апреля также из района Гусиного озера сопровождался вышеупомянутым переводом, а также "анекдотами" исторического характера. И. Иериг продолжал совершенствовать свои знания старомонгольского и тибетского языков. Он очень подружился со своим учеником, попросил Академию разработать для него инструкцию и проинформировал о том, что на тот момент у него так и не было обещанного ранее второго ученика [113]. Профессор Паллас взял на себя заботу написать запрошенную И. Иеригом инструкцию [114].

С отчетом № 6 от 3 мая из дацана у Гусиного озера И. Иериг направил продолжение вышеупомянутого перевода работы "Sürkänih-Tolta", что составляло половину произведения [115].

Отчет № 7 от 3 июня, также написанный в окрестностях Гусиного озера, содержал различные рисунки религиозных служителей Монголии и некоторые образцы засушенных растений с сопроводительными разъяснениями и различными историями. Рисунки и растения были переданы в Кунсткамеру и Кабинет естественной истории, а также профессору Палласу для использования этих материалов в его работе по истории монгольских народов. Кроме прочего ему также был передан перевод произведения на монгольском языке "Sürkänih-Tolta" [116].

В отчете № 8 от 10 июня из района Гусиного озера И. Иериг сообщал, что вынужден был расстаться с ламой, который обучал его тибетскому языку, из-за невозможности предоставить ему запрашиваемых условий. Однако переводчик полагал, что достигнутого им уровня знаний будет достаточно, чтобы обойтись без этого преподавателя. В то же время он очень похвалил предыдущего ламу Бандида [117], который ему оказал и продолжал оказывать много услуг, а невозможность ответить ему тем же очень раздражала переводчика: именно поэтому он просил Академию наградить каким-либо образом этого ламу [118]. Положившись на мнение профессора Палласа, Конференция решила похотатайствовать перед советником Двора А. П. Протасовым о награждении ламы Бандида серебряной медалью [119]. Последний рапорт в очередной раз показывает высокую степень инициативности Иоганна Иерига, его стремление всячески угодить местному духовенству и как можно сильнее сблизиться с его представителями.

24 сентября 1781 года профессор Паллас зачитал в Академии наук отчёт И. Иерига под номером девять, написанный им 26 июня 1781 г. около Гусиного озера [120]. Переводчик уведомлял о том, что ему удалось заполучить второго ученика по имени Пауль Те-Иериг – 8-летнего младшего брата своего первого ученика Самуэля, которому на тот момент было уже 12 лет. Несмотря на то, что оба мальчика были сиротами, их передача на обучение немцу, а также крещение в Удинской церкви вызвало "дурное" беспокойство у их родственников. Ситуация была, по-видимому, действительно серьезной, так что к И. Иеригу даже были приставлены 2 солдата для обеспечения безопасности. Несмотря на уже немалый возраст мальчиков, переводчик надеялся обучить их грамоте и воспитать в европейских традициях пока они еще "не дикие". В связи с этим И. Иериг снова попросил у Академии определить достаточную сумму для содержания своих учеников, а также прислать соответствующий ордер, который бы позволил в будущем забрать обоих братьев в Санкт-Петербург [121]. Этот рапорт был направлен на рассмотрение академической Комиссии для тщательного изучения и вынесения решения относительно содержания принятых учеников [122].

В соответствии с требованиями второй инструкции И. Иеригу следовало также обратиться за соответствующим ордером к иркутскому губернатору Францу Николаевичу Кличке [123]. Данная задача была выполнена переводчиком, о чем свидетельствует найденный в СПФ АРАН распорядительный документ главы Иркутской губернии, дававший право И. Иеригу взять на обучение и воспитание двух учеников из числа "иноверцев" [124]. Чтобы понять механизм решения столь важного вопроса приведем содержание этого документа:

"Ордер отправленному из Императорской Академии наук Переводчику Йериху Его Превосходительства Господина Генерал Майора Иркутской Губернии, Губернатора и разных Орденов кавалера Франца Николаевича Клички по ордеру от 10-го октября по номером 1083 и по собственному моему вам обещанию, двое из сирот мальчиков, недавно крестившихся из братских иноверцев ведения Селенгинского комиссарства харануцкого рода [125] первой части умершего братского Шаболая, два сына родные неположенные в ясак. Первый, по иноверчески – Содбо, по крещении Самуэль Леонтей Шифер, отроду ему двенадцать лет. Второй – Моди, по крещении Павелен те Эрих, отроду ему восемь лет, которых прислал к вам на учение мангальского [мон-

гольского] языка и прочему, через ваше старание полезнейшему препровождаю, рекомендую по повелению Его Превосходительства содержать их за счет Академии в одежде, обуви, пропитании и прочем и безбедному пребыванию потребном довольными и наконец по изучении представить желаемо Академии пользою во оную, чтобы все сие служить могло поощрением взирающим на их благополучное состояние легкомысленным иноверцам братским. Какое же им от Академии жалование определится, о том я буду ожидать вашего рапорта. Если же против чаяния не найдете, и ни в коем ни есть или и в обоих к поучению понятия: Тогда извольте возвратить их на перемену, помня небезнужным почитаю упомянуть, чтобы они будучи при вас сохраняли по благо-разумным вашим наставлениям яко новопросвещенные греческого исповедания христианские предания в их точности. А чтоб уже они если от вас за непонятием не будут возвращены, не написаны были в роде их харатунском если ревизия последует в ясак о том от меня селенгинскому комиссарству предложено, а Его Превосходительству донесено рапортом Июня 21го дня 1781 года..." [126].

Из содержания приведенного выше ордера становится ясно, что ученики передавались И. Иеригу для выполнения конкретной задачи, поставленной перед ним Академией наук, и в случае ее невыполнения, детей следовало вернуть обратно. Таким образом, И. Иериг заручился поддержкой губернских властей, что позволило ему впоследствии избежать многих неприятностей со стороны местного населения.

Отметим, что подобная идея с учениками была вовсе не нова. Основным способом подготовки переводчиков в XVIII веке являлось ученичество – т.е. человек, владевший достаточными знаниями, брал к себе несколько учеников и лично обучал их. Так, например, истории известен случай, когда в августе 1741 года прапорщик Рассохин взял четырех учеников из числа солдатских детей для обучения их китайскому и маньчжурскому языку [127]. В работе М. И. Сухомлинова встречаются упоминания, когда именно носители языка сначала обучались русской грамоте, а потом принимались на службу в качестве учителей своего родного языка. Известны и весьма необычные случаи "вербовки" подобных специалистов. Так, в 1729 году у берегов Камчатки потерпело крушение японское судно, экипаж которой был сразу же взят в плен. Двое японцев – Соза и Гонза в 1731 году были отправлены в Санкт-Петербург, где их окрестили, обучили русскому языку и началам христианской религии. В 1735 году они были назначены учителями японс-

кого языка [128]. В середине XVIII века даже начала действовать японская школа в Иркутске (ранее находилась в Санкт-Петербурге), набор учителей в которую в основном велся по той же схеме: пленение экипажа японских кораблей, потерпевших крушение у берегов Российской Империи. В этих условиях качество преподавания, безусловно, оставалось низким. Как отмечал С. К. Булич: "Невольные учителя их, большей частью полуграмотные и невежественные японцы, знали свой язык лишь практически, не имея, конечно, никакого понятия о грамматике. Некоторые из них, как можно думать, не знали даже собственного письма" [129].

Таким образом, на двух новых учеников И. Иерига Академия наук возлагала большие надежды, так как он мог подготовить их намного более качественно и с раннего возраста, чтобы "со временем, получив образование, изучив русский язык, они могли бы стать переводчиками" [130]. В связи этим, а также по просьбе И. Иерига, в октябре 1781 года оба брата были приняты на академическую службу с выплатой 30 рублей жалования в год на каждого из них. Об этом свидетельствует выписка из журнала Комиссии Академии наук от 18 октября 1781 года [131].

Отношения Академии наук с Иоганном Иеригом в 1782 году были весьма интенсивными. Как и в предыдущие годы, их взаимодействие осуществлялось преимущественно через профессора Палласа [132]. В начале 1782 года академическая Конференция продолжила получать и рассматривать отчеты И. Иерига за прошедший 1781 год.

10 января 1782 года конференц-секретарь вскрыл посылку, направленную И. Иеригом, и зачитал его отчет под № 10 от 25 августа 1781 года из дацана у Гусиного озера. Переводчик прислал сокращенную версию перевода произведения на монгольском языке под названием "Manih-Gambo" [133] и напечатанную в Пекине на большом листе. Этот ценный материал был передан профессору Палласу. К тому же в посылке находились различные семена, которые были направлены советнику Двора Лепехину, и для Кабинета естественной истории – несколько образцов трав и засушенных корней, содержащих продукты, лекарства и религиозные изображения, которые были переданы академической Комиссии [134].

В протоколах Конференции мы нашли также необычную запись о том, как профессор Паллас зачитал письмо некоего майора Власова от 27 сентября 1781 года из города Кяхта, в котором тот с особой похвалой

отзывался об усидчивости и прекрасных манерах переводчика И. Иерига [135]. Учитывая, что ранее подобные "хвалебные" письма на заседании Конференции не рассматривались и соответственно не поступали в адрес Академии, можно предположить, что в Иркутской губернии И. Иеригу удалось наладить гораздо более дружественные и плодотворные контакты с местными властями, чем в Астрахани.

18 февраля 1782 года конференц-секретарь зачитал два отчета переводчика И. Иерига: № 11 от 30 сентября 1781 года и № 12 и 30 октября 1781 года из окрестностей Гусиного озера. К этим отчетам были приложены различные описания и исторические "анекдоты" с образцами минералов, найденных в Тибете. В первом отчете И. Иериг предупредил Академию, что собранная для нее коллекция стоила ему значительных расходов. Он очень рассчитывал на то, что ему возместят издержки по получению от него счета в конце года. Во втором отчете переводчик рассказал об одаренности своих двух учеников, описывая при этом их внешность и поведение. И. Иериг очень хвалил их за усидчивость и рекомендовал их кандидатуры Академии. Эти два отчета с дополнительными вложениями были переданы профессору Палласу, а минералы – в Кабинет естественной истории [136].

11 апреля 1782 года конференц-секретарь зачитал отчет И. Иерига под № 3 от 27 января 1782 года, написанный также у Гусиного озера. Переводчик заверил Конференцию в получении приказов, направленных ему академической Комиссией о выплатах для двух его учеников. Он также направил начало перевода произведения на монгольском языке, который содержал сведения о земле "Sainte Ottai" [137] в Китае. Этот перевод, как и ранее, было решено передать Петру Симону Палласу [138].

Как тому предписывала инструкция, И. Иериг аккуратно вел журнал всех предметов и книг, приобретенных для Академии наук. 18 апреля 1782 года П. С. Паллас зачитал объемный отчет от 13 января 1782 года из дацана на Гусином озере, в котором переводчик И. Иериг пересчитал все образцы, направленные им за ушедший год в Академию, и запросил 50 рублей в качестве возмещения дополнительных издержек на эти отправки [139]. Заседание Конференции согласилось на удовлетворение этой просьбы и попросило академическую Комиссию оплатить И. Иеригу обозначенную сумму. В этом же отчете переводчик удостоверял получение медали, направленной для ламы Бандида и обещанной Конференцией еще в сентябре 1781 года [140], и добавил,

что этот старик попросил выразить от его имени благодарность в адрес Академии. Наконец, он рассказал в деталях об этом ламе, его обходительности и доброжелательности [141].

Ввиду нестабильного почтового сообщения некоторые отчеты переводчика приходили в Петербург с опозданием. Иногда получалось так, что более ранние письма читались на заседаниях Конференции позже новых. К примеру, так произошло 22 апреля 1782 года, когда конференц-секретарь представил большое количество отчетов И. Иерига, часть из которых была составлена переводчиком еще в 1781 году. Первым на заседании был зачитан рапорт И. Иерига № 13, написанный им 15 ноября 1781 года. К нему были приложены рисунки и исторические сведения, которые позднее были переданы профессору Палласу для использования этих материалов в его работе об истории монгольского народа и затем направлены в Кунсткамеру [142]. В представленном отчете И. Иериг также давал описание 7-ми планет и 12-ти знаков Зодиака, которое он скопировал из известного сочинения древних индийских астрономов под названием "Bedush-jah-Gar-boh" [143]. Переводчик детально остановился на собранных им среди монгольских народов сведениях о древности и доказывал, что они не были заимствованы ни от какого другого народа, кроме как от индийцев [144].

Помимо приведенного выше рапорта, на заседании Конференции 22 апреля 1782 года было заслушано еще пять отчетов переводчика, которые мы рассмотрим подробнее.

В отчете № 16 от 15 декабря 1781 года И. Иериг постарался найти истоки философии и религии древних индийцев; он также удостоверил, что к своему отчету № 15 (так и не был получен Академией, как и отчет № 14) приложил, начало перевода произведения на монгольском языке Мани-кабум, содержащее предварительные выводы и разъяснения И. Иерига [145].

С отчетом № 17 от 23 декабря 1781 года И. Иериг представил вниманию заседания Конференции пример, который указывал на разницу между монгольским языком и диалектом олёттов [146], а также направил окончание перевода, обещанного ранее произведения "Sürkäniĥ-Tolta" [147].

В отчете № 18 от 28 декабря 1781 года И. Иериг направил астрономическое произведение о 28 звездах, скопированное из сочинения, упомянутого в отчете № 13, а также детальное описание 9-ти натуральных продуктов с инструкциями по их использованию [148].

Далее на Конференции были зачитаны отчеты на начало 1782 года.

В рапорте № 2 от 15 января 1782 года И. Иериг описывал несколько минералов и лекарств, приложенных к письму [149].

С отчетом № 4 от 04 февраля 1782 года И. Иериг направил описание астрономических объектов, которые влияли на фазы луны в их сочетании с 12 знаками Зодиака, а также рисунок "Sronglan-Gambo" [150] – тибетского правителя [151].

Анализ содержания рассмотренных выше рапортов показывает, что сфера исследовательской деятельности Иоганна Иерига значительно расширилась, и теперь он не просто направлял различные материалы и образцы, но и давал им собственное толкование, комментировал и доказывал отдельные культурологические и теологические аспекты.

27 мая 1782 года конференц-секретарь зачитал 5-й отчет переводчика от 20 февраля 1782 года из дацана на Гусином озере. И. Иериг направил с ним 26 образцов различных лекарств из Индии и Тибета, а также копию рисунка под названием "Bourghan Badmagh-samborah" [152]. Советник Двора Лепехин забрал семена лекарственных препаратов, чтобы попытаться посадить их в ботаническом саду. Рисунок и часть лекарств были переданы в Кунсткамеру [153].

Достаточно часто финансовые претензии И. Иерига находили понимание у академиков, однако иногда его затраты вызывали подозрения. Так, 13 июня 1782 года академическая Комиссия передала Конференции приказ директора Академии, в котором он требовал детального изложения всех отчетов, документов и других отправок от переводчика И. Иерига, касавшихся издержек на сумму 50 рублей, которые по поручению Академии было решено ему возместить ранее [154]. Заседание постановило направить в академическую Комиссию отрывок отчета И. Иерига № 1 от 13 января 1782 года со списком всего, что он отправил в ушедшем году и ответить, что самые значимые предметы были зарегистрированы в протоколах заседаний Конференции. Материалы проверки были переданы С. Г. Домашневу, который, в свою очередь, попросил профессора Палласа предоставить больше сведений об этих отправлениях, так как значительная часть из них регулярно передавалась именно ему [155].

Вопросы финансирования экспедиции Иоганна Иерига занимают значительную часть всех архивных материалов о нем, особенно это касается личного дела переводчика, находящегося в СПФ АРАН. Только за период 1781-1782 гг. там хранится около двух десятков различ-

ных справок, запросов и рапортов по вопросу выдачи тех или иных денежных средств. В этот период И. Иериг получал жалование преимущественно в Удинской канцелярии. Размер его заработной платы не изменился, несмотря на многочисленные просьбы переводчика, и составлял, как и ранее 250 рублей в год [156].

17 июня 1782 года на заседании Конференции Академии наук был зачитан 6-й отчёт И. Иерига от 13 мая 1782 года из района Гусиного озера, сопровождавшийся 4-мя приложениями под буквами "F", "G", "H", "J". Переводчик просил Академию об удовлетворении следующих просьб: "1) направить на имя ламы Бандида формальное разрешение на ношение врученной ему ранее медали; 2) включить этого ламу в список официальных членов-корреспондентов Академии наук; 3) присудить Бандиде ежегодное вознаграждение в 15 рублей" [157].

Члены Конференции посчитали, что первый и третий запрос необходимо согласовать с директором Академии напрямую. Относительно включения в ламы в список корреспондентов, у академиков создалось впечатление, что подобный жест не подойдет ламе и не доставит ему никакого удовольствия [158]. Содержание указанного выше рапорта наглядно демонстрирует высокий уровень формализма как в академической структуре, так и среди простого населения. Получив обещанную медаль, лама Бандида боялся ее носить без соответствующего разрешительного документа.

8 июля 1782 года на рассмотрение Конференции был представлен отчёт И. Иерига от 09 апреля 1782 года из дацана у Гусиного озера. К нему переводчик приложил копию изображения бурхана индийского ламы "Dschodba" [159] с его описанием, которое, по решению академиков, было передано П. С. Палласу. В отчёте И. Иериг просил также вычеркнуть имена своих двух учеников Самуэля Шиффера и Пауля Иерига из списков "братства ясачников" [160], предоставляя вниманию академической Комиссии все оказанные ими услуги [161]. Оказалось, что его ученики формально были прикреплены к Удинскому воеводству, что препятствовало их свободному перемещению и дальнейшему устройству в Академию наук. Конференция передала этот вопрос на рассмотрение академической Комиссии и предоставила ей копию вышеупомянутого отчёта [162].

2 сентября 1782 года конференц-секретарь зачитал отчёт И. Иерига № 11 от 14 июня того же года из дацана у Гусиного озера и представил от его имени перевод двух первых страниц хронологии монгольских

духовных правителей [163], которые были переданы профессору Палласу [164].

Последнее в 1782 году заседание Конференции по вопросу деятельности И. Иерига состоялось 2 декабря. На нем П. С. Паллас зачитал 12-й отчёт переводчика от 20 августа 1782 года, написанный им в месте под названием "Kulluhn Nuhr" [165]. Переводчик Академии направил вместе с каталогом из 4 рисунков, различные семена, кору деревьев и образцы древесины. Профессор Паллас забрал себе отчёт и рисунки; семена были переданы советнику Двора Лепехину, а остальные образцы были направлены в архив [166].

В 1783 году отношения Академии наук с Иоганном Иеригом складывались в привычной форме. Переводчик находился в районе Гусиного озера и регулярно присылал отчеты с разнообразными материалами.

10 февраля 1783 года конференц-секретарь зачитал два отчёта И. Иерига № 14 от 15 ноября 1782 года и № 15 от 19 ноября 1782 года, написанные у Гусиного озера. Переводчик проинформировал о том, что оплатил 18 рублей 5 копеек за различные книги на монгольском и тибетском языках, приобретенные им для Библиотеки Академии, и ожидал возмещения этих расходов [167]. И. Иериг направил также рисунок индийского "идола" с объяснением его предназначения и перевод молитвы, возносимой к нему ежегодно; здесь же содержались 11 различных "анекдотов" и перевод хронологии событий двух монгольских духовных правителей, рисунки которых он прикладывал ранее в отчёте № 9 [168]. Эти материалы были переданы П. С. Палласу для их использования в его работе по истории монгольского народа [169].

В самом начале 1783 года произошла смена руководства Академии наук. Директор С. Г. Домашнев, прославившийся своими скандалами в академическом сообществе, вынужден был уйти в отставку. Его место заняла инициативная и энергичная княгиня Екатерина Романовна Дашкова – первая женщина в мире, руководившая Академией наук [170]. Данные перемены отразились также и на исследовательской деятельности Иоганна Иерига.

20 марта 1783 года конференц-секретарь представил вниманию академиков первый отчёт И. Иерига за 1783 год от 7 января, составленный в дацане у Гусиного озера. С ним переводчик направил рисунок "Bourban Gongar" [171], который лама "Bandida Dsinba" [172] пере-

дал для Академии в качестве доказательства своего исключительно почтения [173]. Е. Р. Дашкова распорядилась, чтобы этот рисунок был сохранен в Кунсткамере вместе с копией его описания, который был прикреплен к отчёту И. Иерига. Профессор Паллас был назначен ответственным за надлежащее выполнение поручения директора [174].

27 марта 1783 года конференц-секретарь зачитал отчёт переводчика под № 2 от 22 января того же года из района Гусиного озера. С ним И. Иериг отправил начало перевода королевского письменного словаря монгольского языка (нем. *Königlicher aufgeschriebener Wörterspiegel*) [175]. Это произведение, по свидетельству И. Иерига, было создано учеными под руководством и контролем китайского императора "Änkä Amogoolongtu-Chan" [176]. Далее переводчик описывал несколько деталей словаря в своем отчёте [177]. Полный текст данного произведения сохранился в двух экземплярах в Архиве востоковедов ИВР РАН. Если перевести с немецкого полное название словаря, становится ясно место его составления и коллектив авторов: ""Om gain Amogolong boltugä i" [178]. Монгольский логический словарь. Составлен и представлен для печати при высоком руководстве китайского монарха "Änkä Amogoolongtu-Chan" во время его 56-го года правления [179], созданным для этой цели обществом из 4 тибетцев, 3 монголов и 7 китайцев. Слово в слово переведено на немецкий язык Иоганном Иеригом, переводчиком различных монгольских языков Российской Императорской Академии наук. [Составлено] в Монголии в 1783 году" [180]. Таким образом, Иоганну Иеригу досталось очень ценное произведение [181], переводом и толкованием которого он занимался на протяжении длительного времени.

12 мая 1783 года на Конференции Академии наук был представлен отчёт И. Иерига № 3 от 20 февраля 1783 года из Гусиноозерского дацана. С ним переводчик направил таблицу с собранными материалами и продолжение "Монгольского словаря". Указанная таблица состояла из двух колонок, первая из которых содержала текст на монгольском языке с транскрипцией латинскими буквами, а другая – пословный перевод на немецкий язык. Этот перевод был передан профессору П. С. Палласу [182].

Перевод "Монгольского словаря" И. Иериг отправлял постепенно и небольшими частями. 12 июня 1783 года Конференция получила отчёт переводчика от 15 (13) марта 1783 года, сопровождающийся еще одной частью этого произведения со списком слов на букву "D" [183].

21 августа 1783 года конференц-секретарь передал 6 отчётов И. Иерига с № 5 по № 10 включительно от 15 и 22 апреля, а также 6, 16, 22 и 31 мая 1783 года [184], полученные во время каникул Академии по случаю сбора урожая. Эти отчёты содержали лишь продолжение "Монгольского словаря" на буквы E, F, G, H, I, K: с 23 по 58 страницу. Данные материалы были переданы в Библиотеку Академии. Профессор Паллас приложил к ним начало словаря, присланное ранее, не посчитав эти рукописи полезными для использования их в своей работе по истории монгольского народа, над которой он трудился [185].

18 сентября 1783 года на заседании Конференции были зачитаны три отчёта переводчика № 11, № 12, № 13 от 11 и 17 июня и 6 июля 1783 года, написанные в дацане у Гусиного озера. И. Иериг направил для Библиотеки продолжение своего "Монгольского словаря" (страницы с 69 по 71 включительно), а для профессора Палласа – сборник различных новелл и исторических сюжетов. Кроме того, переводчик попросил Академию выделить ему ежегодную небольшую сумму денег для выплат, которые могли бы покрывать его дополнительные расходы на услуги лам, необходимые для выполнения его прямых обязанностей [186]. Заседание приняло во внимание небольшой размер гонорара, который И. Иериг получал на тот момент, и походатайствовало о выполнении этой просьбы перед княгиней Дашковой [187].

29 сентября 1783 года конференц-секретарь зачитал отчёт И. Иерига № 14 от 12 июля 1783 года, с которым он, как и ранее, направлял для академической Библиотеки продолжение "Монгольского словаря" (страницы 77-80), а также два небольших сочинения, которые были переданы П. С. Палласу [188].

5 февраля 1784 год на Конференции были заслушаны отчёты И. Иерига за прошедший 1783 год под № 15, № 16, № 17, в которых содержались материалы второй части "Монгольского словаря" (страницы 81-104 включительно). Словарь был сохранен в академической Библиотеке [189].

26 февраля 1784 года в Академии наук был зачитан последний отчет И. Иерига за 1783 год под № 18 от 13 декабря, написанный, как и предыдущие, в дацане у Гусиного озера [190]. С ним переводчик направил на 8-ми печатных страницах отрывок перевода на немецкий язык трёх различных оригинальных индийских произведений о жизни и доктринах бурхана (Будды) Шакьямуни (нем. "Bourghan Schigimunich") [191].

Таким образом, за 1783 год Иоганн Иериг прислал 18 отчетов, в основном, конечно сводившихся к отправкам разных частей "Монгольского словаря" и некоторым административным формальностям. В 1784 году И. Иериг продолжил активную исследовательскую деятельность. Его отношения с Академией наук оставались на прежнем уровне и осуществлялись, как и ранее, через профессора Палласа.

23 августа 1784 года на Конференции Академии наук был зачитан рапорт переводчика под № 2 от 15 апреля 1784 года [192]. И. Иериг сообщал "из степи" тревожную новость: в районе Гусиного озера началась эпидемия ветряной оспы, что стало причиной отсутствия всякой коммуникации. Во избежание полной изоляции, он был вынужден срочно покинуть свое прежнее место жительства [193].

Подобные эпидемии в Сибири, к сожалению, не были редкостью, что вызывало беспокойство не только у местных властей, но и в Санкт-Петербурге. 3 сентября 1784 года Екатерина II своим именным указом "Об учреждении застав в Иркутской губернии, для предосторожности от болезней" уполномочила генерал-поручика Якоби усилить контроль в этом направлении и соблюдать при этом "нужную осторожность" [194]. Позднее Иоганн Иериг даже принимал участие в вакцинации местного населения от ветряной оспы, выступая в качестве переводчика [195].

Вероятно, из-за предпринятых властями мер по локализации болезни, первый по счету рапорт переводчика за 1784 год был утерян. Почти до конца года И. Иеригу пришлось покинуть район Гусиного озера. Лишь 2 сентября 1784 года в Санкт-Петербурге получили известия от переводчика. Оказалось, что в скитаниях ему удалось найти новый путь из Селенгинского острога в Иркутск, который оказался гораздо более удобным и коротким, чем прежний. Конференция поручила П. С. Палласу запросить у него план и подробное описание этой новой дороги [196].

Несмотря на то, что И. Иериг регулярно отчитывался перед Академией наук и нередко направлял в Санкт-Петербург различные посылки, при "малейшем перерыве в получении от него сведений канцелярия Академии начинала волноваться ... нужны были оправдательные документы для отправки денег" [197]. В конце 1784 года Академия упрекала переводчика за несвоевременно полученные отчеты. В ответ на это И. Иериг сетовал на нелегкие условия жизни вдалеке от столицы.

В 1785 году И. Иериг продолжил в полной мере выполнять поставленные перед ним Академией наук задачи. С большим интересом все-

гда воспринимались письма И. Иерига, которые Конференции представлял П. С. Паллас. Они содержали много новой информации о деятельности ученого и о Сибири.

31 марта 1785 года на Конференции были зачитаны письма И. Иерига от 22 и 29 января 1785 года соответственно [198]. Переводчик уже вернулся в дацан у Гусиного озера, откуда проинформировал о том, что руководство Иркутского наместничества поручило ему составить историю нескольких сибирских народностей, начиная с самых древних времен до настоящего периода. В свою очередь И. Иериг пообещал направить Академии копию всего, что он предоставит губернатору по этому вопросу. Переводчик также прислал топографическую карту с регионами, расположенными между границами Китая и озера Байкал. На ней была обозначена новая дорога, позволявшая путешествовать более удобным путём от Кяхты до Байкала, которую И. Иериг открыл самостоятельно. Эта дорога оказалась намного короче, чем обычный путь, так как она пролегла напрямую относительно устья реки Ангары. На карте были также отмечены другие дороги, которые он пытался пересечь верхом на лошади. П. С. Паллас передал ее в географический департамент, после использования необходимых ему материалов в своей работе [199]. Как отмечает Ф. Вендланд: "Каждый раз становится понятно, что эти материалы Паллас хотел использовать в своих научных целях, в том числе в труде об истории монгольских народов" [200].

Указанная карта была выполнена И. Иеригом в рамках поручения иркутского губернатора по сбору сведений о народах, проживавших на территории губернии, что явилось следствием топографических и этнографических изысканий Кабинета Екатерины II. Как отмечал И.И. Майнов, в конце XVIII века, "не довольствуясь богатыми результатами академических экспедиций, правительство пыталось собрать полные и всесторонние сведения о сибирских инородцах силами местной администрации" [201]. Еще в 1784 году Императрица распорядилась "о сборе подробных сведений, касающихся народов Сибири" [202]. В реализации ее замысла важнейшую роль сыграл Петр Александрович Соймонов – член Кабинета и выдающийся государственный деятель XVIII века. В 1784 году им были разосланы соответствующие распоряжения на места. Следует отметить, что основным объектом исследования стала достаточно узконаправленная тема – этногенез народов, то есть их происхождение и наиболее древняя история. Как

отмечает М. Косвен: "Примечательно также, что письмо П. А. Соймонова стоит с научно-этнографической точки зрения достаточно высоко; в нем запрашиваются сведения о "каждом народе порознь", предлагается собирать и подробно записывать сведения без неуместного в таком деле субъективного подхода, "сколь бы они с истиною были не сообразны, без всякого разбора", наконец, предписывается это дело поручить не случайным информаторам, а "верному и сведущему человеку"" [203].

В ноябре 1784 года второй иркутский губернатор И. В. Бриль сообщал, что "ему по высочайшему повелению поручено, избрав честного и сведущего человека, собрать сведения "о начале и происхождении живущих в ... губернии разных племен иноверцев, также о достопамятных меж ими происшествиях, равномерно о законе и обрядах, поелику оные к объяснению их истории относиться могут, наведываясь о том ... от их духовных, от старожил и от всех, от кого таковые известия получить будет возможно ... а при том преподавании [предания], между ими сохраняющиеся, сколько бы они с истиною были не сообразны, описать без всякого разбора – о каждом народе порознь" [204]. И. В. Бриль в свою очередь перепоручил задачу, поставленную Кабинетом Екатерины II, "служившему в Иркутске переводчиком с монгольских языков Иоганну Иеригу" [205]. Более того, Адам Иванович Бриль учредил особую комиссию по сбору и систематизации поступавших сведений в составе "иркутских чиновников: переводчика Иогана Эриха, председателя Верхней расправы Ланганса [206] и заведовавшего архивными работами – Лобусевича" [207]. Франц Ланганс возглавил данную комиссию. И. Иеригу в свою очередь предписывалось "чтоб он, сию комиссию приняв на себя; постарался исправить оную со всевозможной точностью ... и описание по частям, как таковое сочиняемо быть может, доставлял бы в наместническое правление, будучи уверен, что труд его удостоится Ее Величества внимания и что наместническое правление, конечно, за удовольствие себе поставит отдать попечению его надлежащую справедливость" [208]. Сам процесс реализации императорского указа был довольно долгим и сложным. Сведения поступали неравномерно и разного характера. К 1786 году большая часть работы была сделана, однако ввиду того, что информация из Охотска поступила лишь в 1787 году, процесс составления рукописи затянулся еще на год.

Результатом работы обозначенной комиссии стал составленный Ф. Лангансом в 1789 году труд под названием "Собрание известий о

начале и происхождении разных племен иноверцев, в Иркутской губернии обитающих, и преданиях, между ними сохранившихся о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их" [209], а также выполненное в 1792 году "Топографическое описание Иркутского наместничества, собранное из разных достоверных сведений, присылаемых в Наместническое правление..." [210]. Обе работы были уникальными для своего времени и явились результатом коллективного труда ученых, в числе которых особенно был отмечен Иоганн Иериг. В четвертой главе монографии мы подробнее остановимся на обозначенных выше трудах, составленных в рамках поручения Екатерины II.

В начале 1785 года И. Иериг встретился с бывшим академиком, известным химиком и ботаником шведского происхождения Эриком Лаксманом, который в начале 1780-х годов покинул Санкт-Петербург и в тот момент жил в Иркутске. Тем не менее он не потерял связь с Академией наук и периодически присылал интересные материалы из Сибири.

12 мая 1785 года конференц-секретарь зачитал письмо Э. Лаксмана от 15-го марта из Тальцинска [211]. Он сообщал, что И. Иериг приехал к нему с недовольным старым ламой, к которому очень был привязан до настоящего момента, он также по непонятным причинам разорвал с ним всякие отношения [212]. Несмотря на все трудности, переводчик продолжал выполнять исследования не только для Академии наук, но и по поручению местного начальства.

23 мая 1785 года в Петербурге получили письмо И. Иериго от 28 февраля 1785 года, в котором он направлял обещанную ранее копию начала произведения "История народов Северной Азии" (нем. *Nachrichten zur Volker-Geschichte des Nordieshen Asiens*, pp. I-II), составленного им по заданию иркутского губернатора [213]. После этого, до самой осени, от И. Иериго не было никаких новостей.

24 октября 1785 года казначейство потребовало предоставить расчёт возмещения расходов переводчика с 1 сентября 1783 года [214]. Запрос вызвал беспокойство у Академии, и она истребовала у И. Иериго соответствующие отчеты. В ответ казначейству Конференция Академии обозначила размер жалования своего сотрудника (250 рублей плюс 30 рублей на каждого ученика), а также, что последнее письмо с расчётом его затрат было получено от него 23 мая 1783 года [215]. В личном деле И. Иериго в СПФ АРАН был обнаружен также детальный расчёт его жалования с 1780 по 1785 год, составленный в рамках данного поручения [216]. Что же касается выплат по периодическим рас-

ходам переводчика, то Конференция подчеркивала, что этот вопрос должен оставаться, вне всяких сомнений "обязательным к исполнению", как и то, что Академия содержала И. Иерига на полном попечении [217].

В конце 1785 года от переводчика было получено несколько географических и естественнонаучных наблюдений, сделанных в районе реки Селенги [218]. Так, например, 5 декабря 1785 года конференц-секретарь зачитал три отчета И. Иерига, адресованные П. С. Палласу, составленные им, как и прежде, у Гусиного озера, рядом с Селенгинским острогом [219]. В первом письме от 15 августа 1785 года переводчик поделился своими наблюдениями о путешествии, которое он проделал к самой высокой горе между реками Селенгой и Джидой под названием "Khankhatkhour" [220]. Там И. Иериг собрал несколько растений, которым он давал описание в отчете [221]. Ко второму письму от 1 сентября 1785 года была прикреплена посылка с 40 образцами семян, собранными в вышеупомянутом путешествии. И. Иериг рассказал об опасном эффекте от корня растения "Стеллера карликовая" (лат. *Stellera chamaejasme*), который испытал на себе один из его учеников, наступив на маленькую ветку. Наконец, в третьем письме от той же даты содержалось продолжение работы по истории монгольских народов, которую он выполнял по запросу иркутского генерал-губернатора [222].

Таким образом, к 1785 году исследовательская активность Иоганна Иерига была на высоком уровне. Помимо выполнения академических задач, он принимал участие в региональных топографических и этнографических научных проектах по описанию районов Южной Сибири.

3.2. ВЫЗОВ И. ИЕРИГА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ПРИЧИНЫ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Несмотря на довольно успешную исследовательскую деятельность Иоганна Иерига, в конце 1785 года директор Академии наук, княгиня Дашкова неожиданно распорядилась о его возврате с двумя учениками в Санкт-Петербург. Вероятно, причинами столь кардинального ре-

шения стали частые жалобы переводчика на пошатнувшееся здоровье, тяжелые условия жизни и не всегда успешные взаимоотношения с местным населением. По всей видимости, такая новость стала для И. Иерига большой неожиданностью, так как в ответ он попросил немного отсрочить отъезд и дать ему возможность предпринять еще одно небольшое путешествие к алтайским горам. Княгиня Дашкова сочла данную просьбу уместной и разрешила ему совершить эту поездку. Позицию директора Академии наук по этому вопросу конференц-секретарь И. А. Эйлер изложил в письме И. Иеригу от 09 февраля 1786 года [223]. Е. Р. Дашкова надеялась, что переводчику удастся собрать новые корни, минералы и другие материалы, которые бы он смог взять с собой в Петербург. Она также распорядилась выдать И. Иеригу две трети его жалования за 1786 год плюс 50 рублей на дорогу, что вместе составляло 264 рубля 66 копеек [224]. Соответствующее письмо и ордер на выдачу денег были отправлены в Иркутское наместничество 18 февраля 1786 года [225].

13 марта 1786 года на Конференции Академии наук были зачитаны два отчета И. Иерига, адресованные П. С. Палласу, под № 13 от 4 ноября 1785 года и № 15 от 20 декабря 1785 года из Гусиноозерского дацана [226]. Переводчик прислал продолжение своего труда о древней истории монгольского народа, составленного по поручению иркутского губернатора. И. Иериг также благодарил за отзыв в Санкт-Петербург, как того пожелала директор Академии, и обещал отправиться в дорогу "при первом зимнем пути" [227]. И. А. Эйлер рапортовал о том, что княгиня Дашкова предоставила И. Иеригу всё, о чем он просил в вышеупомянутом письме, а также о том, что она уже отдала необходимые распоряжения: переводчик мог получить обещанные на дорогу средства до 1 сентября 1786 года; кроме того, ему дозволено было отложить возвращение до будущей осени, и, ожидая этого времени, он мог осуществить свой план по изучению горной местности Байкала и составлению для Академии коллекции растений, семян и корней этих окрестностей, а также всего, что покажется ему любопытным; помимо этого, И. Иерига решено было рекомендовать иркутскому генерал-губернатору, который должен был взять его под свое покровительство и поспособствовать подготовке к сборам в дорогу [228].

Дождаясь решения всех формальностей, И. Иериг продолжал по частям высылать в Академию свой труд об истории монгольских народов Сибири, который он составлял по заданию руководства Иркутско-

го наместничества. 16 марта 1786 года профессор Паллас представил Конференции от имени переводчика страницы "Q", "R", "S" этого произведения [229], а 6 июля 1786 года – страницы "U" и "V" [230].

5 октября 1786 года секретарь Конференции зачитал два письма И. Иерига, датированные 26 апреля и 15 июня 1786 года "из пустыни на юго-востоке от озера Байкал" [231]. В них переводчик сообщал о предстоящем возвращении в столицу, запланированном после окончания его путешествия в горы Байкала, в ходе которого он предполагал собрать обширную коллекцию "даров природы" [232].

В целом за 1786 год И. Иериг прислал не так много сведений и отчетов. Во многом тому способствовал предстоящий отъезд и сборы в дорогу. Кроме того, его научный куратор П. С. Паллас также не проявлял академической активности. Как отметил Ф. Вендланд: "Возможно, это было связано с третьей женой профессора, или подготовкой новой северо-восточной экспедиции Иосифа Биллингса [233], а может быть Паллас просто хотел больше времени уделить своим собственным исследованиям" [234].

22 января 1787 года Конференция заслушала отчет И. Иерига, датированный 1 ноября 1786 года и написанный в "храме" под названием "Chamba Agaldaiot" у Гусиного озера [235]. Переводчик сообщал о травме, полученной им после падения с лошади, и сетовал о своем "подорванном" здоровье после трехлетнего пребывания в горной местности. Он также не получил никаких средств на путешествие, которые княгиня Дашкова поручила прислать около года назад. Все это не позволяло ему вернуться в Санкт-Петербург, в результате чего он был вынужден отправиться в Иркутск и оставаться там до получения дальнейших распоряжений по поводу путешествия. И. Иериг особенно отметил, что ему требовалось не меньше 400 рублей на дорогу, так как он брал с собой 2 сундука по несколько пудов каждый с монгольскими рукописями и "нужными книгами", без которых его возвращение было невозможно [236]. Заседание поручило конференц-секретарю сообщить о содержании отчета директору Академии [237].

В Иркутске И. Иериг также не обнаружил обещанных денег на обратную дорогу, поэтому решил вернуться обратно в дацан у Гусиного озера. В личном деле переводчика в СПФ АРАН был обнаружен платежный ордер Академии наук, который был составлен только 25 января 1787 года [238], то есть гораздо позже обещанного срока. И. Иериг же получил этот документ уже спустя два месяца 25 марта 1787 года,

после чего сообщил в Академию: "Немедленно к путешествию приготовиться буду" [239]. Таким образом, к моменту прихода необходимых бумаг "зимний путь" уже почти был завершён и И. Иериг не успевал отправиться в дорогу согласно намеченному плану. Еще одной проблемой стал тот факт, что отправленный Академией ордер давал право на получение только 206 рублей, чего не хватало для снаряжения столь весомой повозки, с которой И. Иериг планировал отправиться.

В личном деле переводчика в СПФ АРАН хранится больше двух десятков всевозможных писем, рапортов и ордеров за период 1786-1788 гг. относительно выдачи средств на его отправку с учениками в Санкт-Петербург. Среди них имеется интересный расчет произведенных с И. Иерига "удержаний" за 1786-1787 год, в соответствии с которым из его жалования было вычтено лишних 202 рубля, то есть примерно та сумма, которой не доставало для дороги в столицу [240]. Все это показывает высокую степень бюрократизации процесса финансирования экспедиций и отдельных внешних сотрудников Академии наук, в особенности в условиях большой удаленности от Санкт-Петербурга.

Тем временем уже наступил 1788 год, а И. Иериг продолжал оставаться в Сибири. В сложившейся непростой ситуации ему помог Э. Лаксман, который "взялся за улаживание назревавшего конфликта" [241].

28 апреля 1788 года секретарь Конференции зачитал письмо Э. Лаксмана от 23 февраля того же года из Иркутска [242]. В нем шла речь о том, что переводчик И. Иериг прибыл в Иркутск, как ему было поручено, чтобы отсюда выехать в Петербург, однако, получив жалование только за период до 1 мая 1787 и ассигнацию в 60 рублей на обратный путь, он не имел возможности с такой незначительной суммой денег пуститься в дорогу с двумя своими учениками и сундуками, в которых одни только ископаемые весили около 20 пудов, и к которым Э. Лаксман хотел добавить обширную коллекцию того, что уже удалось собрать для Академии. Э. Лаксман резюмировал: "Для поездки требуется 4 лошади, что на расстоянии от Иркутска до Санкт-Петербурга обойдется по меньшей мере в 350 рублей, которые он отправил в Семеновск для того, чтобы И. Иериг оставался там и не терял времени, ожидая новых распоряжений и суммы денег, достаточной для поездки в Санкт-Петербург" [243]. На этом же заседании секретарь Конференции сообщил, что переводчик И. Иериг лично описал ситуацию в письме И. А. Эйлеру от 24 февраля 1788 года, а также в отчете для Академии, содержащемся в переписке с Э. Лаксманом. В отчете со-

держалось более детальное описание жалоб, извинений и замечаний (в корректной форме), упомянутых ранее, и вызванных большой отдаленностью, а также задержкой необходимых финансовых перечислений [244]. Секретарю было поручено сообщить директору Дашковой обо всех обстоятельствах и "уговорить Ее Превосходительство принять меры по устранению всех препятствий, отдавая более четкие распоряжения, которые предотвратят проволочки и жалобы" [245].

В СПФ АРАН было найдено также письмо Иоганна Иерига от 5 мая 1788 года, адресованное лично княгине Дашковой. Переводчик сообщал, что он долго терпел и не хотел беспокоить "Ее Превосходительство" по такому поводу, но последние силы и дни своей жизни намерен "употребить в пользу", в связи с чем, до тех пор пока не уладится вопрос с финансированием его поездки в столицу, он снова отправляется к монголам чтобы "увидеть празднества их" [246].

Столь "ультимативное" обращение к директору Академии наук, несомненно, вызвало гнев княгини, о чем свидетельствует очередной архивный ордер от 8 мая 1788 года. В нем Е. Р. Дашкова указала, что неоднократно предписывала И. Иеригу вернуться в Санкт-Петербург, чего тот посмел ослушаться под разными предлогами. Она особенно упрекнула переводчика в том, что он постоянно просил дополнительных средств, в то время как его жалования вполне должно было хватать на покрытие всех расходов. Однако, чтобы "отнять все возможные отговорки к возвращению", она перепоручила правителю Иркутского наместничества Михаилу Михайловичу Арсеньеву "удовольствоваться" переводчика с учениками жалованием за весь текущий год в размере 322 рублей. Далее Е. Р. Дашкова "со всей строгостью" предписывала И. Иеригу не медлить с возвращением, в противном случае обещала поступить с ним как с "неповинующимся законам Собрания" [247]. Этот ордер был направлен М. М. Арсеньеву в качестве приложения к сопроводительному письму директора. В ответ на него иркутский наместник 12 июля 1788 года сообщал Е. Р. Дашковой, что И. Иериг находится за "Байкальским морем" у Гусиного озера, и что он попросит селенгинского коменданта немедленно его разыскать и отправить в Санкт-Петербург как того требует княгиня [248].

Позже М. М. Арсеньев рапортовал в Академию наук о получении средств для И. Иерига и о его скорой отправке в путь. По словам правителя Иркутского наместничества, решению этого вопроса во многом способствовал Эрик Лаксман [249]. Пользуясь большим авторитетом

не только в академической среде, но и у местных властей, он выступал своего рода "медиатором" в улаживании такой деликатной для любого ученого проблемы, как финансы. 26 июля 1788 года Э. Лаксман отправил Академии наук письмо, в котором уведомлял, "что он сразу же сообщил Иеригу о полученных в Иркутске указаниях и распоряжениях Дашковой и о скором отъезде переводчика в Петербург" [250].

Рассмотренные архивные документы дают основание предположить, что наряду с бюрократическими проволочками, процесс отъезда И. Иерига в столицу затягивался еще и по субъективным мотивам самого переводчика. Например, при переезде из Астрахани в Иркутск в 1780 году он претерпевал гораздо более серьезные финансовые проблемы, однако пользуясь поддержкой местных властей, его путешествие все же состоялось. Таким образом, по-видимому, И. Иериг сам не желал ехать в столицу, и каждый раз находил все новые причины этого не делать. В то же время его частые жалобы на пошатнувшееся здоровье и тяготы удаленной "от цивилизации" работы, вероятно, имели своей целью выхлопотать очередную премию или повышение жалования, которое в действительности составляло весьма небольшую для того времени сумму. Однако личное вмешательство таких весомых фигур как княгиня Дашкова и генерал-поручик Арсеньев не оставило И. Иеригу возможности для дальнейшего затягивания этого вопроса. В итоге в конце октября 1788 года он отправился в путь. 5 ноября 1788 года переводчик сообщал о прибытии в город Кунгур, "где остановился на две недели по пути из Иркутска в Петербург" [251]. Он писал о нелегкой дороге, а также о болезни своего старшего ученика Самуэля.

27 ноября 1788 года в Санкт-Петербурге получили сообщение от И. Иерига, написанное уже из Екатеринбурга 15 октября 1788 года, в котором он делился своими впечатлениями от дороги. Переводчик также рассчитывал получить там экипаж для своего возвращения в столицу [252]. 8 декабря 1788 года секретарь Конференции зачитал письмо И. Иерига, датированное 28 ноября из Москвы, в котором он описывал свои наблюдения об этом городе [253].

В Санкт-Петербург Иоганн Иериг прибыл в самом начале 1789 года, спустя почти 20 лет после своего последнего визита в столицу Российской Империи. В СПФ АРАН хранится рапорт переводчика от 12 января 1789 года, согласно которому он проехал 4068 верст по следующему маршруту: Селенгинск – Иркутск (300 верст), Иркутск – Тюмень (518

верст), Тюмень – Тары (870 верст), Тары – Тобольск (562 версты), Тобольск – Екатеринбург (569 верст), Екатеринбург – Кунгур (260 верст), Кунгур – Казань (599 верст), Казань – Москва (845 верст), Москва – Санкт-Петербург (728 верст) [254]. С учетом оплаты за каждую из четырех лошадей по 162 рубля, общая сумма дорожных издержек составила более 648 рублей [255]. При этом И. Иериг получил от иркутского наместника лишь 322 рубля [256], в этой связи он просил директора Академии наук возместить ему дополнительные затраты в размере 328 рублей 48 копеек. Княгиня Дашкова не нашла оснований для отказа и подписала соответствующую "дневную записку" И. Иерига о выдаче данных средств [257].

В личном деле переводчика в СПФ АРАН был обнаружен еще один важный рапорт И. Иерига на имя директора Академии наук, датированный 4 января 1789 г. [258]. Этот ценный архивный документ содержит уникальное сжатое описание многолетней исследовательской карьеры Иоганна Иерига на службе в Академии наук, составленное самим переводчиком, поэтому приведем его полное содержание:

"Ее сиятельству княгине Дашковой, председателю королевской экономической академии Санкт-Петербургского вольного экономического общества.

От переводчика разных мунгальских языков при императорской академии наук Ивана Иерига.

Покорнейший рапорт.

Исполняя все для принятия мною вследствие распоряжений императорской Академии наук с 1773 года, касательно наилучшего изучения всех между монгольскими народами столь процветающих богословских наук, и окончив относящиеся к тому путешествия, в коих часто применял жилище свое между различными российской державе подвластными и великими кочевыми народами в мунгалии [Монголии], наконец имею честь рапортовать Вашему Сиятельству, что я с двумя от Академии мне порученными воспитанниками, взятыми из мунгалов прибыл сюда благополучно.

Я почитаю себе за долг уведомить Ваше Сиятельство как о начале, так и о продолжении сего дела и неусыпном моем в сем старании, и для того начну с 1772 и 1773 годов, в которых я спознавшись с кочующими в астраханских степях калмыцкими ордами, по собственной охоте, столь скоро выучил язык и письмена сих народов, что осмелился летом 1773 года по причине недостатка в переводчиках с калмыцкого

языка предоставить свои услуги при экспедиции профессора Гмелина, почему и действительно принят в Астрахань переводчиком при экспедиции помянутого профессора с жалованием, которое мне еще до резолюции Академии наук определено было. По полученному вскоре потом известию о смерти господина профессора Гмелина, поехал я тогда к находившемуся в академической поездке в Астрахани и потом в Царицын господину профессору, а ныне коллежскому советнику и кавалеру Палласу, которого и просил, чтоб обо мне представил в Академию, что и последовало; мое желание в том же году Академией было исполнено, и я между астраханскими ордами оставлен переводчиком, будучи подтвержден в одной должности от Академии. А как я в калмыцкой орде по причине их недостатка в книгах, кроме усовершенствования их литературы и собрания из устных преданий, которые бы могли способствовать господину Палласу в сочинении мунгальской истории, в собрании нужных рукописей не столько мог найти упражнения сколько мне нужным казалось; то сделал о сем в 1779 году в Академию представление, которое было одобрено, при сем даны наставления и нужное к тому повеление, в силу которого поехал я весною 1780 года из Астрахани в орды кочующие на китайских границах по ту сторону Байкала, ведущие свое происхождение большею частью из мунгалии от так называемых бушукского возмущения и имеющее при десяти разных родах деревянные идольские капища и молитвенные дома. Там остановился я неподалеку от границы у одного старика, который был духовного чина и который вскоре после того сделан главным начальником над духовенством пяти идольских капищ и над народом. Тут я жил в то время, когда по нужде не отъезжал к трем людям из его епархии, которые имели у себя книги и были сведущи. Тогда в силу распоряжений, присланных из Академии наук ко мне, так особливо к тогдашнему иркутскому губернатору Его Превосходительству господину Кличке определено было выбрать двух учеников, которых бы я принял и воспитал в пользу Императорской Академии наук и по сему Его Превосходительству господин Кличка послал в Кяхту в пограничную, так и в тогдашнюю провинциальную канцелярию в верхнем Удинске состоящую повеление, чтоб сыскать двух понятных мальчиков и отдать бы их под мою опеку, в силу одного прислан ко мне 1781 года от провинциальной канцелярии первый ученик, не имевший ни отца ни матери – называемый по-монгольски Содба и при крещении Самуилом нареченный. Он был сын известного Шоболаха, коего предки вели свое

происхождение от одной благородной фамилии Шилинге, называемой из Харноченаго поколения, но которые придя в бедность должны были забыть свое происхождение. Оный ученик, узнав, что еще потребен ему в сотоварищи другой просил меня, всякий день неотступно, чтоб я на место постороннего какого мальчика взял лучше младшего брата Моодоха, которой равным образом горестною бедность и нужду претерпевал. И так я с помянутым Содбою, по нескольких днях езды от моего пребывания, нашел его девятилетнего брата, названного после Павлом, который также в жалостнейшем состоянии жил у одного из своих бедных братьев, не от одних родителей с ним рожденных. Сие два брата сговорились друг друга не оставлять, а лучше жить вместе в российской императорской службе при Академии и быть через то счастливыми. Они уехали вместе в Удинск, дабы там явиться в сем город всех их предложения одобрены, и они были мне поручены. Из провинциальной канцелярии прислан был Его Превосходительству господину губернатору Кличке, а с моей стороны в Академию наук о том рапорт с присовокуплением к тому ордера, касающегося до сих учеников и данной мне из провинциальной канцелярии в следующей потом год по учиненной последней ревизии, сие дети совершенно исключены были из числа пограничных ясачных бурят и надлежащим образом внесены в список академический. Также получил я в 1781 году в январе из Академии наук ответ, что мне, кроме моего жалования, на содержание обоих учеников ежегодно положено давать из казны на каждого по тридцати рублей, которые и были всегда присланы. Но поелику в той стране не имел я никого с кем бы мог разговаривать, а упражнялся только в мунгальской письменности, которые упомянутые ученики хорошо уже разбирали, то из того произошло, что по причине нашей беспрестанной трудной и беспокойной кочевой жизни, эти дети полезны только мне были в путешествиях и в переписке мунгалских писем. При сем повсюду между мунгальскими народами обыкновенном кочевом роде нашей жизни, приобретали мы нашими хорошими поступками, как от знатных так и от народа любовь и почтение, в нужде получали помощь, наслаждались желанным спокойствием, и заставили каждого помнить навсегда наше дружество. Также столь известная и врожденная ученым и имеющим у себя какие ни есть сочинения привычка скрывать от других книги, касающиеся до их веры, была с нашей стороны неповторимым образом преодолена, так что мне везде почти все сочинения и коих я только слышал, по дружеству сообщае-

мы были для чтения, и я не упустил времени переписывать таинственным образом, если того нельзя было сделать явно. И так в собирании для Академии наук больших и малых наиважнейших особофизических, астрономических и медицинских сочинений, довел я краткие в мунгалии деланные мною записки, которые уже частью уже напечатаны до 173 номера, исключая небольшое число рисунков их святых. У сего народа находится еще нарочитое число полезных сочинений, которые, однако, до меня не дошли. Также из их примечания, достойной библии называемой Ганзурь, почитающейся у них за превосходное творение в рассуждении их литературы и писанной Шигимунихом [Шакьямуни], одним из Индейских святых, которые ныне по повелению китайских императоров, так как и многочисленные книги, до веры касающиеся, на мунгальских языках переведены и напечатаны, читал я только 12 чрезвычайно великих томов, заключающих в себя одну метафизику. А остальных 108 томов, которые ни у наших мунгальских в России поселившихся народов не находятся, и потому так сказать своему священному писанию внутреннее воздают почтение, со всем я не видел; потому что часто мне не удавалось ездить за границу до главного стана и духовного университета, основанного первым мунгальским патриархом Богда Зибзунь Дамба, где находилась помянутая книга Ганзурь. Сие место лежит в 200 верстах от границы, и в оное прежде всего ездили наши пограничные мунгалы на богомолии и для учения, но сего удобного к учению случая с давнего уже времени они лишились.

Сего как кажется при возможной довольно сказано о моих путешествиях, месте пребывания и делах учиненных мною между упомянутыми народами.

Вам святейшая княгиня, взирающей благодарности и просвещенным оном как на все процветания, так и от древности увядшая, однако ... опять возрастающие наиважнейшие знания с давнего уже времени облагодетельствующей меня своей милостями посвящаю с глубочайшим выстопочтением все мои труды; при слабости моего здоровья, произошедшей от многих путешествий и от трудностей, кои мне встретились в изучении того к чему еще ни единый из сколького множества ученых не оказывало в себе охоты, препоручаю себя в Ваше высокое покровительство и, сделав продолжать еще службу, прошу о не оставлении меня, и в твердой надежде высочайших Ваших милостей пребываю.

Вашего Сиятельства Покорнейший слуга. Иван Иериг. Санкт-Петербург. 4 января 1789 г." [259].

Этот обширный документ, помимо ценной информации, содержит указание на высокую степень уважения И. Иерига к монгольским народам, а также его большой опыт различных форм коммуникации с кочевым населением Сибири. Из содержания рапорта мы также видим, что И. Иериг не собирался прекращать свою исследовательскую деятельность и просил княгиню Дашкову решить его дальнейшую судьбу. Переводчик также намекал на то, что он привез большое количество нового материала для Академии, с которым необходимо провести определенную работу.

К тому моменту академическая Библиотека уже располагала некоторым количеством тибетских и монгольских книг, рукописей, а также различных предметов религиозного характера. В отсутствие специалиста, способного прочесть и растолковать эти материалы, долгое время они представляли собой лишь бессистемную массу предметов и текстов. Еще в самом начале исследовательской карьеры И. Иерига руководитель Библиотеки Академии наук И. Г. Бакмейстер писал, что "ко второй половине 70-х годов XVIII века академическая библиотека была уже обильно снабжена тибетскими и монгольскими письмами, которые написаны золотом, серебром и чернилами" [260]. Первые попытки их каталогизации были предприняты по запросу И. Иерига еще в 1781 году. Однако тогда И. Г. Бакмейстер не смог выполнить просьбу переводчика о предоставлении каталога имеющихся рукописей и книг на монгольском и тибетском языках, вместо этого он подготовил копию списка китайских книг [261]. В итоге И. Иериг оказался единственным специалистом, способным провести надлежащую каталогизацию накопленных годами восточных архивов Академии.

Переводчику удалось всего за несколько месяцев к 22 июня 1789 года [262] выполнить кропотливую работу, результатом которой стал первый тематический монголо-тибетский каталог. В 1796 году он был опубликован в "Журнале о России" академического библиотекаря И.Г. Буссе, который снабдил его собственными комментариями и наблюдениями. В предисловии к нему автор журнала отметил, что данная публикация была запланирована еще в 1794 году, однако издана только в 1796 году, так как И. Г. Буссе надеялся увидеть "больше, чем сейчас в состоянии издать" [263]. Вероятно, окончательную редакцию списка книг И. Иериг корректировал уже в 1795 году. А. В. Зорин в

своей работе, посвященной тибетскому фонду ИВР РАН, отмечает, что это были "первые шаги в собирании тибетских и монгольских текстов (поначалу представлявших собой одну коллекцию)" [264].

В Архиве востоковедов ИВР РАН удалось найти схожий по названию и содержанию рукописный текст И. Иерига, озаглавленный как "Каталог всех, собранных среди монгольских приграничных народов, а также напечатанных и рукописных индийских, тибетских и монгольских манускриптов, собранных Иоганном Иеригом, переводчиком с монгольского и олётского языков при Российской Императорской Академии наук. 24 февраля 1788 год. Иркутск" [265]. Сравнение вышедшей в 1796 году статьи И. Иерига в "Журнале о России" с его манускриптом 1788 года позволяет утверждать о том, что обозначенная рукопись явилась основой опубликованного позднее материала.

В личном деле переводчика в СПФ АРАН имеется два уникальных рапорта, написанных на русском языке собственноручно Иоганном Иеригом и Иоганном Буссе. Согласно первому из них, 25 июня 1789 года переводчик передал в Библиотеку Академии наук 163 монгольских и тибетских книг, а также 95 картин, "изображающих идолов сих народов" [266]. Вторым рапортом унтер-библиотекарь И. Буссе подтвердил факт получения обозначенного выше количества книг и иллюстраций от И. Иерига в этот же день [267]. Эти два архивных документа достоверно подтверждают тот факт, что именно Иоганн Иериг положил основу монгольскому и тибетскому рукописному и печатному фонду Российской академии наук, который сегодня хранится в АВ ИВР РАН.

Рассматриваемые архивные материалы дают возможность воссоздать хронологию исследовательской работы И. Иерига, но, как правило, не позволяют охарактеризовать его личную жизнь. Однако нам удалось найти несколько упоминаний о свадьбе И. Иерига, состоявшейся как раз в период его нахождения в Санкт-Петербурге с 1789 по 1790 год. В это время он встретил Софию Ловиц – дочь Георга Морица Ловица, трагически убитого отрядом Емельяна Пугачева недалеко от Царицына в августе 1774 года. Вполне вероятно, что И. Иериг встречался с семьей Ловица и ранее, например, весной 1774, во время его экспедиции по Астраханской губернии и пребывания в Сарепте [268]. После трагических событий малолетних детей Георга Ловица вместе с его вдовой в конце 1775 года перевез в Санкт-Петербург известный русский астроном П. Б. Иноходцев [269]. В своей книге о швейцарских

ученых на службе Санкт-Петербургской Академии наук Рудольф Мументалер пишет: "В 1779 году, когда семилетнюю Софию Ловиц, дочь погибшего профессора Ловица, бросила мать ... Домашнев хотел устроить её в монастырь, но Эйлеры приняли в ней участие и заботились о ней, пока её старший брат не смог взять эти заботы на себя" [270]. В 1780 году старший брат Софии – Товий Егорович Ловиц – отправился на обучение в Геттинген. Таким образом, Эйлеры долгое время заботились о ней и считали её "своим родным ребенком" [271].

Следует отметить, что И. Иериг находился в постоянной переписке с И. А. Эйлером – секретарем Конференции Академии наук. В указанных обстоятельствах бракосочетание Иоганна Иерига и Софии Ловиц в Петербурге выглядит вполне объяснимым событием. На тот момент ему было чуть больше сорока, а ей около 17-18 лет. По имеющимся данным детей в их браке не было.

В 1789 году Иоганн Иериг был избран также членом Императорского Вольного Экономического Общества, большой интерес для которого представляли естественнонаучные изыскания ученого [272].

Примерно в это же время Императорская Медицинская коллегия предложила И. Иеригу вернуться в Кяхту и заняться там переводческой работой при Комиссии по торговле ревенем. Этот продукт играл большую роль в товарообороте с Китаем. В середине XVIII века правительство объявило на ремень государственную монополию с главным центром торговли в Кяхте [273]. Кроме того, Академия наук также была заинтересована в возвращении И. Иерига на границу с Монголией для продолжения занятия тибетским языком и сбора различных "натуральных" материалов.

Однако основными мотивами его возвращения в Сибирь были отнюдь не финансовые перспективы. Как было отмечено в одном из печатных изданий Вольного Экономического Общества, "по собственному желанию и из-за своих склонностей к кочевому образу жизни он снова был отправлен в Даурию [274] изучать тангутский язык и с медицинским поручением" [275].

В материалах английской печати начала XIX века были найдены уникальные сведения – воспоминания известного академика А.К. Шторха о подробностях его личной встречи с Иоганном Иеригом в Петербурге в 1789 году: "Он провел 16 лет среди монголов и был знаком с их обычаями, вследствие чего стал так похож на них, что наше европейское жилие было крайне неприятно для него. У Иерига также сформиро-

ровалось настолько высокое понимание их мудрости, что он был полностью убежден в том, что мы – европейцы сможем приобрести бесчисленное количество информации из этих регионов" [276].

Таким образом, длительное пребывание в среде кочевых народов монгольского происхождения оказало огромное влияние на личность Иоганна Иерига. В условиях, когда ему пришлось второй раз в жизни выбирать между Востоком и Западом, он отдал предпочтение восточному обществу, что говорит о высокой степени его интеграции в социокультурную среду монголов.

А. К. Шторх отметил, что перед отъездом И. Иериг задумал проект, который, по мнению переводчика, мог оказаться очень полезным для улучшения жизни местных кочевых народов Сибири. И. Иериг планировал взять с собой лучшую коллекцию книг из разных областей наук с целью выполнить там их перевод и распространить у монголов. Среди них были книги по естествознанию, географии и другими основным наукам. А. К. Шторх особенно подчеркнул, что "Иериг не взял никаких книг по философии, поскольку был совершенно уверен, что в этой области человеческого знания его монголы были далеко впереди всего, что могли предложить европейцы" [277].

Действительно, в эпоху Просвещения появилась тенденция развития критического подхода в отношении европейской цивилизации. Некоторые просветители указывали на определенную "испорченность" Европы и необходимость возвращения к доцивилизационной эпохе, когда культура и мировоззрение было общемировым. Отсюда возникла идея поиска "изначальной универсальной культуры" [278], образцом которой в итоге стало восточное общество. Именно в нем Иоганн Иериг нашел ту "истинную" философию, которую европейцы утратили в процессе своего стремительного экономического и научно-технического прогресса.

Согласно архивному рапорту Иоганна Иерига, датированному 16 января 1790 года, перед отъездом переводчик просил об увольнении с постоянной академической службы в связи с зачислением в Комиссию по торговле ревенем. При этом он обязался "служить и впредь" Академии, но уже в качестве корреспондента [279]. Прошение И. Иерига было удовлетворено, а с 10 января 1790 года "за добропорядочную при Академии службу" ему была назначена пенсия в размере 150 рублей в год с тем, чтобы он из тех мест, где будет находиться, отправлял в Санкт-Петербург "особливо полезные сведения" [280].

В личном фонде переводчика в СПФ АРАН мы нашли еще один необычный документ также от 16 января 1790 года, под названием "Аттестат Иеригу о пройденной службе и пенсии Академии" [281]. Из содержания данной бумаги становится ясно, что это своего рода диплом, подтверждавший статус ученого, уровень его образования и подготовки.

В конце января 1790 года завершился непродолжительный период пребывания Иоганна Иерига в Санкт-Петербурге, за время которого он успел выполнить большую работу по каталогизации восточных фондов Академии наук, устроить свою личную жизнь, а также завязать отношения с новыми научными учреждениями и обществами, выполнении задач которых он планировал заняться в Сибири.

3.3. НОВЫЙ ВЕКТОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ И. ИЕРИГА: ВТОРАЯ СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1790–1795 гг.)

В личном деле переводчика Академии наук СПФ АРАН была обнаружена третья по счету и последняя в жизни И. Иерига академическая инструкция с указанием дальнейших направлений работы в районе Забайкалья. Этот небольшой по объему документ сильно отличается от предыдущих инструкций и носит скорее характер общих рекомендаций и наставлений без детализации конкретных задач как прежде. Приведем содержание текста этой инструкции:

"Предписание, данное от директора Императорской Академии Наук и кавалера, княгини Екатерины Дашковой.

На пенсии состоящему корреспонденту оных академии мунгалских языков переводчику Иоганну Иеригу.

1) При отбытии твоём из академической службы имеешь ты получать от Академии наук пенсию по 150 рублей в год; за которую обязан ты:

2) Все, что тебе ни встретится достопамятного в путешествиях твоих по китайским предгорам и между тамошними кочующими народами, должен ты рачительно записывать и отбирать, и том по третям года, или буде собранные известия с лишним напонятия, еще чаще, присылать в Академию уведомления.

3) Наипатче же внимание твоё должны обращать на естественное состояние проезжаемых тобою стран: как то на разные пропажания горных хребтов, их сложения и произведения; на различные воды; степи и леса; при том не упустить тебе из виду обычаев, обрядов и нравов различных народов; и всего того, что о как происхождении древней и новейшей истории, так же о древностях как и о всем так, что доселе об них остается в неизвестности, разведать и будет можно.

4) Наконец должен ты собирать произведения всех царств природы в тех местностях, где тебе быть прилучиться; наивящее же рачение употребить на собиране произведений из каменного царства, которых присылать тебе отборные и в большом количестве нужно, уложенных оные в ящики; отправлять же тебе оные в надписать на мое имя вместе с посылками в медицинскую коллегию: вообще присылать тебе все посылки, письма и донесения собственно на мое имя, в конвертах, надписываемых на имя государственной медицинской коллегии Директора Сенатора и Кавалера господина Фон Фиттингофа.

Дано в Санкт-Петербурге января __ дня 1790" [282].

Обратим внимание на отсутствие точной даты составления документа, что может говорить о его "черновом" характере. Еще одна особенность этой инструкции заключается в том, что она составлена директором Академии наук, при том, что в протоколах Конференции отсутствуют какие-либо сведения об ее утверждении. Это свидетельствует о том, что П. С. Паллас более не принимал активного участия в научной жизни И. Иерига, деятельность которого теперь находилась под личным контролем княгини Дашковой. Также имеет место некоторое изменение направления деятельности ученого: теперь уже пенсионер Академии должен был обратить больше внимания различным естественнонаучным материалам, которые при первой возможности следовало отправлять в столицу.

Примерно в конце января 1790 года Иоганн Иериг с супругой покинули Санкт-Петербург и направились в сторону Иркутска. 24 февраля 1790 года София Иериг в письме И. А. Эйлеру сообщала о прибытии в Казань. Она описывала дорогу из Петербурга, а Иоганн Иериг в свою очередь просил выслать книги [283]. По прибытии в Иркутское наместничество молодая семья обосновалась в городе Кяхта – у самой границы с Монголией.

В конце XVIII века Кяхта, помимо торгового назначения, была местом сосредоточения большого количества иностранных исследователей и промышленников. Здесь работали естествоиспытатель и изоб-

ретатель вакцины от ветряной оспы Иоганн Сиверс [284], французский ботаник Мельхиор Патрен [285] и другие европейские ученые. Но все же эта территория была сильно удалена от западной части России и находилась под большим влиянием восточных государств: в первую очередь Китая (и входящих в его состав Монголии и Тибета), Японии и Индии. В связи с этим академик Шторх весьма саркастически описал возвращение Иоганна Иерига в Забайкалье: "После своего короткого пребывания, во время которого Иериг женился, он вернулся к своим любимым монголам, чтобы провести остаток жизни среди них" [286].

Учитывая, что переводчик Академии наук уже более не находился под строгим контролем своего куратора П. С. Палласа, а также не имел как ранее четкого исследовательского плана, он мог выстраивать свою работу по собственному усмотрению.

Так как в 1789 году Иоганн Иериг был избран членом Вольного Экономического Общества, то одним из направлений его научной активности стало взаимодействие с этим учреждением. Проведенный анализ "Трудов вольного экономического общества" конца XVIII века показал, что практически сразу после прибытия в Кяхту И. Иериг начал направлять "Обществу" различные сведения и натуральные образцы. Уже 03 июля 1790 года он выслал письмо, в котором детально описал способ изготовления местным населением зеленого сафьяна, а также сообщал о своих опытах по изготовлению так называемого молочного порошка [287]. Основываясь на своем двадцатилетнем опыте общения с монголами, он утверждал, что эти народы "великое знание о многих здешних растениях и о действиях оных имеют" [288]. В связи с этим И. Иериг познакомился с монгольским врачом, который за определенный ему "подарок" должен был сделать начертание всех местных полезных растений с обозначением их названий, способов употребления их полезных свойств. И. Иериг обещал направить в Санкт-Петербург высушенные образцы трав и их описание [289].

Сообщения Иоганна Иерига Вольному Экономическому Обществу содержали информацию о разных аспектах народного хозяйства кочевых народов Сибири: о продуктах питания, медицине, ремесле и т.д. Например, в 1791 году он сообщал о способах лечения эпилепсии у лошадей [290], прислал модель самодельного монгольского охотничьего оружия [291], а его "Известие о жизненных средствах Монгольцев, и о приготовлении их мяса в путешествиях" было напечатано в "Трудах Экономического Общества" в 1792 году [292].

14 июля 1791 года И. Иериг находился в 180 верстах от Кяхты в небольшом поселении "Байхорск при реке Тшикой" [293]. Сравнение карты, изготовленной И. Иеригом еще в 1784 году, с актуальными топографическими описаниями позволяют установить современное наименование данных географических объектов: село Байхор на реке Чикой, расположенные в Забайкальском крае. Оттуда он прислал письмо, в котором сделал различные уточнения относительно своих предыдущих наблюдений, а также сообщил, что занимался описанием монгольского скотоводства и местных растений. И. Иеригу удалось вырастить хороший картофель из семян, полученных от "Общества" через господина Шретера, в связи с чем он просил о новой порции европейских образцов для дальнейших экспериментов в этом направлении. Кроме того, ученый занимался культивированием ревеня – стратегического товара в данном торговом направлении. Еще в 1790 году И. Иериг посадил в Кяхте восточный сорт этого растения, который к 1791 году показал хороший рост. Другие четыре вида семян ревеня также показали неплохие результаты. Все эти эксперименты были весьма полезны и имели целью поиск наиболее ценного "бухарского" сорта растения [294].

Вольное Экономическое Общество в свою очередь просило И. Иерига обратить отдельное внимание на тибетские продукты и скотоводство, в особенности это касалось овец и овечьей шерсти [295]. В 1792 году И. Иериг также продолжал активную переписку с "Обществом". Он присылал наиболее редкие и интересные образцы местного ремесла, а также делился наблюдениями о лекарственных растениях и о своих опытах по выращиванию ревеня в условиях Южной Сибири. Полученные от И. Иерига семена высаживались в ботаническом саду Вольного Экономического Общества [296].

Отношения Иоганна Иерига с Академией наук складывались теперь в несколько другой форме. Несмотря на то, что новая и третья по счету инструкция И. Иерига практически не регламентировала его исследовательскую деятельность, при этом все же предписывала "по третям года ... присылать в Академию уведомления..." [297]. В связи с этим 31 января 1791 года переводчик написал сообщение секретарю академической Конференции И. А. Эйлеру "об условиях жизни в Кяхте, местном сообществе и дальнейших планах своей службы" [298].

Примерно в это же время прекратились контакты И. Иерига с П. С. Палласом. Немецкий исследователь Ф. Вендланд отмечает, что с 1792 года П. С. Паллас завершил свою "опеку" над И. Иеригом и науч-

ное руководство его деятельностью [299]. Таким образом, теперь уже пенсионер Академии наук самостоятельно определял сферу своих научных разработок, первые результаты которых стали поступать в Санкт-Петербург в начале 1792 года.

Согласно протоколу академической Конференции от 9 февраля 1792 года, секретарь представил и зачитал отчет И. Иерига от 7 декабря 1791 года из Кяхты. С ним переводчик (так И. Иерига продолжали именовать в протоколах) отправил продолжение своего произведения под названием "Основы монгольской и олётской письменности и языка" (нем.: "Anfangsgrunde der Mongolischen und Öhletschen Schrift und Sprachlehre"). При этом И. Иериг обещал закончить первый том работы до рождества и включить в нее, помимо сведений о монгольском языке, также грамматику калмыцкого языка и дополнение, содержащее принципы тибетского языка [300]. Указанное произведение удалось обнаружить в Архиве востоковедов ИВР РАН [301]. Это довольно обширный лингвистический труд, описание которому мы дадим в четвертой главе монографии.

Анализ протоколов Конференции Академии наук показал, что И. Иериг высылал свою новую работу в течение месяца по частям, причем первый том был рассмотрен гораздо позже второго – уже 8 марта 1792 года. В этот день директор Академии наук Е. Р. Дашкова представила для прочтения и дальнейшего размещения в архиве письмо И. Иерига от 19 ноября 1791 года из Кяхты [302] и начальную часть "Основ монгольской и олётской письменности и языка", страницы "а" и "б", которые переводчик Иериг направил ей вместе с описанием окрестностей Кяхты [303].

Следовательно, начало произведения долгое время находилось у директора Академии, что объясняет его рассмотрение на Конференции гораздо позже остальных разделов. Основную же часть работы и ее окончание И. Иериг выслал вместе с отчетами № 3 от 12 декабря 1792 года и № 4 от 19 декабря 1792 года из Кяхты, которые были заслушаны на Конференции Академии наук 27 февраля 1793 года. На этом же заседании была рассмотрена следующая просьба И. Иерига: еще не получив жалование, назначенное Академией (со дня его отъезда из Санкт-Петербурга), он обращался с просьбой направить перечисления его шурина адъютанту Ловицу, который, в свою очередь, должен был переслать деньги ему в Кяхту. В результате Конференция решила передать оригинал письма И. Иерига самому Ловицу для того, чтобы он смог лично обратиться к княгине Дашковой по этому вопросу [304].

Следует отметить, что с 1792 года в протоколах Конференции Академии наук иногда И. Иерига именовали "пенсионером", а в делопроизводственных материалах, как и ранее, фигурировало его основное звание "переводчик". Это было связано с назначением так называемой пенсии, которая по сути была тем же жалованием, только в несколько раз меньше и за небольшой объем работы.

19 апреля 1792 года секретарь Конференции зачитал письмо пенсионера И. Иерига от 8 февраля 1792 года из Кяхты, в котором он просил Академию обратиться к "Ее Превосходительству" княгине Дашковой с тем, чтобы она распорядилась о назначении ему пенсии, которую он пока еще не получил. Выполнив его просьбу, Е. Р. Дашкова отметила то обстоятельство, что поскольку Академия не отправляла пенсионные начисления по почте, то И. Иериг должен был следовать примеру других пенсионеров, не имеющих возможности присутствовать лично, а именно: "Предоставить возможность одному из корреспондентов в Санкт-Петербурге получать его пенсию из казны Академии" [305]. И. Иериг принял решение, что его пенсию, как и ранее, будет получать, находившийся в тот момент в Санкт-Петербурге его шурина Тобиас Ловиц [306].

27 августа 1792 года секретарь И. А. Эйлер зачитал письмо И. Иерига от 28 июня из Кяхты, в котором он выражал признательность за получение академической пенсии за 1790 и 1791 год его шурином. Он высказывал также надежду на то, что Академия воспользуется подобным способом перечисления его пенсии и в будущем [307].

Помимо решения финансовых вопросов, И. Иериг продолжал отправлять в Петербург результаты своей исследовательской деятельности. В конце сентября 1792 года на Конференции Академии наук было представлено от имени И. Иерига его новое произведение под названием "Основы тибетской письменности и языка" (нем. Anfangsgrunde der Tübätischen Schrift und Sprachlehre). Заглавие и предисловие были выполнены с использованием письменности разных столетий. Также прилагалась копия нескольких надписей, которые были найдены на памятниках древности (на двух страницах) [308]. Свои работы И. Иериг высылал, как правило, частями. На следующий год 12 сентября 1793 года Академия получила письмо переводчика от 20 июня 1793 года также из Кяхты, с которым он отправил пять страниц продолжения своей рукописи, посвященной тибетскому языку (страницы 77-90) [309]. Этот труд Иоганна Иерига также сохранился до наших дней и находится в Архиве востоковедов ИВР РАН [310].

6 февраля 1794 шурина И. Иерига Т. Ловиц представил Конференции Академии наук его письмо от 2 декабря 1793 года из Кяхты, с которым переводчик отправил страницы 97-116 своего нового сочинения, ставшего продолжением составленных ранее "Основ монгольской и олётской письменности и языка", которое он назвал "Исследование монгольской письменности, содержащее историю создания этого шрифта, а также учебную инструкцию, как этот шрифт с отдельно разложенными буквами следует направлять в печать" (нем. "Mongolische Buchstaben-Foorschung enthaltend die Geschichte dieser Schrift-Stiftung, nebst Lehre – Ertheilung wie diese Schrift mit zertheilbaren Buchstaben zur Buchdruckerey einzurichten sey") [311]. Данное произведение также было обнаружено в Архиве востоковедов ИВР РАН [312].

Пенсию И. Иерига продолжал получать за него Тобиас Ловиц и в дальнейшем отправлять деньги самому переводчику в Кяхту. 30 июня 1794 года в Академии было зачитано письмо И. Иерига от 18 апреля 1794 года, в котором он выражал признательность за получение академической пенсии, в очередной раз ему присланную Т. Ловиц [313]. Рассмотренный протокол Конференции Академии наук является последним, в котором при жизни переводчика рассматривались вопросы его исследовательской деятельности.

После долгого пребывания на границе с Монголией Иоганн Иериг с супругой Софией решили вернуться в Санкт-Петербург. В начале апреля 1795 года они прибыли в столицу [314].

Следующее упоминание о И. Иериге в делопроизводственных бумагах Академии наук датируется 15 июня 1795 года. В этот день секретарь Конференции И. А. Эйлер сообщил присутствующим членам заседания печальную новость: утром 15 июня 1795 года скончался Иоганн Иериг – переводчик, приглашенный Академией для изучения языка и истории монгольских народов, член Вольного Экономического Общества Санкт-Петербурга. И. А. Эйлер отметил, что, находясь несколько лет в Кяхте, И. Иериг также выступал от Императорской Медицинской коллегии в качестве переводчика при Комиссии по торговле ревенем [315].

Имеющиеся источники, специальная литература и Санкт-Петербургские некрополи конца XVIII века, не содержат упоминаний о месте захоронения Иоганна Иерига. Вероятно, он был погребен на одном из двух основных кладбищ столицы того периода: Смоленском евангелическом или Волковском лютеранском, где, например, в 1804 году был похоронен его шурина Тобиас Ловиц [316].

Анализируя исторические события первой половины XIX века, мы можем предположить, что возможной причиной отсутствия сведений

о захоронении Иоганна Иерига могло стать сильнейшее наводнение, случившееся 7 ноября 1824 года, из-за которого были смыты многие кладбища столицы, безвозвратно утеряны могильные плиты и надписи, а порой и сами погребения. На примере описания Смоленского кладбища можно оценить масштаб произошедшей трагедии: "Со страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась над ним почти на 10 фут. Все кладбищенские заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты с могил унесены на Выборгскую сторону, где в морском госпитале, всю зиму крестами топили печи. Земляные насыпи на могилах смыты, каменные и металлические надгробные плиты сдвинуты с места и занесены землею. Даже большая часть памятников была свалена частью напором волн, частью падением вырванных с корнем и сломанных деревьев" [317].

Вопрос о причинах смерти переводчика в протоколах и делопроизводственных бумагах Академии наук не поднимался. Лишь в одном источнике удалось найти упоминание на эту тему. Библиотекарь И. Бусев в предисловии к статье И. Иерига о монгольских книгах указал на то, что он скончался от гнилой горячки [318].

О дальнейшей судьбе супруги Иоганна Иерига Софии практически ничего не известно. Лишь В. Хайссиг в одной из своих работ упоминает, что после смерти переводчика "его овдовевшая жена, сестра нашего химика, господина Ловица, осталась без детей и средств к существованию" [319]. Что касается научного наследия Иоганна Иерига, то значительная его часть сохранилась до наших дней и представляет огромный междисциплинарный интерес. Более подробная характеристика работ переводчика Академии наук И. Иерига будет дана в четвертой главе монографии.

В настоящей главе был рассмотрен самый продолжительный и наиболее продуктивный период в научной карьере Иоганна Иерига, который начался со сложного и затяжного переезда ученого из Астрахани в Иркутскую губернию в 1780 году.

Анализируя содержание архивных документов и протоколов Конференции Академии наук, можно сделать вывод о значительном расширении спектра исследовательских задач ученого в рамках так называемой Первой Сибирской экспедиции 1780-1789 годов.

Помимо сбора "привычных" И. Иеригу культурологических и естественнонаучных материалов, новой для него задачей стала подготов-

ка двух переводчиков для Академии наук из числа монголов, проживавших в Иркутской губернии. Кроме того, он осуществлял закупки наиболее ценных книг и гравюр для пополнения академических коллекций.

В то же время в отличие от Калмыцкой экспедиции, пребывание И. Иерига в Забайкалье не было отягощено серьезными трудностями, связанными с необходимостью установления контактов с местным населением и властями. Более того, ученый значительную часть времени проживал в одном из самых крупных буддийских дацанов России у Гусиного озера. И. Иериг также активно сотрудничал с руководством Иркутского наместничества по вопросам этнографического и топографического описания региона, что было обусловлено, в том числе стратегическим интересом государства к этой территории.

Многочисленные жалобы И. Иерига на тяжелые условия труда и проблемы со здоровьем послужили причиной распоряжения директора Академии наук о его отъезде в Санкт-Петербург в 1786 году. Однако путешествие в столицу состоялось лишь спустя 3 года, что было объяснимо не только финансово-административными проблемами, но и нежеланием самого И. Иерига покидать Забайкалье, где ему удалось добиться больших результатов в общении с местными монгольскими народами.

Высокая степень интеграции И. Иерига в социокультурную среду восточного общества за долгое время пребывания среди кочевников стала причиной его отказа от общеевропейских принципов жизнеустройства. В связи с этим пребывание И. Иерига в столице было непродолжительным, и уже в 1790 году он вернулся в Забайкалье. Будучи в статусе пенсионера, он более не был связан строгими обязательствами перед Академией наук и самостоятельно определял направления и тематику своих исследований.

Значительные успехи принесло сотрудничество ученого с Вольным Экономическим Обществом, в периодических изданиях которого с 1791 по 1793 годы неоднократно упоминаются материалы и сведения И. Иерига. Однако наиболее ценным результатом Второй Сибирской экспедиции (1790-1795 гг.) стали уникальные для своего времени лингвистические труды ученого, посвященные монгольскому и тибетскому языкам. И. Иериг продолжал работать практически до самой смерти 15 июня 1795 года, вернувшись за несколько месяцев до этого в Санкт-Петербург.

Глава 4

ВКЛАД ИОГАННА ИЕРИГА В СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

4.1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ И. ИЕРИГА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Научное наследие Иоганна Иерига представляет собой широкий спектр материалов и артефактов, посвященных различным аспектам культуры монгольских народов России, а также природе и географии Поволжья и Забайкалья. Ценные рукописи ученого на протяжении всей его службы в Российской академии наук формировали ее восточные фонды и стали основой зарождавшегося отечественного востоковедения. Однако после смерти И. Иерига часть его работ оказалась за пределами академических коллекций и даже была вывезена из Российской Империи. По мнению А. И. Андреева, "рапорты Эриха обычно передавались в Академии П. С. Палласу, занимавшемуся в Академии тех лет монгольскими народами, оставались у него и, в большинстве своем, попали, вероятно, в одно из хранилищ Берлина, где находятся многие другие труды и материалы П. С. Палласа, умершего в Берлине" [1].

Действительно, некоторые материалы Иоганна Иерига уже в начале XIX века оказались в Европе. Однако достоверно известно лишь о причастности востоковеда Ю. Клапрота [2] к этому факту. Предпосылками такому обстоятельству стали его сложные отношения с Российс-

кой академией наук, которые в 1810 году переросли в разногласия относительно финансирования экспедиций ученого. По этой причине востоковед, находившийся в Берлине с академическим поручением, не пожелал возвращаться в Россию. В результате разгоревшегося скандала (он так и не согласился вернуть значительную сумму долга) Ю. Клапрота заочно уволили с "бесславием из академии, как недостойного более звания академика и иметь чин надворного советника, с сим званием сопряженный" [3]. Его обвиняли также в том, что он "увез за границу и там опубликовал результаты научных наблюдений, сделанных в России, тогда как предписывалось все труды и переводы прежде представлять на рассмотрение академии для рекомендации к публикации" [4].

Вскоре после смерти бывшего академика Клапрота его наследники устроили аукцион оставленных им материалов, среди которых оказались и многие рукописи Иоганна Иериго. В 1839 году к торгам, запланированным на 16 марта – 15 апреля 1840 года, был выпущен специальный каталог печатных книг, рукописей и трудов (китайских, татарских, японских и т.д.), составлявших библиотеку покойного Ю. Клапрота. Согласно каталогу, 25 марта 1840 года на аукционе под номером 215 выставлялся "ценный сборник, который содержал неизданные оригинальные труды [подлинники] Иоганна Иериго" [5]. На полях, напротив описания сборника, имеется интересная рукописная [6] пометка "200 fr. Bellizard" (200 франков Беллизар) [7]. Данная запись была сделана, по-видимому, в период проведения торгов, обозначала стоимость работы и, вероятно, фамилию покупателя.

Единственным человеком с такой фамилией, который мог иметь отношение к данному вопросу, был Фердинанд Михайлович Беллизар (1798-1863 гг.) – петербургский "придворный книготорговец, содержатель книжного магазина, издатель "Revue Etrangère" и "Journal de St. Pétersbourg" [8]. Он выкупил рукописи И. Иериго, научная ценность которых подтверждалась, в том числе и их высокой рыночной стоимостью в 200 франков. К примеру, в тот момент годовая подписка на популярную в Париже ежедневную газету "Пресса" стоила всего 40 франков [9].

Согласно обнаруженным в АВ ИВР РАН документам, вскоре после торгов рукописи И. Иериго попали к академику И. Гамелю [10], имевшему представление о монгольских языках и сумевшему оценить происхождение и значимость работ. По всей видимости, Ф. М. Беллизар

передал (или перепродал) приобретенные материалы, обнаружив в них записи, характерные для работ сотрудников Российской академии наук.

4 июля 1840 года И. Гамель отправил труды И. Иериго в Санкт-Петербург из Лондона с сопроводительным письмом, содержащим описание и краткую характеристику рукописей. Во введении он обозначил, что направляет "собрание манускриптов № 215 второго отдела каталога Клапрота ... оно содержит многие работы Иериго, которые он прислал Академии наук в 1783-1793 годах из Кяхты, из Гусиного озера близ Монголии, из Иркутска..." [11]. Далее отправитель перечисляет по порядку список работ И. Иериго, содержащихся в приобретенном архивном собрании: "I. Основы монгольской и олётской письменности и языка ... II. Основы тибетской письменности и языка ... III. Наряду с продолжением монгольской письменности имеется история создания этого шрифта, а также учебная инструкция, как этот шрифт с отдельно разложенными буквами направлять в типографию ... IV. Каталог всех собранных среди монгольских приграничных народов, а также напечатанных и рукописных индийских, тибетских и монгольских манускриптов ... V. ...Монгольский логический словарь ..." [12].

После описания содержания сборника И. Гамель отмечал, что "бумага, использованная переплетчиком, была произведена в 1809 году на известной старой фабрике в Ярославле, принадлежавшей семье Яковлевых" [13]. Исходя из этого, академик делал разумный вывод, что рукописи "не были собраны в один том во времена И. Иериго" [14]. Указанные замечания И. Гамеля полностью подтверждаются, если обратить внимание на филигрань бумаги оборота обложки третьего архивного тома № 3/1105 из фонда И. Иериго № 21 в АВ ИВР РАН, где действительно обозначен точный год ее изготовления – "1809", а также литеры "ЯМГЯ", характерные для Ярославской мануфактуры [15].

Далее И. Гамель приводил несколько аргументов в пользу утверждения о том, что представленный сборник был составлен лично Ю. Клапротом. Первый довод был основан на наличии подшитой в начале книги копии рапорта И. Иериго о монгольском словаре от 22 января 1783 года, собственноручно изготовленной Ю. Клапротом [16]. Кроме того, академик отдельно отмечал способ нумерации страниц: "Клапрот пометил подшивки для переплетчика внизу карандашом. На подшивке 51, кажется, он ошибся; последняя подшивка, оставшаяся без наименования, должна была бы идти несколько раньше" [17]. Обозначенная

И. Гамелем вероятная ошибка в составлении сборника действительно имеет место в единице хранения № 3/1105 [18], начиная со страницы № 51.

Вывод об авторстве формирования сборника академик делал еще на основе анализа способа написания отдельных цифр. И. Гамель подчеркивал: "То, что Клапрот, а не кто-то другой, сделал нумерацию этих подшивок, доказывает способ написания цифры 8. Смотрите страницы 8, 18, 28, 38 ... Здесь цифра 8 всегда имеет ту же форму, как и в численном обозначении 1783 года на последнем листе Клапрота, с употреблением этой цифры 8" [19]. Скорее всего, И. Гамель взял за образец текст рапорта И. Иерига от 22 января 1783 года, копия которого была изготовлена собственноручно Ю. Клапротом и помещена им в самое начало сборника.

Проведенный анализ содержания архивного фонда Иоганна Иерига на основе замечаний И. Гамеля, дает основание утверждать, что сборник, отправленный академиком в 1840 году из Лондона, сегодня находится в Санкт-Петербурге (эти материалы представляют собой третью единицу хранения № 3/1105 фонда И. Иерига № 21 АВ ИВР РАН). Причем в этом же архиве находятся два других сборника, содержащих аналогичные вывезенным Ю. Клапротом материалам лингвистические труды И. Иерига. Такое обстоятельство в части обусловлено академическими правилами для член-корреспондентов, участников экспедиций и внешних сотрудников Академии.

В соответствии с инструкциями И. Иеригу от 15 мая 1774 года [20] и 19 августа 1779 года [21], а также аналогичными документами академических путешественников (П. С. Палласа, С. Г. Гмелина и других), предписывалось изготавливать копии работ для Академии наук и отправлять их специальной почтой, а "подлинник и расписку в полученных для пересылки вещах хранить у себя тому, кто такие вещи пересылает" [22]. Таким образом, часть материалов И. Иерига, которые он отправлял в Академию наук, все же не покидала ее стены и со временем была передана из архива академической Конференции в Азиатский музей, а затем попала в современный Институт восточных рукописей РАН.

В то же время судьба материалов из личной коллекции Иоганна Иерига сложилась несколько иначе. Часть из них попала к Ю. Клапроту, который и вывез их за границу в начале XIX века. Доказательством тому является стилистическое сравнение двух одинаковых работ пе-

реводчика из АВ ИВР РАН. К примеру, во второй части "Монгольского логического словаря ...", в экземпляре, доставшемся Ю. Клапроту, внешний вид письма не выглядит "чистовым", имеются многочисленные помарки и исправления, допущенные, вероятно, И. Иеригом при первоначальном написании работы: на странице 96 (по нумерации автора) в примере под номером 195 цифра 5 была обведена поверх ошибочно указанной цифры 6 [23]. Данная ошибка отсутствует в аналогичном экземпляре словаря, который И. Иериг выполнил каллиграфическим почерком и направил в Академию наук [24]. Кроме того, практически вся бумага, использованная для составления третьего сборника, была изготовлена в 80-х годах XVIII века, что соответствует времени написания И. Иеригом своих произведений.

При этом не все материалы, включенные в указанный сборник, можно отнести к личным рукописям И. Иерига. Комплексный анализ манускриптов третьей единицы хранения дает основание усомниться в авторстве "Каталога всех, собранных среди монгольских приграничных народов, а также напечатанных и рукописных индийских, тибетских и монгольских манускриптов ..." [25] и "Тибетской грамматики" [26]. "Каталог ..." датирован 24 февраля 1788 года, но выполнен на бумаге, произведенной в уже в XIX веке. Такое противоречие легко выявляется путем анализа филиграней бумаги, на которой изображена точная дата ее производства: "У [Лилия] Ф 1807 [год] Л [лилия] П" [27].

"Тибетская грамматика" состоит из нескольких частей: введение выполнено на бумаге, изготовленной в 1789 году (литер "ВСМ" [28]), что свидетельствует о вероятном авторстве И. Иерига, а содержание грамматики – на бумаге 1799 года (литер "ЯМВСЯ" [29]), притом, что эта рукопись датирована 20 января 1793 года. В то же время ни в "Каталоге ..." , ни в "Тибетской грамматике" не указано то, что это копии. Более того, в обеих работах сымитирована подпись Иоганна Иерига, что указывает на сознательную попытку выдачи рукописи за оригинал. Следует также обратить внимание на то, что почерк автора копии "Каталога ..." явно не соответствует оригиналу, при этом в "Тибетской грамматике" предпринята попытка полного копирования стилистики и атрибутики письма И. Иерига.

Таким образом, составляя сборник оригинальных работ Иоганна Иерига, Ю. Клапрот допустил включение в него части хоть и сопоставимых с оригиналом, но все же сфальсифицированных рукописей учено-

го. Именно поэтому И. Гамель вполне логично констатировал, что все эти материалы "являются собственностью Академии и относятся к истории ее деятельности" [30].

Помимо лингвистических сочинений, Ю. Клапрот вывез из России также этнографические работы И. Иерига, которые позже были выставлены на торгах в Париже под номером 1934 – "пачка записей на русском и немецком языках, большей частью о народах Центральной Азии и полученных из работ Иерига" [31]. К сожалению, судьба этих материалов не известна. По всей видимости, они так и не были возвращены в Россию, так как в делопроизводственных материалах Академии наук об этом не содержится сведений.

В то же время, несмотря на всю противоречивость роли Ю. Клапрота в отечественной науке, результатом его деятельности стал уникальный систематизированный архивный материал, состоящий по большей части из оригинальных текстов И. Иерига. Немаловажную роль в сохранении научного наследия И. Иерига сыграл и академик И. Гамель. Именно благодаря его эрудиции и преданности российскому научному сообществу, спустя почти полвека в Россию были возвращены ценные рукописи ученого.

Долгое время после смерти Иоганна Иерига его работы находились в архивах разных академических структур и отделов. Первые попытки систематизации трудов ученого были предприняты в начале XIX века, когда Академия наук проводила работу по упорядочению имеющихся восточных коллекций. В 1818 году при Кунсткамере был организован Азиатский музей – особое хранилище книг, манускриптов и других материалов стран Востока. К тому моменту большая часть сочинений, посвященных языку и культуре азиатских народов, находилась в архиве Конференции Академии наук, что доставляло большие трудности при комплектовании фондов. В июне 1819 года первый директор музея Х. Д. Френ обратился к Академии с просьбой о передаче ему соответствующих рукописей и книг [32]. Согласно протоколу № 247 от 11 августа, 1819 года Конференция удовлетворила прошение Х. Д. Френа и передала имеющиеся материалы [33], среди которых оказались следующие работы И. Иерига:

"106. Jähriг's nachgelassene Schriften:

Nr. 1. Ein Convolut mit eingeschickten Rapporten.

– 2. Uebersetzung von verschiedenen Erzählungen und Wundern, welche durch den Glauben an den Abgott Dorscha Schodbach geschehen seyn sollen.

– 3. Umständliche Begebenheit der Viehweide für den Daitching Tänggri-und

– Begebenheit des Uruss-Festes.

– Vertreibung der Leibesfrucht.

– 4. Auszug aus einem Hauptwerke genannt: Erdäni Schaschter.

– 5. Jttägäl, d.i. Glaubensbekenntnissgebet der Schaktschamunianer.

– 6. Anfangsgründe der Mongolischen und Oehletschen Schrift und Sprachlehre; des 1. Theils 1. 2. u. 3. Abtheil. p. 1-48.

– des 2. Theils 1. u. 2. Abtheil. p. 49-70.

– 7. Anfangsgründe der Tübätischen Schrift und Sprachlehre pag. 71-116.

– 8. Catalogus aller unter den Mongolischen Gräntz – Völkern gesammelten, sowohl gedruckten als geschriebener Indianischer, Tübätscher und Mongolscher Manuscripte.

– 9. Mongolischer logikalischer Wörterspiegel, pag 1-104.

– 10. Vermischte Nachrichten" [34].

В приведенном перечне под № 1 указаны "собрания рапортов", а со 2 по 10 – различные этнографические и лингвистические работы И. Иерига. Несмотря на кажущийся незначительным список из десяти наименований, он представляет собой первый каталог работ Иоганна Иерига, составленный в начале XIX века благодаря усердной работе Х. Д. Френа по организации Азиатского музея.

В 1842 году новым директором музея стал Б. А. Дорн, который также уделял большое внимание упорядочению фондов. В 1846 году он издал свою знаменитую работу "Азиатский музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге". В ней впервые были опубликованы системные сведения о научном наследии Иоганна Иерига, преимущественно по монгольской и тибетской тематике.

Б. А. Дорн определил рукописи И. Иерига в третий отдел музея, состоявший из "восточных рукописных произведений и прочих примечательных и небольших по объему напечатанных и изготовленных вручную письмен, рисунков, печатных материалов и хартий" [35]. Список представлял собой 12 работ переводчика и в нумерации Б. А. Дорна выглядел следующим образом:

"70) Jähriг, Anfangsgründe der mongolischen und öhletischen Schrift und Sprache – Lehre. Th. 1. Abth. 1-3. Th. II. Abth. 1– 2. (70 Seiten nebst einem Blättchen in 4°).

71) – Anfangsgründe der tübetischen Sprache und Sprachlehre.

72) – Mongolische Buchstaben und Forschung, enth. die Geschichte dieser Schrift p. 97-116. (p. 107 et 107.) Fol.

73) – Mongolischer lexicalischer Wörterspiegel, p.1 – 104.

74) – Ueber die religiösen Gebräuche der Mongolen. 96 Bl. Fol.

75) – Alphabetum Calmuccicum (von Jährig?).

76) – Jährig, Handschriften, dasselbe enthaltend wie Nr. 70.

77) – Eine Anzahl von ihm an die Couferenz u. s. w. gerichteter Berichte.

78) – Uebersetzung verschiedener Erzählungen von Wundern, welche durch den Glauben an den Abgott Dordscha Schodbah geschehen seyn sollen, (v. J. 1765) 4°.

79) – Umständliche Begebenheit der Vieh – Weihe für den Daitsching Tänggri oder Mall Sättärlänä (Taufe) v. J. 1775.

80) – Auszug aus einem Hauptwerke, genannt Erdäni-Schaschter, v. J. 1775.

81) – Ittägäl, d. i. Glaubens-Bekennniss-Gebet der Schaktschamunianer aus seinem Tangutischen Grundtext übersetzt.

82) – Vermischte Schriften, Nachrichten über die Kalmücken u. s. w." [36]

Сравнивая список Х. Д. Френа начала XIX века с представленным выше перечнем, можно сделать вывод о том, что они практически идентичны, за исключением некоторых деталей. Например, Б. А. Дорн дополнил первый список работ И. Иерига "калмыцким алфавитом" (№ 75), поставив при этом вопрос об авторстве. Также под № 72 он отдельно обозначил сочинение об исследовании монгольского шрифта и его истории. "Монгольский логический словарь", по всей видимости, был сознательно переименован Б. А. Дорном в "лексический", при этом в списке Х. Д. Френа, а самое главное в оригинале И. Иерига, данная работа названа "Mongolischer logicalischer Wörter-Spiegel" [37], то есть "логический" словарь. Единственное новое произведение И. Иерига, не отмеченное в списке Х. Д. Френа, называется "О религиозных обычаях монгол" и включено под номером 74.

При этом академик Б. А. Дорн не указывает на количество экземпляров работ ученого и допускает некоторые неточности в описании. Например, перевод под № 78 выполнен в 1775 году, а не в 1765 году, как указал составитель. Сложность систематизации заключалась в том, что описанию подлежали конкретные сочинения И. Иерига в его собственной нумерации, а не отдельные уже готовые архивные сборники. Учитывая, что к 1840 году Азиатский музей получил от И. Гамеля руко-

писи переводчика, вывезенные ранее Ю. Клапротом, то можно лишь предположить, что Б. А. Дорн решил просто не акцентировать внимание на количестве идентичных работ в одинаковой нумерации.

В конце XIX века масштабную систематизацию сведений об отечественном языкознании предпринял выдающийся российский ученый Сергей Константинович Булич. В своей работе "Очерк истории языкознания в России" он описал многочисленные лингвистические исследования, проведенные за всю историю отечественной науки, в том числе и Иоганном Иеригом. Ниже приведена опись материалов, полученных от переводчика Академии наук и имевшихся на тот момент в Азиатском музее, согласно сведениям С. К. Булича:

"1) "Om hain Amogolong bottugäi. Mongolischer lexicalischer Wörter-Spiegel. Aufgeschrieben und zum Druck befördert unter Hoher Direction und dessen 56-ten Reichs-Regierungs Jahre des Chinesischen Monarchen Öulä Amogoolongte-Lhau durch hiezu Hochverordnete gelehrte Gesellschaft von 4 Tübäten, 3 Mongolen und 7 Chinesen. Von Wort zu Wort verdeutscht durch Johannes Jaehrig verschiedener Mongolscher Sprachen Translateur der Russisch Kayserlichen Academie der Wissenschaften. In der Mongoley im Jahre 1783. " 2 тома: I: 68 стр. в поллиста, в конце помета: Ende des ersten Bandes durch Translateur J. Jaehrig. Mongoley a. o. 1783, d. 11-ten Juni; II: 69-104 стр. того же формата с монгольским заглавием и немецким: "Des Königs aufgeschriebenen Mongolscher Wörter-Spiegels zweiter Band von Wort zu Wort verdeutscht durch Translateur Johannes Jaehrig." [Сноска] Рукопись Азиатского музея, отд. III, № 76.). В названной библиотеке имеется и второй экземпляр этой работы Иерига, озаглавленный почти также, но в одном томе (104 стр. в поллиста) [Сноска] Рукопись Азиатского музея, отд. III, № 73 (в одном переплете с № 70, 71, 72).).

2) "Anfangs-gründe der Mongolschen und Öhletschen Schrift – und Sprach-Lehre. Erster Theil. Erste Abtheilung: Lehr-Sätze und Muster der Schreibarten (стр. 2-10). Zweite Eintheilung. Von allen Haupt-Gattungen und Zwischen-Arten der verdoppelten Selbstlauts-Töne und derselben Schreibart. (стр. 10-15). Dritte Abtheilung. Lehr – Beschreibung vom Buchstabiren und Lesen (стр. 16-48)". В конце первой части (всего 48 стр. в поллиста) помета: Кяхть, d. 12 December 1791 [Сноска] Рукопись Азиатского музея, отд. III, № 76.). Вторая часть посвящена уже калмыцкому языку и о ней см. ниже. В библиотеке Азиатского музея имеется и второй экземпляр этого труда Иерига, озаглавленный только более крат-

ко, но одинаковый с ним по формату и числу страниц [Сноска] Тоже, отд. III, № 70.).

3) "Mongolische Buchstaben-Forschung enthaltend die Geschichte dieser Schrift-Stiftung, nebst Lehre-Ertheilung wie diese Schrift mit zertheilbaren Buchstaben zur Buchdruckerey einzurichten sey. Durch Johann Jaehrig". [Сноска] Тоже, отд. III, № 72.). По-видимому – часть другого более обширного труда Иерига о тибетском языке и письме, как это показывает нумерация страниц (97-116 стр. в поллиста), а также и соединение обеих частей (о тибетском языке и литературе с "Mongolische Buchstaben-Forschung") в одно целое в другом экземпляре этой рукописи, имеющемся также в Азиатском музее [Сноска] Тоже, отд. III, № 76.). Судя по дате на этом втором экземпляре, данная работа Иерига относится к 1793 году" [38].

Очевидно, что С. К. Булич довольно детально подошел к описанию коллекции музея и впервые обозначил наличие двух одинаковых работ переводчика, при этом, однако, не объясняя причин такому обстоятельству. Он также внимательно изучил записи протоколов Конференции Академии наук, чтобы проследить наличие или отсутствие тех или иных работ И. Иерига. В результате он обнаружил, что в 1783 году переводчик "выслал нем. перевод монгольского словаря "Uhgänn-Tolli" [39], рукопись которого была получена академией, но, по-видимому, не сохранилась до наших дней" [40]. Нам также не удалось найти в архиве обозначенную работу.

Лингвистические материалы И. Иерига по калмыцкому языку С. К. Булич описал следующим образом: "Плодом этих его занятий является рукописная калмыцкая азбука, хранящаяся в библиотеке Азиатского музея Имп. академии наук (отд. III, № 75), и довольно большой рукописный трактат, уже упоминавшийся выше (стр. 402): "Anfangs-gründe der mongolschen und öhletschen Schrift-und Sprach-lehre". Вторая часть его, посвященная калмыцкому языку, озаглавлена: "Anfangsgründe der Mongolschen und öhletschen Schriftung Sprach-lehre, 2-er Theil. Schriftlehre der öhlötschen Sprache. 1791 (стр. 49-70 в поллиста). Вторая часть, как и первая (посвященная монг. языку), имеется в библиотеке Азиатского музея в двух почти одинаковых списках (отд. III, № 70 и № 76). На первом из них (№ 70) имеется помета о передаче его академии 27 февр. 1792 г., на втором такая же помета о получении 8 марта 1792 г. и собственноручная надпись Иерига: So weit gekommen d. 19-ten December 1791 aus Kjachta, von pag. 1-70. Johannes Jährig" [41].

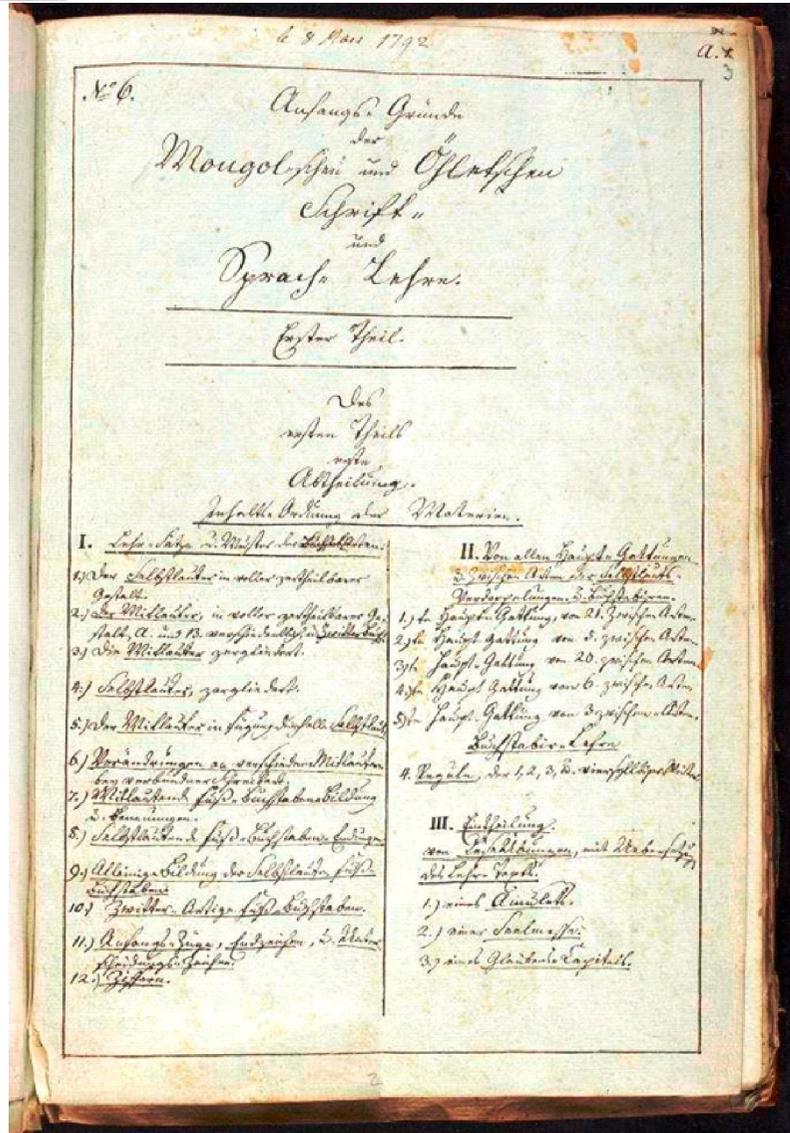

Согласно сведениям С. К. Булича к материалам И. Иерига, посвященным тибетскому языку, стоит отнести следующие работы: "В 1776 году он [Иериг] посылает академии "Alphabet de la langue Anätkäl comparé à ceux des Tangoutes-Schaar et Moungales-Gallic", а в 1777 году образчики "тангутской" азбуки и маленькую хрестоматию ("Lesebüchlein"). Ему же принадлежит рукописный труд "Anfangsgründe der Tübätischen Schrift- und Sprach-Lehre. 1792, in Kjachta an der Chinesisch-Mongolscher Grenze", хранящийся в Азиатском музее в двух списках (Отд. III, №№ 71 и 76; формат в поллиста писчей бумаги; нумерация идет от л. 71 по 96, после которого во втором списке начинается уже "Mongolische Buchstaben-Forschung", упомянутая выше...)" [42].

Помимо монгольского, калмыцкого и тибетского языков, являвшихся основой лингвистических исследований И. Иерига, он также интересовался различными родственными языками и наречиями, например, ногайским. Результатом его изысканий в данном направлении, по сведениям С. К. Булича, стало небольшое собрание числительных и фраз: "Собрание это (6 стр. в поллиста) озаглавлено (вероятно, Бакмейстером): "Tatarisch am Ende von Hr. Jählig unterschrieben. Empfangen am 4 März von dem Hr. Prof. Pallas". Русский текст (общий для целого ряда подобных собраний лингвистических материалов в XVIII в.) стоит здесь впереди, за ним следует татарский (писан арабским шрифтом и латинскими буквами, без ударений). В конце рукописи подпись: Jährig" [43].

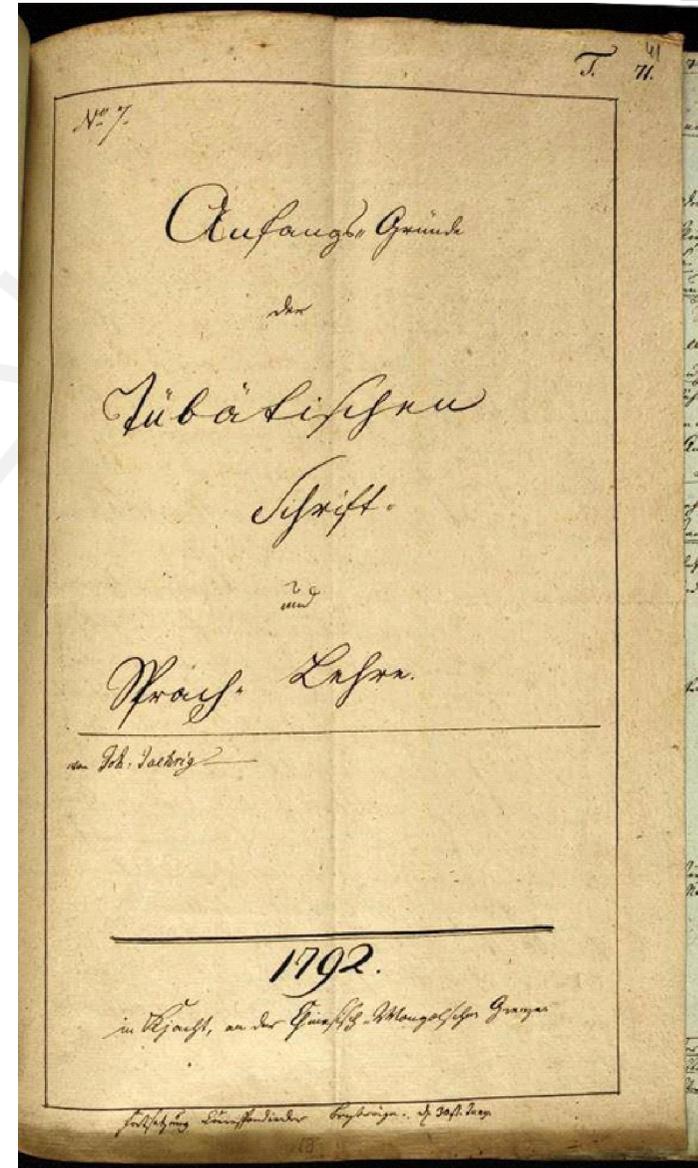
Безусловно, следует отметить значительную роль С. К. Булича в систематизации и описании научного наследия Иоганна Иерига. Его подробные сведения впервые представили на обозрение научной обществу наиболее полную и достоверную картину о количестве и основном содержании лингвистических работ И. Иерига, хранившихся в восточных фондах Академии наук в конце XIX – начале XX века.

Анализируя списки Х. Д. Френа, Б. А. Дорна и С. К. Булича, можно сделать вывод о том, что практически все обозначенные в них работы И. Иерига сохранились до наших дней и сегодня находятся в личном фонде № 21 Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Здесь же сохранились главные лингвистические сочинения Иоганна Иерига, а именно: "Основы монгольской и олётской письменности и языка, в двух частях" [44], "Основы тибетской письменности и языка" [45], "Каталог всех, собранных среди монгольских приграничных народов, а также напечатанных и рукописных индийских, тибетских и монгольских манускриптов" [46], "Монгольский логический словарь" [47].

Основы монгольской и олётской письменности и языка, 1 часть. Титульный лист. И. Иериг. 1792 г.

Источник: АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 3.

Основы тибетской письменности и языка. Титульный лист. И. Иериг. 1792 г.

Источник: АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 41.

переводы монгольских произведений и описания калмыцких обычаев, выполненные И. Иеригом в 1775 году. Они сосредоточены в единице хранения № 5/1107 личного фонда И. Иерига № 21 АВР ИВР РАН и по порядку представлены следующими рукописями: перевод сказаний о Чжамьян Шадбе I (нем. "Abgott Dorscha Schodbach"); описание церемонии освящения и жертвоприношения скота для бога войны Дайчинг Тэнгри (нем. "Daitsching Tänggri"); события праздника Урюс Сар в Калмыцкой Орде с 26 апреля по 4 мая, что по калмыцкому календарю означает с 8 по 15 день первого летнего месяца; церемонность торжества на калмыцком празднике Урюс Сар; процедура совершения аборта у калмыков, обряд взывания души, называемый Сюннюсюн Додолнэ (нем. "Sünnüssün DodoInä"); различные калмыцкие предсказания; выдержка из главного произведения, названного Эрдэни Шаштер (нем. "Erdäni Schaschter"); а также Иттэгэл (нем. "Ittägäl") – что означает молитва признания веры Шакьямуни, переведенная из его главного тибетского произведения [52].

Помимо АВ ИВР РАН, некоторые этнографические материалы И. Иерига сохранились в других российских учреждениях. Практически все буддийские изображения, выполненные И. Иеригом или приобретенные им у местных художников и лам, Конференция Академии наук направляла в Кунсткамеру. В связи с этим мы обратились за консультацией к старшему хранителю фонда Кунсткамеры "Восточная и Юго-восточная Азия" Иванову Дмитрию Владимировичу, в ходе которой он подтвердил, что у них действительно имеется как минимум шесть картин, полученные от Иоганна Иерига. В книге поступлений они значатся под общим номером 719-80/6.

Первое изображение И. Иериг прислал в Академию вместе с 5-м отчетом от 20 февраля 1782 года из дацана на Гусином озере [53]. Этот рисунок, изображающий Падмасамбхаву, хранится в экспозиции, посвященной Монголии.

В работе о буддийских культовых предметах Кунсткамеры Д. В. Иванов дает следующее описание данной иллюстрации: "...в 1782 г. Иериг отправил из Гусиного озера копию изображения Бурхана "Badmagh Sambawa". При перерегистрации коллекции в 1979 году предмет 719-80/6(6) был описан как заготовка для буддийской иконы, изображающая Падмасамбхаву в деревянной позолоченной рамке. В настоящее время эта "заготовка для иконы" выставлена на экспозиции "Монголия" в шкафу № 19. Мы вынули "заготовку" из рамки, которая скрывала края и обратную сторону изображения, и нами были обнаружены

любопытнейшие факты. Во-первых, это не заготовка для иконы, а рисунок, выполненный на европейской бумаге. На просвет можно различить филигрань изготовителя бумаги. Правда, разобрать рисунок филиграни нам не позволили технические возможности. Во-вторых, изображение подписано Joh. Jaehrig (Иериг!). В правом верхнем углу указана дата – 1782 г. В нижней части и на обороте рисунка имеются сопроводительные надписи на немецком языке. Таким образом, перед нами и есть та самая копия изображения Падмасамбхавы, выполненная Иеригом" [54].

Рисунок Падмасамбхавы. И. Иериг. 1782 г.

Источник: Иванов Д. В. Вклад Г.Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: статьи по материалам Маклаевских чтений. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 271.

Следующие четыре изображения согласно протоколам Конференции поступили в Академию от И. Иерига 2 декабря 1782 года [55]. В работе Д. В. Иванова они описаны следующим образом: "Четыре рисунка – это изображения Локапал (стражей сторон света), в описи Азиатского музея они описаны как Махаранзи. В Монголии Локапалы известны как Махараджи.

719-80/6 (1) Вирудхака – страж Юга и летнего времени года. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: hrhags skyes ro (Вирудхака). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка Кунсткамеры с номером 89. Длина – 14 см, ширина – 8 см.

719-80/6 (2) Вайшравана – бог богатства, страж Севера и зимнего времени года, главный среди четырех стражей. Он возглавляет армию Якшей – защитников буддизма. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: tam thos sras (Вайшравана). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 90. Длина – 14 см, ширина – 8 см.

719-80/6 (3) Вирупакша – страж Запада и осеннего времени года. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: mig mi bzang (Вирупакша). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером 91. Длина – 14 см, ширина – 8 см.

719-80/6 (4) Дхритараштра – страж Востока и весеннего времени. Он возглавляет армию Гандхарвов – небесных музыкантов. Картон; живопись. Под изображением имеется надпись на тибетском языке: yul 'khor bsrungs (Дхритараштра). Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 92. Длина – 14 см, ширина – 8 см." [56].

Шестое по счету изображение, хранящееся в Кунсткамере, Иоганн Иериг отправил в Академию наук вместе с отчетом от 7 января 1783 года [57].

Согласно Д. В. Иванову, этот предмет выглядит следующим образом: "№ 719-80/6(5) Дипанкара – Будда прошлого. Картон, живопись. Подписи на тибетском языке под изображением нет. Про этот рисунок

в описи Азиатского музея сказано, что он "без имени", однако на обороте имеется плохо читаемая надпись: Dinangogar... Мы можем предположить, что под Бурханом Gognar подразумевался Дипанкара, записанный в XVIII в. как Dinangogar. Изображение обрамлено в деревянную позолоченную рамку. На деревянной дощечке, закрепляющей картину в раме, имеется этикетка с номером Кунсткамеры 93. Длина – 14 см, ширина – 8 см." [58].

Рисунок Дипанкара. Неизвестный автор

Источник: Иванов Д. В. Вклад Г.Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: статьи по материалам Маклаевских чтений. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 272.

Описанные выше предметы Кунсткамеры представляют большую культурологическую ценность, так как являются редким источником по изучению истории буддизма у монгольских народов России второй половины XVIII века.

Несмотря на то, что академические инструкции Иоганна Иериго запрещали ему распространять какие-либо исследовательские материалы и информацию посторонним лицам, часть своих этнографических работ он все же передал за границу. В частности, по сведениям немецкого историка австрийского происхождения В. Хайссига, труды И. Иериго оказали большое влияние на развитие востоковедения в Германии.

Это стало возможным благодаря усилиям барона Георга Томаса фон Аша (1729–1807 гг.). Основное образование Г. Т. Аш получил в университете Гёттингена, где в 1750 году ему присвоили докторскую степень. Позже он переехал в Россию. Во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) он служил в Императорской армии на должности главного врача. За время военных действий барон Аш собрал значительную коллекцию восточных рукописей, книг, а также различных религиозных предметов и произведений искусства. Большую часть материала он отправил в университет Гёттингена, за что позднее был избран иностранным корреспондентом Гёттингенской Академии наук. Вероятно, в период военных походов, проходивших через Астраханскую губернию, барон Аш познакомился с Иоганном Иеригом. Процесс их сотрудничества в российских источниках никак не отмечен, что говорит о "латентном" характере таких взаимоотношений. По словам В. Хайссига, Иоганн Иериг передавал барону многочисленные старые монгольские рукописи, которые впоследствии направлялись советнику Гейне – секретарю Академии наук Гёттингена [59].

Итак, рассмотрим подробнее, какие именно материалы переводчика Академии наук были отправлены в Гёттинген. В. Хайссиг указывает, что среди материалов И. Иериго был монгольский молитвенный барабан с описанием его применения буддийскими монахами, а 2 мая 1794 года Георг Аш отправил в Гёттинген полученное от И. Иериго собрание ламаистских молитвенных книг вместе с амулетом в медном футляре. Эти предметы и тексты были снабжены пояснениями переводчика Академии наук. И. Иериг также передал барону "обзор монгольских букв и культуры чтения", датированный 1782 годом. К нему шло приложение, описывающее значение данных текстов, и содержащее правила их произношения [60].

При этом Георг Аш старался по большей части просить И. Иериго присылать религиозные ламаистские рукописи. К каждой из них переводчик давал короткое, но содержательное пояснение. Среди таких работ были: "Молитва при жертвоприношении или освящение и подношение даров местам, где кто-нибудь проживает", "Очищение и жертвенное изгнание бесов на все случаи жизни", "Хвалебный псалом к богу и людям, почитаемый под названием Зокто Сандан (нем. Zokto Sandan)", "Заклинание против черного воздушного пса", "Молитва против воздействия дурных снов", а также "Учение о морали святого Хомшим Бодди Саддо (нем. Chomschim Boddi Saddo)" [61]. По мнению В. Хайссига, всё, что И. Иеригу встречалось на монгольском языке, он отправлял Ашу. Среди этого было много приобретенных по случаю рукописей на новом западном монгольском письме калмыков, владением которого переводчик очень гордился [62].

Таким образом, большую часть первых монгольских фондов университета и Академии наук Гёттингена составляют именно материалы Иоганна Иериго. Несмотря на посреднический характер их взаимоотношений, Академия наук Гёттингена учла ценный вклад И. Иериго в формирование собственных коллекций, и в 1790 году заочно включила его в список своих членов-корреспондентов [63].

Помимо большого числа неопубликованных этнографических материалов И. Иериго в России и Германии, некоторые его работы, имевшие особую актуальность и представлявшие интерес для научного общества и простых читателей, были также опубликованы на страницах российской и зарубежной печати XVIII – XIX вв.

Так как основным местом службы ученого являлась Российская академия наук, то необходимо обратиться к ее главным периодическим изданиям обозначенного периода. Наиболее раннее опубликованное сообщение И. Иериго этнографического характера содержится в старейшей российской газете "Санкт-Петербургские ведомости", издававшейся Академией наук. В восьмом номере за 1778 год была размещена выдержка из двенадцатого по счету рапорта И. Иериго за 1777 год [64]. В статье под заглавием "Разные известия" [65] сообщалось, что калмыки изготавливали декохт (т.е. отвар) из травы, называемой по-русски "степная малина", которую кочевники именовали "Зергана" или "Зергена". Эта трава в изобилии произрастала на сухих, песчаных астраханских степях и отличалась отсутствием листьев и соцветий, вместо которых имелись своеобразные "иглистые" цветки, в

которых содержалось семя. На нем созревали красные ягоды, внешне напомиавшие малину, но без соответствующего вкуса. Метод лечения этим растением заключался в простом употреблении отвара большой горсти высушенных ягод, после чего больной должен был укутаться в постели и пропотеть. После процедуры следовало избавление от недуга [66].

Аналогичная по содержанию статья И. Иерига под названием "Старинное калмыцкое лекарство от ревматических болезней" [67] была напечатана в "Астраханских епархиальных ведомостях" за 1895 год. То есть данное сообщение было заново издано спустя более чем сто лет, что говорит об актуальности собранных И. Иеригом этнографических сведений в разные периоды отечественной истории.

Одни из первых материалов Иоганна Иерига о разных аспектах культуры монгольских народов были опубликованы также в "Журнале Императорской Академии Наук Петербурга" (лат.: *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*) за 1779 год. В нем содержались многочисленные выдержки из отчетов И. Иерига, в которых он сообщал об использовании калмыками желтого красителя, получаемого из особого вида лишайника, произраставшего в засушливых районах по направлению к Каспийскому морю. Кроме того, им отмечалось, что "калмыки используют этот же лишайник в качестве целебного компресса" [68]. Далее следует цитата из отчета о калмыцком лекарстве от кожных заболеваний, в основе которого использовался отвар растения "кирказон обыкновенный". Автор указывал, что это средство применялось также при лечении "охотничьих соколов, когда весной те страдали от чесотки и наносили вред своим перьям" [69]. По другим сведениям И. Иерига, лошади, скот и даже жители низин, расположенных вдоль Волги, часто страдали от гангренозных опухолей. В борьбе с этим недугом "калмыки советуют использовать эффективное средство – вид статицы (кермека), который они называют "Tusehut" [70].

Следующее сообщение И. Иерига о народной медицине кочевников было напечатано в том же номере академического журнала. Здесь автор рассказывал о средстве, применявшемся для того, чтобы вызвать носовое кровотечение. По мнению калмыков, метод, в основе которого лежал вид злака под названием "Agrostis" [71], благотворно действовал при заболеваниях глаз и опухоли головного мозга. И. Иериг описывал способ такого лечения следующим образом: "Калмыки делают комочки из этого растения, листья которого выглядят как малень-

кие пучки, и вставляют их в ноздри, совершая движения в разных направлениях до наступления желаемого эффекта" [72]. Другое сообщение содержало сведения о необычной калмыцкой "жвачке", получаемой из растения, называемого "Préanthes chondrilloides" (кокогорник). И. Иериг пишет: "Это растение обычно произрастает в песках вдоль Волги: у корня оно образует нечто вроде камедь-смолу, довольно вязкую, представляющую собой лишь молочного цвета сок этого растения. Калмыки собирают его и любят жевать; в процессе пережевывания он превращается в крайне вязкий, эластичный клей, чем-то напоминающий эластичную смолу из Бразилии" [73]. Присланный И. Иеригом образец такой "жвачки" был отправлен на химический анализ академику И. Г. Георги [74].

Наличие такого разностороннего этнографического материала, присылаемого И. Иеригом в Академию наук, было обусловлено не только инструктивными указаниями, но и личной инициативой переводчика, стремившегося наиболее обширно подойти к описанию монгольских народов России. Следует также отметить большую сложность получения такого рода материала, в особенности на медицинскую тематику. Чтобы понять условия, в которых И. Иеригу пришлось добывать необходимые сведения, приведем выдержку из книги известного врача середины XIX века Рудольфа Кребеля: "Медицина для Калмыков – божественная наука, они имеют для нее даже особенное божество (Бурхан). Врачи их (Емчи) отделены от хирургов. Последние занимаются преимущественно вывихами и переломами и очень искусны в лечении их. Они также лечат животных и выказывают при этом большую опытность. Врачи принадлежат к классу священников, черпают свои знания из книг и лечат наружные и внутренние болезни. В опасных болезнях они употребляют воду, хлеб, сыр, которые приносятся в жертвенных чашах изображениям идолов. Как последним средством служат общественные молитвы, причем надо заметить, что каждому слову таких молитв приписывают чудодейственную силу. Калмыцкий врач – шарлатан насквозь, он старается ослепить непосвященных как способом исследования больного, так и кудрявыми фразами о болезни" [75].

Значительный блок этнографических материалов Иоганна Иерига был опубликован в трудах Императорского Вольного Экономического Общества. Среди них особое значение имеют сообщения ученого о продуктах питания, традициях их приготовления и обработки, а также

различных аспектах народного хозяйства монгольских народов России.

Материалы И. Иерига о традиционной кухне монголов впервые попали в периодическую печать в 1791 году. Его сведения о мясных и молочных продуктах были напечатаны в немецкоязычном издании под названием "Сборник статей по экономике, которые были получены Вольным Экономическим Обществом на немецком языке" (нем. "Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat"). В третьем сборнике за 1791 год была опубликована статья под названием "Сообщение о натуральной молочной муке" [76]. В ней И. Иериг делился своими наблюдениями о способах обработки и употребления молока монголами, жившими в Иркутском наместничестве вдоль реки Селенга. Он описывал, как местные жители в самом начале зимы замораживали молоко в плоских лотках, затем постепенно его разогревали и извлекали из него комки застывшего продукта. Таким способом они собирали большое количество лепешек из замороженного молока в качестве заготовок на зиму. Когда мороз держался в течение длительного времени, вода и лед в молоке постепенно испарялись, поверхность лепешек покрывалась чем-то вроде муки. Ее тщательно собирали, поскольку она имела приятный сладковатый вкус и оставалась сухой при ее хранении в условиях низкой влажности. Такую молочную муку использовали в качестве замены сахара в сладких блюдах, а также заливали кипятком, восстанавливая её до состояния хорошего молока. Далее И. Иериг описывал природно-климатические условия, в которых такой продукт изготавливался и утверждал о возможности воспроизведения подобного метода в Альпах. Также он резюмировал, что этот продукт отлично подойдет для "длительных морских путешествий" [77].

Эта статья И. Иерига стала первым в мире детальным изложением способа изготовления и употребления такого популярного сегодня продукта, как сухое молоко. И уже во второй половине XIX века описанный И. Иеригом метод производства был запатентован американцем Б. Мак-Интайром [78].

Наряду со статьей о молоке, в сборник Вольного Экономического Общества за 1791 год была помещена статья И. Иерига "О продуктах монголов и их способе приготовления мяса в дороге" [79]. В ней автор рассказывал об общих принципах кулинарии кочевников, отдельных

видах блюд и методах их приготовления. Например, И. Иериг описывал своеобразное монгольское "пирожное" из муки, молока и коровьего масла. Обыденным блюдом у монголов считалась мясная похлебка с крупой и мукой. Большой популярностью пользовались различные производные молока: кислое молоко, молочный спирт, масло и т.д. И. Иериг выражал удивление сложившемуся в тот момент стереотипу о якобы повсеместном употреблении монгольскими народами сырого мяса. Руководствуясь своими двадцатилетними наблюдениями за кочевниками, он говорил об их "суеверном отвращении" ко всему сырому. Даже молоко и ключевую воду они пили либо теплыми, либо вскипяченными, и с недоумением наблюдали за европейцами, которые ели вяленое мясо, сушеную рыбу или сырую икру. Далее И. Иериг описывал необычные способы приготовления мяса монголами в пути, когда нет под рукой соответствующей домашней утвари. Сырое мясо они привязывали к седлу и когда хотели его съесть, то жарили на вертеле, либо запекали в пепле и углях, на огне, разведенном от навоза. Для его варки они изготавливали сосуд из березовой бересты, куда вместе с водой бросали раскаленные угли, от чего вода скоро закипала, и мясо приготавливалось в два раза быстрее обычного. Наиболее странный способ готовки И. Иеригу довелось наблюдать во время жертвоприношения и последующего торжественного пиршества. Монголы сдирали с жертвенной овцы шкуру и зашивали ее таким образом, чтобы получился не пропускающий воду мешок. Затем в него наливали воду, бросали куски мяса этой же овцы вместе с раскаленными камнями. Содержимое быстро вскипало и приготавливалось, после чего каждый желающий подходил со своей чашкой и получал порцию такой мясной похлебки. Пиршество сопровождалось употреблением кислого молока и молочной водки. Также монголы жарили мясо на раскаленных камнях в специально вырытой яме, прокладывая его с обеих сторон травой и засыпая сверху землей и дерном [80].

Чуть позже, в 1792 году, переводы этих сообщений И. Иерига были опубликованы также в русскоязычных "Трудах Вольного Экономического Общества" под заголовком "Уведомление о естественной молочной муке" [81] и "Известие о жизненных средствах Монгольцев, и о приготовлении их мяса в путешествиях" [82].

Также в сборниках Вольного Экономического Общества за 1791 год содержались сведения И. Иерига о некоторых монгольских ремеслах. Довольно обстоятельная статья на тему производства зеленого сафья-

на сначала была издана на немецком [83], а затем и на русском языке [84]. В ней И. Иериг писал, что для обшивки каймы и шва сапог, а также прочих вещей монголы использовали зеленую кожу, похожую на красивый европейский сафьян. Только в отличие от европейцев, кочевники не применяли для ее производства никаких химических смесей. Они длительное время вымачивали шкуру животного (овцы или козы) в кислой молочной сыворотке, после чего отчищали от остатков шерсти. Далее шкура покрывалась жирной сметаной и оставалась сушиться на земле, что смягчало ее до нужного состояния. Потом она подвергалась многократному ручному "выминанию". И. Иериг утверждал, что полученная таким образом шкура была гораздо более прочной и износостойкой, чем европейская выделка. Для изготовления зеленого сафьяна монголы раздавливали свежие цветы "шлемовника" (лат.: *Scutellaria Galericulata*) на обработанной коже, а потом вминали в неё полученный сок, который при высыхании на открытом воздухе придавал выделке необходимый зеленый оттенок [85].

Такое обстоятельное описание И. Иеригом ранее неизвестного в Европе способа обработки кожи вызвало большой интерес в Петербурге. Президент Экономического Общества граф Ф. Е. Ангалт распорядился перевести это сочинение на французский язык и за своей личной подписью направить в Королевское Туринское Экономическое Общество [86]. Сообщалось также, что И. Иериг прислал модель монгольского "самострела" – повседневного оружия, которое имело практически у каждого охотника. Особенно подчеркивалось, что оно не требует пороха и свинца, а также "ежедневной потери времени" [87].

В 1792 году Вольным Экономическим Обществом также были опубликованы отдельные письма Иоганна Иерига. В одном из них от 14 июля 1791 года ученый сообщал: "В Маньчжурско-Монгольском словаре Маньчжурского завоевателя Китая 1682 года описана китайская тушь, которую монголы называли "бекке". Она изготавливалась из сажи березовых дров с добавлением "клеякой" воды и последующим теснением в формы" [88].

Восемнадцатая часть "Трудов Вольного Экономического Общества" содержит выдержку из письма И. Иерига об уникальном лекарственном растении, которое заслужило "великого уважения у Монгольских врачей" [89]. По-тибетски оно называлось "Джакъ Тубъ", что означало "всемогущий", а в индийских сочинениях его именовали "лекарством, врачующим сто болезней" [90]. Оно росло лишь в одном месте на Мон-

гольско-Китайской границе, куда невозможно было попасть без соответствующего письменного разрешения пограничной канцелярии. Спустя долгое время И. Иеригу удалось съездить туда и собрать его свежие семена. Он отметил, что это растение любит каменистую почву, и в лечебных целях применяется только в период цветения, а корень – в глубокую осень. Разведенный в чае порошок такого лекарства оказывал сильное успокаивающее воздействие, что впоследствии приводило к полному исцелению больного [91].

Религиозные аспекты культуры монгольских народов России отражены в статье И. Иерига, опубликованной в "Журнале о России" под названием "Очерк о брахманской религии, особенно распространенной в Тибете. Наиболее процветающие главные отрасли их современной иерархии. Вместе с медными гравюрами" [92]. В предисловии к данной статье И. Буссе отмечал, что рукопись работы была передана И. Иеригом в Академию еще в 1789 году, во время его короткого пребывания в Петербурге. И так как после кончины переводчика она была слишком сложна для читателя в первоначальном виде, то господин Пастор Грот позаботился о ее подготовке к печати. В итоге были опубликованы введение и первая часть работы. Это весьма обширное произведение повествует о разных аспектах ламаизма, в том числе о его истоках, процессе перехода из Индии в Тибет, принципах организации священнослужения и т.д. [93]. Мы нашли похожую по содержанию непоименованную рукописную работу в личном фонде Иоганна Иерига АВ ИВР РАН. Проверив филигранные надписи на просвет, были обнаружены обозначения "ДОФЕБ 1798 г." [94], что свидетельствует о том, что манускрипт был выполнен уже после смерти Иоганна Иерига.

Анализ протоколов Академии наук за конец XVIII – начало XIX века показал, что данная рукопись была подготовлена упомянутым выше Пастором Гротом. Оказалось, что 21 января 1799 года Грот направил в Академию рукопись покойного переводчика И. Иерига, содержащую информацию о религиозных воззрениях и обычаях монголов, которую он по поручению княгини Дашковой должен был привести в порядок, исправить стилистические и грамматические ошибки [95]. В начале 1799 года на Конференции несколько раз обсуждался вопрос отправки в печать исправленной Пастором Гротом рукописи Иоганна Иерига [96], однако полный текст этой работы так и не был опубликован.

Интересным является еще тот факт, что этнографические работы И. Иерига, никогда не покидавшего Россию с момента переезда в по-

волжскую общину Сарепта, получили определенное распространение в зарубежной периодической печати конца XVIII – первой половины XIX века.

Интерес к его трудам в Европе во многом закономерен и связан, прежде всего, с открытием Востока. При этом нужно учитывать тот факт, что многие его работы публиковались сначала в академической периодике России, выходившей в Санкт-Петербурге, в том числе и на иностранных (немецкий, французский) языках, прежде чем оказаться на страницах зарубежных изданий. Российские журналы были хорошо известны в Европе и пользовались там определенным спросом. Таким образом, зарубежная научная и научно-популярная периодическая печать часто заимствовала уже опубликованные в России сведения, снабжая их собственными комментариями.

Первые подобные упоминания за границей о научных трудах Иоганна Иерига удалось обнаружить в немецком журнале "Обзор литературных известий" (нем.: "Allgemeine Literatur-Zeitung") за 1797 год. Это весьма популярное в свое время издание, выходившее в Лейпциге и Йене, поместило на своих страницах небольшую заметку под заголовком "О монгольских книгах библиотеки Санкт-Петербургской Академии наук" [97]. В ней идет речь о том, как господин И. Иериг провел 16 лет среди монголов, составил каталог манускриптов и книг на монгольском языке, большую часть из которых он собрал во время пребывания среди кочевого населения, проживающего на приграничной с Монголией территории России. Автор заметки подчеркнул, что "большинство описанных в каталоге писаний относятся к религиозному классу" [98]. В данной публикации имеет место ссылка на источник информации, а именно на второй номер "Журнала о России" за 1796 год [99].

Отдельные сведения о И. Иериге и его работах имеются и в англоязычной печати конца XVIII – первой половины XIX века. Так, журнал "Британская критика" (англ.: "The British Critic"), выходивший в Лондоне с 1793 по 1853 год, содержит небольшую заметку, датированную 1798 годом. В ней отмечено, что Иоганн Иериг "оставил воспоминания о религии "Bramah" [100], в настоящий момент распространенную в Тибете" [101]. В качестве источника также указан "Журнал о России", во второй номер которого за 1796 год помещена упомянутая выше статья И. Иерига [102].

В британском "Азиатском журнале" (англ.: "The Asiatic Journal"), издававшемся в 1816-1845 годах в Лондоне, в номере 23 за 1827 год

также содержится упоминания о И. Иериге. В статье "В эпоху Будды" идет речь о том, что время, в которое жил Будда остается загадкой как для Тибета, так и для Индии и Европы; указывается, что различные ученые и историки называют противоречивые даты его жизни. В частности, "Иериг в своей монгольской хронологии, опубликованной Палласом, упоминает дату рождения Будды – 991 год до нашей эры" [103].

В "Журнале Востока" (англ.: "Oriental Magazine"), издававшемся в Калькутте в 1824-1827 годах, в четвертом выпуске за 1825 год была напечатана статья о языке и литературе Тибета, где встречается упоминание известного востоковеда Ю. Клапрота, который ссылается на работу И. Иерига, также указывающую на годы жизни Будды [104]. Аналогичные сведения Иоганна Иерига были опубликованы в приложении к журналу Азиатского общества (ранее он назывался – "Журнал Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии") под названием "Полезные таблицы" (англ.: "Useful Tables"). В номере за 1834 год помещена статья под заголовком "Эра Будды" и приведен список ученых и их работ, в которых дискутируется вопрос о дате рождения Будды. Помимо сведений по этому поводу И. Иерига, упоминаются данные Юлиуса Клапрота, сэра Уильяма Джонса и др. [105].

Следует отметить, что наибольший интерес за рубежом, безусловно, вызывали материалы Иоганна Иерига, касавшиеся религиозных аспектов культуры народов монгольского происхождения. В то же время и некоторые его изыскания в области народного хозяйства кочевников, представлявшие актуальность в начале XIX века, также были отмечены в печати. Например, широкое распространение получила статья И. Иерига о способах изготовления сухого молока монголами, изданная в России еще в 1791 году [106]. В 1800 году она была переведена на английский язык и опубликована в британском издании "Справочник по ремеслам и сельскому хозяйству, состоящий из: оригинальных сообщений, спецификаций патентных изобретений и выборки полезных статей из протоколов и научных журналов философских обществ всех стран" (англ.: "Repertory of arts manufacturers and agriculture: consisting of original communications, specifications of Patent inventions, and selections of useful practical papers from the transactions and scientific journals of the philosophical societies of all nations") [107]. Несколько позже, в 1803 году, но уже на немецком языке, эта работа появилась в берлинской "Экономической и технологической энциклопедии" (нем.: "Okonomisch-Technologische Encyklopädie") под редакцией врача и уче-

ного Иоганна Крюнитца. Статья снабжена подробным анализом указанных сведений и комментариями автора энциклопедии, где, в частности, отмечается, что эти наблюдения И. Иериг сделал "во время своего путешествия по Иркутскому наместничеству вдоль реки Селенга" [108].

Обратим внимание, что ни английский, ни немецкий журналы не дают точного указания на первоисточник, что может говорить об особой значимости этих сведений И. Иерига в Европе.

Наряду с этнографическими изысканиями Иоганна Иерига научную общественность XVIII-XIX вв. также интересовали его зоологические исследования. Например, в 1779 году Академия наук опубликовала его наблюдения о водяных крысах. И. Иериг сообщил: "Эти животные активно размножаются на островах Волги, особенно во время разлива реки, который продолжается до позднего лета. Они перекочевывают, как только река возвращается в русло; мигрируют на луга, окаймляющие реку; направляясь со всех сторон огромными группами и расходясь по мере приближения зимы вглубь пустынь, расположенных на возвышенности, где они крайне досаждают калмыкам, нанося ущерб их запасам; калмыки, в свою очередь, мстят, используя шкурки животных" [109].

Ботанические наблюдения И. Иерига также публиковались в академических журналах. Так, в "Новом Журнале Императорской Академии Наук Петербурга" за 1788 год напечатан отрывок из письма И. Иерига, зачитанного в Академии наук профессором Палласом: "Господин Иериг в письме от 15 августа, написанном на озере Гусиное неподалеку от Селенгинска и адресованном господину Палласу, описывает путешествие, которое он совершил к высокой горе, именуемой монголами "Khan khatkhour" [110] или "Khatkhour Королевский" и являющейся самой высокой точкой между Селенгой и Джидой на этой части наших границ с Китайской Монголией. Здесь он собрал несколько видов растений, среди которых были упомянуты: *Barberis Altaica* [Барбарис], *Saxifraga bronchialis* [Камнеломка гребенчато-реснитчатая], *Asclepias purpurea* [Ваточник пурпурный], *le Hurecoum erectum* [Гипекоум прямой], а также новый вид – *Larsana* [Бородавник]" [111].

В другом опубликованном письме речь шла о более чем 40 видах семян, собранных во время того же путешествия Иоганна Иерига. В нем сообщалось о побочных действиях, которые на себе испытал один из учеников переводчика после того, как пожевал веточку корня

Stellera Chamaejasme (Стеллера карликовая), именуемого тангутами "Rudzik". Это растение вследствие сходства его корня с человеческой фигурой (как и у мандрагоры) русские люди называли "Мужик-корень". И. Иериг описал его эффект следующим образом: "Корень вызвал сильное воспаление гортани, что в свою очередь спровоцировало удушье, головокружение, тошноту и дрожь; большое количество выпитого молока вызвало рвоту, сопровождавшуюся коликами и диареей, за этим последовало облегчение по истечении 12 часов" [112].

План различных пассажей от приграничного форта до Байкала. И. Иериг. 1784 г.

Источник: БАН. Отдел рукописной книги. Основное собрание. № 626.

Наличие топографических материалов Иоганна Иерига во многом было обусловлено поручениями Екатерины II о составлении описания народов и территорий Сибири. В 1788 году Академия наук опубликовала стенограмму заседания Конференции Академии, в которой упоминалось о полученном от И. Иерига очерке истории народов, осевших в Иркутской губернии, над которым он работал по распоряжению губернатора. Кроме этого, сообщалось: "Ученый отправил топографи-

ческую карту с указанием местности между границами Китая и озера Байкал; на карте он отметил новую дорогу, обнаруженную им для более удобного перемещения из Кяхты к озеру Байкал; эта дорога гораздо короче общеизвестной и ведет практически напрямую к устью Ангары" [113].

Данная карта была обнаружена в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук. Она хорошо сохранилась, и поэтому удалось прочесть собственноручную надпись И. Иерига: "План различных пассажей от приграничного форта до Байкала. Переводчик монгольских языков Иоганн Иериг. Составлено и изготовлено в мае 1784 года" (нем. "Plan verschiedenen Passagen von der Grenz-Pforte bis an den Baikal. Mongolischer Translatur Johannes Jaehrig invent et fecit etc. 1784, mens May") [114].

Помимо нового пути, на карте нанесены многие топографические объекты: реки, озера, возвышенности, низменности, леса и т.д. Также И. Иериг указал их наименования, в том числе используемые местными жителями. Здесь же присутствуют многочисленные "кумирни", то есть молитвенные дома и дацаны монголов.

Таким образом, научное наследие Иоганна Иерига представлено широким спектром различных ценных материалов, среди которых рукописи и книги на тибетском и монгольском языках, переводы религиозных произведений, изображения буддийских святых и символов, топографические карты, предметы религиозной утвари и повседневного быта монголов, образцы флоры и фауны разных регионов России, многочисленные собственные лингвистические труды, этнографические наблюдения и т.д. При этом большая часть работ остается неопубликованной до настоящего времени и хранятся в архивных учреждениях и библиотеках Санкт-Петербурга, а также в университете и Академии наук Гёттингена в Германии.

4.2. ПРИЗНАНИЕ И КРИТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И. ИЕРИГА В НАУКЕ

Как правило, изучение одной лишь биографии ученого не позволяет составить объективную картину его роли в становлении и развитии той или иной отрасли знания. Необходимо изучить широкий спектр

смежных исследовательских работ и направлений, рассмотрев факты и явления в контексте их генетических предпосылок и эволюционных последствий в ходе исторического процесса. Поэтому, чтобы всесторонне оценить вклад Иоганна Иерига в науку, обратимся к трудам других исследователей XVIII-XIX вв.

В 1789 году в окончательном варианте вышел составленный Ф. Лангансом труд под названием "Собрание известий о начале и происхождении разных племен иноверцев, в Иркутской губернии обитающих, и преданиях, между ними сохранившихся о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их". По сведениям И. С. Гурвича, эта работа стала "первой обобщающей этнографической монографией о ряде народов восточной Сибири ... представляет собой обширную рукопись на 156 листах, исписанных с обеих сторон" [115]. Труд разделен на 13 глав, каждая из которых посвящена отдельному народу, за исключением первой главы, содержащей обобщающие сведения по Иркутской губернии. Сама рукопись не содержит пояснений об авторах и первоисточниках, использованных при ее составлении. Однако, по предположению И. С. Гурвича, при написании глав о монголах и калмыках с углубленным историческим введением, Ланганс воспользоваться сведениями, полученными от Иоганна Иерига [116].

Сама работа Франца Ланганса полностью не была опубликована. Тем не менее некоторые извлечения из нее с определенными дополнениями автора мы нашли в "Азиатском Вестнике", издававшемся в 20-х годах XIX века. Этот материал представлен в виде трех статей о бурятах, якутах и монголах под редакцией Г. И. Спасского. Статья о монголах представляет наибольший интерес, так как в ней, по всей видимости, были использованы материалы, собранные И. Иеригом. Она была названа "О начале и распространении монгольских народов" и опубликована в Азиатском Вестнике за 1826 год. Г. И. Спасский дает к ней следующее примечание: "Сия статья большей частью заимствована мною из рукописного собрания известий об иноверцах, обитающих в Иркутской губернии, надв. совет. Франца Ланганса" [117].

Интересную характеристику данной работе дает и Марк Косвен: "Разумея под именем монгольских народов собственно монголов, калмыков и бурят, автор говорит лишь о двух первых народах, описывает их историческое расселение, сообщает сведения из их истории, начиная с XIII в., и описывает их современное политическое состояние: упоминаются карты, имеющиеся в рукописи, но не воспроизведенные в данной публикации" [118].

Несомненно, для полноценного утверждения об участии И. Иерига в конкретном труде потребуется отдельное лингвистическое исследование, однако имеющиеся данные дают основание согласиться с предположением И. С. Гурвича о заимствовании в данной работе материалов переводчика Академии наук. К примеру, в обозначенной выше статье упоминается "Бурхан Шигимуни" [119], перевод индийской рукописи о котором И. Иериг отправлял в Санкт-Петербург еще в конце 1783 года [120]. Также комплексный анализ статьи говорит о сходстве ее содержательного компонента с научной тематикой изысканий И. Иерига. Его рукопись, выполненная по заданию иркутского губернатора, под названием "История народов северной Азии", первые части которой он выслал в Академию наук в 1785 году [121], по всей видимости, имеет непосредственное отношение к обозначенным выше материалам.

Работа Ф. Ланганса в условиях отсутствия аналогов вызвала большой интерес у современников. Она также стала основой для составленного в 1792 году "Топографического описания Иркутского наместничества, собранного из разных достоверных сведений, присылаемых в Наместническое правление..." [122]. Этот труд, как отмечает И. С. Гурвич, явился результатом работы упомянутой ранее комиссии в составе Ф. Ланганса, И. Иерига и Лобусевича, которая не ограничилась лишь этнографическим описанием Иркутской губернии. В эти топографические изыскания И. Иериг также внес свой существенный вклад. А. И. Андреев сообщает: "В собрании карт и планов Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (№ 1174) хранится "план, представляющий части двух уездов – Иркутского и Верхнеудинского, с показанием на оном полагаемой от города Иркутска около моря Байкала к Кяхте дороги; план видимо основан на изысканиях Эриха" [123].

Действительно, И. Иериг неоднократно составлял аналогичные материалы, среди которых была карта территории от Кяхты до озера Байкал [124], новый путь из Селенгинска в Иркутск [125] и другие описания местности, позволяющие сделать вывод о непосредственном участии Иоганна Иерига в топографическом описании Иркутского наместничества 1792 года.

Помимо двух обозначенных выше работ, выполненных по поручению иркутского губернского начальства, существует еще одна, предположительно составленная в рамках тех же поручений. Труд под названием "О Тунгусах вообще" был передан Академии наук Екатериной II и

издан в "Месяцеслове историческом и географическом" за 1788 год. В работе отмечено, что она была составлена в 1785 году, при этом, однако, не указан автор. М. Косвен дает ей следующую характеристику: "Это довольно обширная, обстоятельная, разносторонняя и основательная монография, посвященная тунгусам, обнаруживающая очевидное непосредственное знакомство автора с описываемым им народом" [126]. А. И. Андреев высказывает предположение о том, что автором обозначенной работы мог быть Иоганн Иериг, ввиду его "больших познаний в области языков и народов Южной Сибири" [127]. М. Косвен в свою очередь выразил сомнение относительно авторства И. Иерига, так как не усматривал "оснований к подобной атрибуции" [128]. Он же дает основную характеристику содержания данного труда: "Происхождение и древнее расселение тунгусов, их хозяйство, их древняя металлургия, религия, мифы, шаманы, погребение, средства передвижения, нравы, гостеприимство, заболевания, медицина, пища, напитки, становища, жилище, промыслы, одежда, суд, рождение, брак, свадьба, родовые отношения, исторические сведения о князьях Гантимуровых, перечень тунгусских родов" [129]. Такой обширный перечень этнографических сведений был характерен для стиля изложения И. Иерига еще со времен его Калмыцкой экспедиции.

Оригинал обозначенного выше труда был обнаружен в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Содержание вводной части этой работы говорит о сходстве исследовательских интересов переводчика Академии наук и географии его пребывания с описываемым объектом: "Один из новейших писателей, говоря о всех родах Тунгусов, занимавших до 17 столетия восточную часть Сибири, от Байкала до Мунгальских хребтов, соединяет их по происхождению с Манжурами. Сие вероятным тогда только быть может, когда восходить будем до неизвестных начал или сумнительных времен, от которых размножающиеся люди делились по родам, переменили места, ими обитаемые, распространялись или стеснялись, смотря по обстоятельствам, к тому их нудящим: и сравним остатки некоторых сходных обрядов, наречий и богослужений, которыя показаться могут одинакого происхождения; в самом же деле не одинако доказывают происхождения сих народов..." [130].

Филигранные бумаги данной рукописи указывают на то, что она составлена примерно в конце XVIII века, а стилистика выполнения нумерации страниц напоминает работы И. Иерига из АВ ИВР РАН. Совокуп-

ность приведенных аргументов, позволяет говорить об авторстве или, по крайней мере, участии Иоганна Иерига в составлении произведения "О Тунгусах вообще", напечатанного в "Месяцеслове историческом и географическом" за 1788 год.

Обозначенные этнографические и топографические работы, ставшие следствием поручений Кабинета Екатерины II, несомненно, имели ряд неточностей и наивных предположений, характерных для времени их составления, однако, как отмечает И. С. Гурвич: "В целом правительственные указы о сборе сведений по народам Сибири были выполнены на сравнительно высоком для того времени уровне" [131]. Немалая заслуга в достижении результата этого мероприятия принадлежала переводчику Академии наук Иоганну Иеригу, а его авторство в некоторых работах подтверждают авторитетные исследователи в данной области знаний.

В настоящей работе мы неоднократно упоминали о том, что материалы, отправленные Иоганном Иеригом в Академию наук, поступали в распоряжение Петра Симона Палласа для дальнейшего применения в его работе по истории монгольских народов. Так каким же образом П.С. Паллас распорядился этими рукописями?

Анализ произведений именитого академика показал, что использование материалов И. Иерига происходило часто без указания его авторства, что, безусловно, усложняет поиск. Например, во введении к первой части "Собрания исторических сведений о монгольских народах", вышедшего в 1776 году, Иоганн Иериг был отмечен лишь в качестве "полезного помощника" [132]. Во второй части своего труда о монголах профессор Паллас в качестве приложения опубликовал "Различные наблюдения, добавления и поправки, которые частично были получены от переводчика Иерига" [133].

Известный немецкий историк и этнограф Д. Шорковитц указывает на то, что при разработке "Собрания исторических сведений о монгольских народах" П. С. Паллас использовал материалы С. Г. Гмелина, получая при этом обширные этнографические консультации Г. Ф. Миллера. При этом, учитывая, что Паллас не владел монгольским языком, то собранные рукописные материалы переводчика И. Иерига составили "большую часть второй главы этого произведения" [134]. Д. Шорковитц резюмирует: "С большой вероятностью мы должны быть ему [Иеригу] благодарны за то, что Паллас в своем "Собрании исторических сведений о монгольских народах" смог нам передать весьма обшир-

ный и полноценный вариант исторических и генеалогических "Разъяснений об ойратах" хрониста Габан Шараба [Gaban Sarab]. Опубликованные в фундаментальной биографии Палласа (под ред. Ф. Вендланда) отрывки писем и другие указания дают повод выдвинуть предположение, что большая часть "Собрания исторических сведений о монгольских народах" может быть приписана авторству И. Иерига" [135].

Столь смелое предположение Д. Шорковитца основано на данных другого современного немецкого историка Ф. Вендланда, что не позволяет нам достоверно оценить степень участия И. Иерига в составлении трудов П. С. Палласа. Для составления объективной картины мы сопоставили имеющиеся во втором томе "Собрания исторических сведений о монгольских народах" материалы с переводами и сочинениями, которые И. Иериг прислал в Академию наук за время своей службы. В итоге выяснилось, что в качестве приложения № 1 к работе П. С. Палласа включен перевод с тибетского языка произведения под названием "Иттэгэл, или ежедневная молитва и вероисповедание Шакьямуни" (нем. "Ittägäl oder tägliches Gebet und Glaubensbekänntniß der Schaktschamunianer") [136]. Напомним, что перевод с тибетского языка данного сочинения Иоганн Иериг прислал в Академию вместе со своим отчетом от 15 октября 1775 года из Калмыцкой Орды [137].

Вторым по счету приложением ко второму тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах" является перевод с монгольского языка "Мацакгиен-Чого, что значит катехизис для тех, кто хочет прилежно держать в течение месяца пост или так называемый Мацак" ("нем. Mazakgien-Tschogo, d.i. catechistischer Unterricht für diejenigen welche die monatlichen drey Mazak oder Fasttage pünktlich halten wollen") [138]. Работу с аналогичным названием Иоганн Иериг прислал в Академию наук вместе с рапортом от 5 марта 1776 из Енотаевки [139].

Третье приложение к сочинению П. С. Палласа обозначено как перевод с тибетского языка текста под названием "Аршанэ-Ном или священная молитва при приготовлении к освящению воды Аршан" (нем. "Arschanäh-Nom oder Weyhe-Gebet bey Zubereitung des heiligen Wassers Arshan") [140]. Данное произведение, ставшее подарком от калмыцкого духовенства, И. Иериг прислал в Академию наук с отчетом от 25 марта 1779 года из Енотаевки [141].

Приложение под номером четыре ко второму тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах" именуется так: "Выдерж-

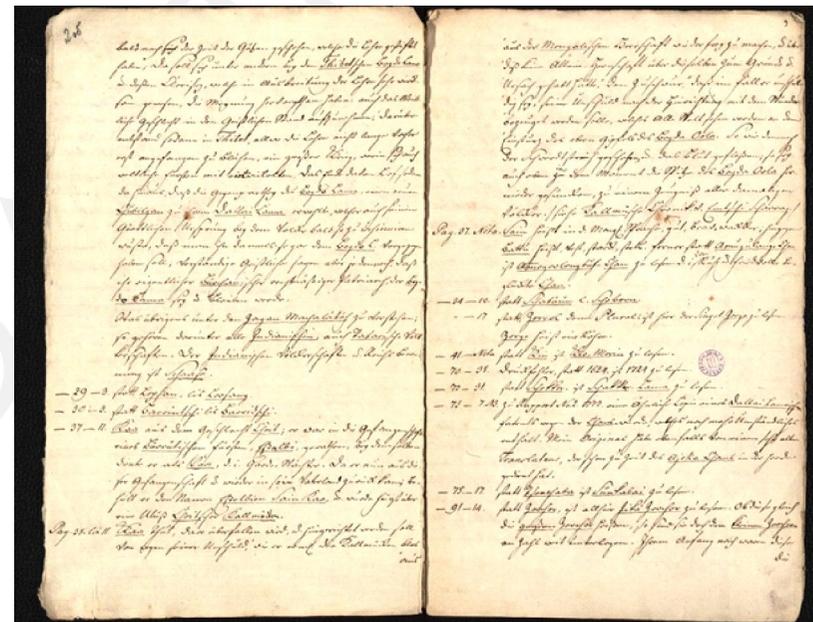
ка из большого тибетского сочинения Мани-Кабум, которое содержит легенды о высоком бурхане Абида, Хондшин-бодди-саддо и Шакьямуни" (нем. "Auszug eines großen tangutischen Werks Mani-Gambo, welches die Legenden vor den großen Burchanen Abida, Chondschin-boddi-saddo und Schaktschamnnih enthält) [142]. Перевод тибетского апокрифа "Мани-Кабум" Иоганн Иериг прислал в Академию наук с отчетом № 16 от 15 декабря 1781 года [143]. В конце данного перевода П. С. Паллас все же указал источник материала: "Здесь заканчивается выполненная выписка из Мани-Кабума покойного переводчика Иерига, и мне не известно, чтобы он когда-либо присылал продолжение..." [144]. В то же время В. А. Эрлих отмечает, что П. С. Паллас включил в свою работу все "восемь глав полностью и часть девятой главы тибетского апокрифического сочинения XV-XVI вв. "Маникабум"..." [145].

Приложением № 5 к работе П. С. Палласа является перевод с тибетского языка "Короткой выдержки из трех оригинальных индийских текстов о жизни и учении бурхана Шакьямуни" (нем. "Kurzer Auszug aus drey Indianischen Original-Schriften über das Leben und die Lehren des Burchans Schaktschamuni") [146]. Данное произведение на 8-ми печатных страницах Иоганн Иериг отправил в Академию наук 13 декабря 1783 года из дацана на Гусином озере [147].

Шестым и седьмым приложениями ко второму тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах" включены следующие переводы с монгольского языка: "Генеалогия перерожденцев (хубилганов) монгольского знатного патриарха Хутукту Джибсун Дамба Дараната" (нем. "Chubilganische Wanderungs-Genealogie des mongolischen vornehmsten Patriarchen Chutuktu Dsibsun Damba Daranatah") [148] и "Выдержка из Хубилганской хронологии второго монгольского патриарха Донгкор-Мансушири-Хутукту" (нем. "Auszug aus der Chubilganischen Chronologie des zweyten mongolischen Patriarchen Dongkor-Mansuschiri-Chutuktu") [149]. Отметим, что в течение 1782 года И. Иериг неоднократно присылал в Санкт-Петербург переводы хронологии жизни различных монгольских "духовных правителей" [150], среди которых были и указанные выше персонажи.

Таким образом, все приложения ко второму тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах", кроме последнего под № 9 (текст присяги, приносимой калмыками при крещении), являются работами Иоганна Иерига, оправленными им в Санкт-Петербург в период его службы в Академии наук. И лишь в двух из них (№ 4 и № 8) П. С. Паллас указывает автора материала.

Значительную роль Иоганна Иерига в составлении трудов Петра Симона Палласа подтверждает также найденная в Российском государственном архиве древних актов уникальная рукопись, датированная февралем 1778 года [151].

Примечания Г. Эриха к путешествию Палласа и описанию Монгольского народа. 1778 г.

Источник: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 749. Л. 2-3.

Этот документ представляет собой развернутый комментарий И. Иерига с его постраничными замечаниями к вышедшему в 1776 году первому тому "Собрания исторических сведений о монгольских народах" своего академического куратора. Большую часть данных замечаний и комментариев П. С. Паллас в итоге опубликовал в качестве приложения № 8 ко второму тому своего произведения, посвященного монголам [152].

Мы сопоставили замечания, сделанные И. Иеригом, с фактическим текстом комментируемой им книги. Оказалось, что, например, при описании истории поволжских кочевников П. С. Паллас допустил ошибку в дате смерти первого калмыцкого хана Аюки, указав 1624 год

[153]. И. Иериг отметил данную неточность в своей рукописи, предложив академику исправить ее на 1724 год [154].

В то же время в основном содержании второго тома "Собрания исторических сведений о монгольских народах" все же имеется несколько упоминаний о И. Иериге. Например, П. С. Паллас указывает его в качестве "свидетеля" способа исчисления солнечного и лунного затмения у калмыков [155]. В раздел "Духовная этика лам" П. С. Паллас включил следующий случай, описанный И. Иеригом: "Один старый зюнгарский [156] лама собственными усилиями провел обычную службу об упокоении души одного прирученного и умного пса [волка], который был застрелен чужаком и умер еще перед тем, как упасть перед ногами своего хозяина. Причем служба была проведена как в отношении совершенно особенной и превосходной души. Вообще вера в перевоплощение души делает калмыков доброжелательными и благоговящими, и при всех их предрассудках их нельзя назвать нетолерантными..." [157].

Объясняя представления монголов о перерождении души после смерти, П. С. Паллас приводит еще одно интересное наблюдение И. Иерига: "Среди поволжских торгутов и дербетов в мое время не было достоверно известно о перерождении души, равно как и один молодой священник подверг подозрению такое перерождение в качестве большого дара. Однако совсем недавно господин Иериг сообщил мне, что недалеко от Енотаевки видел мальчика восьми лет, который с рождения не захотел съесть даже самого маленького кусочка мяса. Его пища – это трава, молочные и мучные продукты, масло и чай, которые он также ни разу не употреблял из тех сосудов, в которых приготавливались мясные продукты, чей запах он всегда чует и лучше будет голодать, чем из такой посуды что-либо положит себе в рот. Такое необычное отвращение ко всякому умерщвленному животному [мясу] кажется калмыкам достаточным поводом удостоить этого мальчика особенным вниманием и ценить его как святого перерожденца" [158].

Материалы И. Иерига были использованы П. С. Палласом также при описании церемонии торжественного освещения воды Усун Аршэнэ, которая проводилась ламаистскими священниками ранним летом, вскоре после праздника Урюс Сар, и приходилась на разные, конкретно не определенные дни. В 1775 году такой праздник освещения воды происходил в присутствии переводчика И. Иерига 18 сентября в Хошутовском улусе на нижней Волге [159].

Необычное наблюдение, сделанное И. Иеригом, профессор Паллас включил в раздел "Предрассудки монгольского народа". П. С. Паллас пишет: "Ни с чем не сравнимое суеверие калмыки называют "Хаддерган" [Chadderган]. Оно произошло, когда мой переводчик Иериг однажды захотел получить такой опыт, предприняв путешествие через Астрахань на другую сторону Волги к гипсовым горам "Арфагар" [160]. Тому или иному [человеку] среди ночи устраивали ужас: его войлочную кибитку, веревочки или ленты шатра или всякую одежду как будто ножами изрезали на кусочки без какой-либо видимой причины. Некоторое время после этого, эти кусочки должны были указать на падеж скота и после того владелец такого скота, часто откочевывал от других, оставшихся здоровыми стад. И наконец, люди из этой семьи, встретившиеся при таком происшествии, должны были умереть. В этих случаях, за которые я не хочу ручаться, собираются в светлую ночь многие священники со всей своей церковной музыкой вокруг такого владельца, и все знакомые, которые только могут собраться, ложатся вокруг кибитки [кочевки], а вместе ведомые стада в разных местах, укрытые войлоком и коврами, перемещаются в сопровождении вооруженного караула. В этот момент из воздуха должен появиться небесный символ: какое-нибудь уродливое животное или, например, верблюд без головы, и медленно опуститься на стадо, в которое тот час же со всей силой стреляют и потом набрасываются. Это должно происходить по заклинанию священников при поддержке громкой музыки. Калмыки твердо верят в злых духов, чье появление они себе представляют воображаемыми образами, которые тот час устраняются и больше не возвращаются" [161].

П. С. Паллас отметил еще один калмыцкий обряд, который по свидетельству И. Иерига совершался достаточно часто. Он представлял собой следующее: "При различных болезнях, когда человек без обранных надежд на выздоровление лежит в болях и угрозе смерти, священники дают понять бедным калмыкам, что душа посредством искушения демонами, находится в постоянной борьбе и неравновесии, против чего следует находить убежище в различных тарни и других молитвах. Обыкновенная духовная операция в таких случаях – это зывание души "Сюннүсюн Додолнэ" [Sünnüssün Dodohlnä], при которой изготавливаются аккуратные деревянные весы, и в одной чаше лежит шапка пациента, в другую кладется сырое мясо, чтобы примерно было достигнуто равновесие. Лама или другой видный священник совер-

шает при этом определенную молитву, во время которой смотрят на то, в какую сторону наклонятся весы. Если перевесит шапка, то это означает выздоровление больного, и наоборот" [162].

П. С. Паллас уделял большое внимание описанию религиозных церемоний и обрядов. Свидетелем одного из таких действий в 1775 году стал И. Иериг. Ему удалось присутствовать при жертвоприношении и освящении скота (нем. "Mall Setterlänä") для повелителя духов войны (нем. "Daaitsching Tänggri"). Переводчик предоставил профессору обширное описание данной церемонии, подготовка к которой выглядела следующим образом: "Князь (только князья или знатные люди, при большом скоплении народу и священников, в состоянии организовать такое празднество) определяет в качестве таких жертв верблюда, быка, шесть лошадей, одного козла и одну овцу. Каждое животное подводится особенным слугой на веревке и привязывается к длинному, натянутому между двумя столбами канату. Перед животными возводится алтарь из земли высотой в аршин, и каждому жертвенному животному на шею прикрепляют короткую шелковую уздечку с напечатанными на ней тарни..." [163].

Действительно, в основном содержании рассматриваемой работы П. С. Палласа все же фигурирует имя И. Иерига в качестве автора тех или иных сведений. Однако комплексный анализ трудов академика говорит о том, что большую часть материалов своего подопечного он все же использовал без указания его авторства. При этом именно ценные материалы И. Иерига вошли в основное содержание и приложения второго тома "Собрания исторических сведений о монгольских народах", а также состав других работ П. С. Палласа. Таким образом, мы можем сделать вывод о значительном вкладе Иоганна Иерига в составление трудов монгольской тематики своего научного руководителя и академического наставника.

Среди ученых, использовавших в своих работах материалы И. Иерига, помимо Ф. Ланганса и П. С. Палласа, следует также отметить известного востоковеда Юлиуса Клапрота, который вывез из России большую часть лингвистических материалов переводчика Академии наук. Степень заимствования в данном случае установить достаточно сложно, для чего потребуются провести специальную лингвистическую экспертизу всего наследия Ю. Клапрота, что не является предметом настоящего исследования. Однако, опираясь на авторитет одного из самых значимых тибетологов XIX века И. Я. Шмидта, можно утверж-

дать о значительном влиянии работ И. Иерига на творчество Ю. Клапрота. И. Я. Шмидт подчеркивает: "Заметки Клапрота о монгольском и тибетском языках и обычаях являются, если не чистым плагиатом неизданного рукописного наследия переводчика Иоганна Иерига или его опубликованных трудов, то не больше чем жалкой попыткой невежественного присвоения чужих работ" [164].

Приведенные выше сведения позволяют утверждать достаточно высокую степень заимствования материалов Иоганна Иерига отечественными и зарубежными учеными XVIII-XIX вв. Данный вывод свидетельствует о фактическом признании высокого уровня и уникальности работ переводчика Академии наук его современниками и последователями. В то же время, руководствуясь принципом объективности и историзма, необходимо обратиться к мнению самих ученых на результаты исследовательской деятельности Иоганна Иерига.

Первыми, кто смог лично оценить И. Иерига как ученого, несомненно, были его современники, к которым в первую очередь относится профессор П. С. Паллас. В своем труде об истории монгольских народов он отмечал большую пользу, которую ему оказал И. Иериг [165]. За время службы переводчика П. С. Паллас неоднократно защищал его интересы в Академии наук, при этом, однако, порой выражал недовольство его небрежностью в работе [166], а также непунктуальностью в выполнении отдельных поручений [167].

Академический библиотекарь И. Г. Буссе высоко ценил знания монгольского языка И. Иерига, а также его мастерство в переводе и аккуратнейшем копировании всех восточных писем, что, по его мнению, заслуживало "особой похвалы" [168]. Он также подчеркивал, что личность И. Иерига мало известна, но ни в коем случае не должна быть забыта, особенно, когда шла речь о монгольском фонде Академии наук [169].

В самом начале XIX века Бенджамин Бергман – последователь дела Иоганна Иерига писал о нем следующее: "Покойный Иериг – восторженный почитатель монголов, был почти единственным, кто с точки зрения литературы изучал монгольские народы. Мы благодарны ему за, несомненно, важные материалы, которые собрал он в одиночку и расширил наше представление о монгольских диалектах при минимальном количестве нужных знаний, которые требуются для такой работы" [170].

При этом Б. Бергман отмечал и недостаток такого "литературного" подхода в исследованиях, указывая на то, что методы И. Иерига не

могли надлежащим образом познакомить европейцев с монгольскими народами. Свою точку зрения он обосновывал тем обстоятельством, что большая часть "простых" кочевников "не печалются ни о литературе, ни о мифологии" [171].

По мнению Б. Бергмана, фрагментарные переводы с монгольских текстов, которые поставлял И. Иериг, хотя касались существенных областей монгольской литературы, но в целом давали так мало полезной информации, и так посредственно были переведены, что "не могли предоставить никакого движения вперед, а всего лишь предлагали для чтения очередной вид документа" [172]. Подобная критика ученого была основана на его глубоком убеждении в том, что любой перевод всегда сильно искажает оригинальный текст. Б. Бергман указывал: "В одном я уверен, что можно получить те же самые широко благоприятные суждения о монгольских письменах, если бы он [П. С. Паллас] прочел некоторые из этих текстов в оригинале: сила выражения красоты отдельных вещей, которая находится во всех текстах монголов, перо Иерига не могло скопировать без того, чтобы не изобразить это в форме прелестной карикатуры" [173]. Говоря обо всех недостатках Иоганна Иерига в контексте его взаимоотношений с П. С. Палласом, Б. Бергман справедливо заметил, что "лучшего материала, чем отрывки сочинений Иерига перед глазами, профессор просто не имел" [174].

К. Швайтцер, анализируя данную критику ученого относительно качества переводов И. Иерига, отмечает, что такой подход Б. Бергмана показывает, во-первых, что эти материалы служили ему основой собственных калмыцких исследований, а во-вторых, что в основном он критикует только стиль передачи текста, о чем можно "бесконечно и безошибочно спорить" [175].

Отдельные стороны деятельности переводчика Академии наук оценил также первый директор Азиатского музея Х. Д. Френ. В переписке с Ю. Клапротом он восхищался ценной коллекцией монгольских и тибетских рукописей, собранных Иоганном Иеригом [176].

Впервые попытку системного анализа монгольских исследований И. Иерига предпринял И. Я. Шмидт. Он выступил с некоторой критикой в адрес переводчика Академии наук, предоставив ему следующую, в целом положительную характеристику: "Одно только достопохвальное исключение в сей толпе Монгольских толмачей составлял Иериг (Jahrig), который любил рыться в Монгольских книгах и спрашивать о их содержании людей сведущих, и сим способом приобретал

довольно обширное познание Монгольского языка туземцев. Но жаль, что он не имел никакого ученого и литературного образования и даже не обладал собственным своим языком, вследствие чего сокровище собранных им сведений о Монгольском языке осталось непристойным хаосом, которого он не был в состоянии прояснить и привести в порядок" [177].

И. Я. Шмидт был также первым, кто с точки зрения лингвистики охарактеризовал один из главных трудов И. Иерига "Основы монгольской и олётской письменности и языка". Он отметил: "Азиатский Музей Академии Наук обладает многими рукописями Иерига, и между прочим одной под заглавием: "Anfangsgründe der Mongolischen und Oehlötischen Schrift und Sprachlehre". Судя по сему названию, можно было подумать, что это Монгольская Грамматика, но совсем нет: вы не найдете тут ничего похожего на Грамматику, ничего о частях речи и изменениях или систематическом порядке оных; а только многословное, тяжеловесное наставление правильно читать и писать по Монгольски и несколько кратких отрывков из Монгольских сочинений, с которыми, однако, отнюдь не должно соединять понятия о хрестоматии. Вместо того, чтобы составить поучительное руководство к познанию языка, разных частей речи и их соединения, Иериг ограничился только тем, что присовокупил к Монгольским словам произношение оных, а самый текст, содержащий в себе предметы отвлеченные, далеко превышавшие его понятия – переложил самым жалким образом" [178].

Наряду с резкой критикой в адрес монгольских произведений И. Иерига академик Шмидт подчеркнул его немаловажную роль в формировании творчества П. С. Палласа: "Если бы ученый Паллас сам был знатоком языков, то получились бы великолепные материалы, которые он благодаря необученному и необразованному, но при этом дельному и усердному монгольскому переводчику Иеригу упорядочил совершенно по-другому, избежав большого количества недоразумений и ошибочных толкований" [179].

При этом И. Я. Шмидт отметил и существенные недостатки в такой научной кооперации двух ученых: "Иериг ... которому Паллас обязан почти всеми своими материалами для изображения Ламутской веры, в своем собрании исторических сведений о Монгольских народах, был человек, вовсе неспособный к таковому изысканию. А посему почти все в означенном сочинении, что не относится к исторической части и

ко внешнему богослужению, темно, сбивчиво и перепутано. Иериг заменил почти все места буддистских книг, которых не мог понять (и таковых было не мало) высокопарными, бестолковыми фразами своего изобретения, а Паллас, не исправив ничего существенного, облек только эту бессмыслицу в более понятные выражения" [180].

Следует отметить, что столь жесткая критика со стороны И. Я. Шмидта не учитывала конкретные исторические обстоятельства, в которых И. Иеригу пришлось работать. Например, К. Швайтцер говорит о том, что тибетские учителя И. Иерига не были родными носителями этого языка, а являлись ламами, чьи знания, вероятно, были ограничены священными писаниями на классическом тибетском языке, в лучшем же случае они могли учиться в Лхасе (столице Тибета) [181]. В таких условиях требовать от И. Иерига высококачественных переводов тибетских произведений было просто невозможно.

Несмотря на столь значимые упреки И. Я. Шмидта в отношении тибетских работ И. Иерига, он все же признавал, что лучшего специалиста в сфере перевода монгольских текстов ко второй половине XVIII века просто не существовало. Академик отдельно подчеркивал: "Иериг, которому, однако, не хватало соответствующего образования, привнес редкие сведения в знания о монгольских диалектах, и он был способен переводить как монгольские, так и калмыцкие книги, к чему, насколько мне известно, не был способен ни один русский переводчик, с которыми мне доводилось быть знакомым" [182].

Другой академик Ф. П. Аделугн высоко оценивал проделанную Иоганном Иеригом работу. В одном из своих произведений начала XIX века он сообщал: "Иериг полностью выполнил свою цель, и хотя не имел специального образования, он расширил свои коллекции многими предметами, относящимися к языку, обычаям, религии, истории и антиквариату народа, рекомендованного ему для наблюдения. А ныне его хранящиеся в архиве Императорской Академии наук бумаги, остаются без особой хвальбы, хотя и тут и там используются с большим интересом" [183]. Ф. П. Аделугн также писал о помощи, которую И. Иериг оказал Л. И. Бакмейстеру при составлении сравнительного словаря всех языков и наречий, в особенности это касалось тибетского и ногайского языка [184].

В 1847 году в одном из столичных журналов под названием "Финский вестник" была напечатана статья В. В. Григорьева, посвященная истории создания монгольского словаря О. Ковалевского. В ней автор

упоминает переводчика Академии наук, давая ему весьма высокую оценку: "Не зная сам по-монгольски, он [П. С. Паллас] большую часть этих сведений обязан был переводчику своему, сарептскому колонисту Иеригу, вероятно, первому из европейцев, ознакомившемуся в подлинниках с произведениями монгольской литературы, потому что толмачи монгольского языка из русских были, полагаем, слишком мало образованы для того, чтобы практические свои знания в этом языке имели охоту прилагать к изучению писанных на нем книг" [185].

Представленные сведения современников И. Иерига и наиболее авторитетных исследователей XIX века в целом положительно характеризуют результаты его научной деятельности на службе в Академии наук. При этом значительная часть ученых отмечает, что основным недостатком И. Иерига являлось отсутствие соответствующего специального образования, что непосредственно повлияло на качество некоторых его работ.

Теперь перейдем к рассмотрению более современной историографии. Один из самых авторитетных историков языкознания С. К. Булич в начале XX века писал о том, что лучшим знатоком калмыцкого языка во второй половине XVIII века был именно И. Иериг [186]. Он также называл переводчика Академии наук "наиболее ревностным исследователем монгольского языка и собирателем материалов для его изучения" [187]. Комплексно анализируя все языковые исследования, проведенные в XVIII веке в России, С. К. Булич резюмирует: "Во всяком случае, работы Иерига своей обстоятельностью и количеством превосходят все, что было у нас сделано в XVIII в. для изучения монгольского языка" [188].

Автор монографии о И. Я. Шмидте, известный историк Х. Вальравенс, комментируя материалы И. Иерига, указывает на большую актуальность изучения его наследия: "Иериг, обстоятельства жизни которого, безусловно, заслуживают освещения, относится, вероятно, к тому незначительному числу немцев незаслуженно преданных забвению, отличившихся своей работой в области ориенталистики в России ... такое исследование о "Немцах – основателях школы востоковедения в России" было бы весьма благодарной задачей и дало бы впоследствии весьма ценные и неожиданные результаты" [189].

Советский исследователь Т. К. Шафрановская, автор первой развернутой статьи об Иоганне Иериге, в качестве одного из главных преимуществ наследия переводчика Академии наук отмечает разносто-

ронность выполненной им работы: "В основном он был монголистом, но в круг его деятельности входило также изучение тибетского языка. Он интересовался не только языкознанием, но также историей и этнографией монгольских народов. Его внимание не раз привлекали и индийские материалы по истории религии и астрологии. К тому же Иериг был еще и естествоиспытателем. Он собирал коллекции минералов, растений, иногда он обращался и к зоологии. И. Иериг был энциклопедистом, подобно руководителям и основным деятелям знаменитых академических экспедиций 1780-1783 гг. (Паллас, Гмелин, Лепехин, Фальк, Гильденштедт), изучавших все, что им удавалось наблюдать во время путешествий. Рукописное наследие Иогана Иериго сохранилось. Оно содержит множество материалов, написанных, впрочем, трудным для чтения готическим почерком. В дальнейшем на основании изучения его рукописей удастся, несомненно, точнее выяснить его место в развитии монголистики в нашей стране в XVIII в." [190]

Т. Н. Савинова, говоря о скудном объеме сведений, посвященных Иоганну Иеригу, отмечает, что "между тем в истории востоковедения ему принадлежит одно из ведущих мест среди отечественных корреспондентов Академии наук" [191].

Немецкий историк Д. Шорковитц в своих работах высоко оценивает вклад И. Иериго в мировую ориенталистику, в частности он пишет: "Располагая минимальными условиями, автодидакт И. Иериг, находясь среди калмыков на Волге, в Кяхте, Селенгинске и Удинске, выполнял под руководством П. С. Палласа важные самостоятельные этнографические, монгольские, тибетские и естественнонаучные исследования для Академии наук, не получив за это благодарности, соразмерной его усилиям ... Всю свою жизнь он оставался связанным обязательствами и одновременно временным сотрудником Академии наук, который постоянно находился в безденежье, и чьи сообщения в виде выдержек зачитывались Палласом Академии, перед тем как использовать их в собственных целях. Учитывая, что Иериго никогда не причисляли к членам Академии наук, его научное влияние на российскую и немецкую ориенталистику можно назвать значительным, а его совместную работу с П. С. Палласом весьма плодотворной" [192].

Другой немецкий исследователь Ф. Вендланд, автор биографии П. С. Палласа, оценивает роль И. Иериго в творчестве профессора как "чрезвычайно важную" и отмечает его большое влияние на развитие востоковедения в целом [193].

Значимость материалов И. Иериго для развития немецкой ориенталистики наиболее четко впервые описал Вальтер Хайссиг. В монографии, посвященной монгольским народам, он указывает на то, что для расширения знаний о монголах в Европе деятельность И. Иериго имела особенное значение. Благодаря его исследовательской активности в Германию впервые поступил ряд монгольских манускриптов, по большей части религиозного содержания. С его первыми, отправленными через барона фон Аша манускриптами, И. Иериг положил основу "зарождавшемуся немецкому учению о культуре и религии монголов" [194]. В. Хайссиг особенно подчеркивает тот факт, что И. Иериг был первым, кто системно занимался языком, религией и обычаями монголов, а после него в России возросло количество ученых, которые осуществляли монгольские исследования. Резюмируя анализ влияния деятельности И. Иериго на немецкую науку, В. Хайссиг пишет: "То, что было собрано бароном фон Ашем при поддержке Иоганна Иериго, было первым свидетельством монгольской письменности, полученным в Германии" [195].

Современный автор первой краткой биографии И. Иериго на немецком языке К. Швайтцер, анализируя научное наследие переводчика Академии наук, выделил его рукопись "Основы тибетской письменности и языка", подчеркнув, что "если бы она была когда-нибудь опубликована, то тибетология признала бы его [Иериго] в качестве одного из основателей данной науки" [196]. Обратим внимание на тот факт, что автор наиболее ранней грамматики тибетского языка И. Я. Шмидт, широко критикуя научное наследие И. Иериго в своих трудах, никак не упоминает данную работу переводчика. Таким образом, неопубликованные к настоящему моменту "Основы тибетской письменности и языка" И. Иериго, опередив на несколько десятков лет собственное сочинение И. Я. Шмидта о тибетской грамматике, вполне возможно являются первым произведением такого характера.

П. А. Алексеева, автор небольшой статьи о калмыцких исследованиях И. Иериго, основываясь на большом объеме писем и материалов переводчика в АВ ИВР РАН, делает вывод о значительном вкладе И. Иериго в развитие монголоведения в России, и считает, что его можно назвать одним из первых "калмыковедов в России" [197].

В статье, посвященной монгольским гимнам, хранящимся в АВ ИВР РАН, К. А. Эдлеева называет И. Иериго первым собирателем таких письменных источников. По ее данным, именно переводчик Академии наук

приобрел первые рукописные монгольские гимны "во время поездок по Монголии в 1781-1787 гг." [198].

Д. В. Иванов в своей работе, посвященной буддийским фондам Кунсткамеры, отметил большое значение материалов И. Иерига в деле формирования коллекций учреждения: "Иоганна Иерига можно по праву считать одним из основоположников отечественной монголистики" [199].

В. Э. Раднаев указывает на то, что И. Иериг "известен как знаток монгольского и тибетского языков, вошел в начальную историю зарождающегося монголоведения в России автодидактом, неутомимым деятелем в ориенталистике XVIII в." [200]. Что касается научного наследия переводчика Академии наук, то В. Э. Раднаев высоко оценивает рукописи ученого и называет его одним из первых "составителей грамматики монгольского языка и монгольского словаря" [201].

Таким образом, ученые и исследователи XX-XXI веков, имея возможность взглянуть на творчество И. Иерига в контексте исторического развития, практически единогласно отмечают его роль "первооткрывателя" в системном изучении культуры и языка монгольских народов России.

Предложенный выше анализ широкого спектра оценок исследовательской деятельности Иоганна Иерига, предоставленных различными учеными разных эпох, в очередной раз доказывает большой интерес к его трудам во все периоды развития отечественной и зарубежной науки. В то же время наличие "здоровой" научной критики лишь дополнительно актуализирует труды переводчика Академии наук как для истории, так и для многих других областей знаний.

Рассматривая историческую судьбу научного наследия Иоганна Иерига, можно резюмировать, что значительная часть его работ в конце XVIII – начале XIX века была вывезена за пределы России. По сведениям немецкого историка В. Хайссига, еще при жизни И. Иериг передал большое количество религиозных рукописей и предметов церковной атрибутики монголов барону Г. Т. Ашу, который впоследствии переправил их в университет Гёттингена в Германии. Часть материалов И. Иерига попали в Германию через профессора П. С. Палласа. Многие лингвистические и этнографические работы из личной коллекции ученого в начале XIX века были вывезены академиком Ю. Клап-

ротом в Европу. Вернуть в Россию удалось лишь некоторые рукописи И. Иерига, попавшие в распоряжение академика И. Гамеля, который в 1840 году направил их в Российскую академию наук.

Сохранившиеся в России труды И. Иерига долгое время не имели четкой системы, пока в первой половине XIX века не была проведена каталогизация восточных коллекций Академии наук. Результатом этих мероприятий стали первые списки работ ученого, составленные Х. Д. Френом и Б. А. Дорном. В начале XX века С. К. Булич опубликовал описание лингвистического собрания И. Иерига, хранившегося в Азиатском музее Академии.

До наших дней сохранился небольшой рукописный фонд И. Иерига в АВ ИВР РАН, в числе которого, помимо собрания рапортов и приложений к ним (в виде переводов и сообщений), имеются главные лингвистические труды ученого, посвященные исследованию грамматики монгольского и тибетского языков. Отдельные рукописные материалы И. Иерига были обнаружены в коллекциях Кунсткамеры, рукописном отделе Российской национальной библиотеки, Библиотеке Академии наук, а также РГАДА.

Большая часть работ И. Иерига, хранящихся в архивных учреждениях, остается неопубликованной, однако некоторые его статьи, а также выдержки из отчетов все же были изданы в периодических изданиях конца XVIII – второй половины XIX века. Среди них отметим российские академические журналы конца XVIII века, а также труды Вольного Экономического Общества 1791-1793 годов, где опубликован большой объем естественнонаучных наблюдений ученого. Кроме того, материалы И. Иерига удалось найти в немецкой и английской периодике XVIII-XIX веков, что говорит о значительном интересе как отечественной, так и зарубежной аудитории к Иоганну Иеригу и результатам его исследований.

Отдельным направлением в изучении вклада И. Иерига в развитие востоковедения стало рассмотрение проблемы заимствования его сведений другими учеными. Так, этнографические и топографические описания Иркутской губернии, составленные в конце XVIII Ф. Лангансом, в большой степени были основаны на изысканиях И. Иерига. Они же представляют значительный объем "Собрания исторических сведений о монгольских народах" П. С. Палласа, особенно второй части этого произведения, где практически все приложения являются работами И. Иерига без указания его авторства. По сведениям И. Я. Шмид-

та, известный востоковед Ю. Клапрот также прибегал к недобросовестному использованию материалов И. Иерига в своих исследованиях.

Полноценную картину значимости результатов исследовательской деятельности И. Иерига удалось составить путем рассмотрения мнений наиболее известных специалистов в области истории и языкознания по данному вопросу. Современники ученого (П. С. Паллас, И. Г. Буссе) признавали его незаурядные способности в деле перевода монгольских и тибетских текстов. Характерной для востоковедов XIX века (Б. Бергман, И. Я. Шмидт) была критика качества лингвистических произведений И. Иерига ввиду отсутствия у него специального образования. В то же время они отмечали уникальность такого специалиста, как И. Иериг для второй половины XVIII века и большую ценность его работ в условиях отсутствия аналогов. Многие исследователи XX века (С. К. Булич, Т. К. Шафрановская, В. Хайссиг, Х. Вальравенс), анализируя деятельность И. Иерига в контексте исторического развития, признавали его роль первопроходца в деле системного изучения монгольских народов России, а его труды называли первыми письменными источниками знаний о структуре их языка и письменности. Современные ученые (К. Швайтцер, Д. В. Иванов, В. Э. Раднаев) также отмечают большую ценность этнографических и лингвистических трудов переводчика Академии наук и перспективы изучения его неизданного научного наследия.

Представленные сведения подтверждают значительную роль Иоганна Иерига в становлении как востоковедения в целом, так и отдельных его отраслей: монголистики, тибетологии, буддологии. При этом научный и творческий потенциал ученого был полностью реализован в России при поддержке Российской академии наук, что свидетельствует о его принадлежности к числу выдающихся российских востоковедов XVIII века.

Заключение

Привлеченный для осуществления данного исследования материал открывает дальнейшие перспективы, в том числе и для комплексного лингвистического анализа трудов Иоганна Иерига. В частности, большой научный потенциал может иметь изучение рукописи "Основы тибетской письменности и языка", содержащей наиболее ранние из известных науке сведений о структуре тибетского языка. Кроме того работы И. Иерига, посвященные основам монгольского языка, располагают уникальными данными о состоянии калмыцкого языка в конце XVIII века.

Помимо лингвистических материалов интерес представляют труды И. Иерига о религии монгольских народов России, в которых содержатся данные об истории распространения буддизма у калмыков и бурятов, что является актуальным направлением современных теологических и культурологических исследований. Кроме того большой массив неопубликованных рукописей ученого посвящен разным аспектам народного творчества и ремесла монголов.

Исследовательская деятельность Иоганна Иерига, а также его личная биография долгое время оставались "темной" страницей в истории становления и развития отечественного востоковедения. Отдельные заметки и даже некоторые попытки комплексного биографического описания предоставляли лишь фрагментарную информацию об ученом.

В ходе проведенного исследования были даны ответы на главные вопросы как о биографии И. Иерига и оставленном им рукописном и опубликованном наследии, так и о влиянии его работ на развитие науки. Предложенная периодизация позволила выделить основные принципы и подходы исследовательской деятельности ученого на разных этапах его карьеры в Академии наук.

С помощью комплексного анализа архивных документов удалось обозначить причинно-следственные связи между главными событиями в жизни и творчестве И. Иерига.

На основании всего вышеизложенного Иоганна Иерига можно по праву считать выдающимся российским ученым XVIII века, внесшим значительный вклад в становление отечественного и мирового востоковедения.

Примечания

ПРИМЕЧАНИЕ К ВВЕДЕНИЮ

1. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 252-254.
2. Под данным термином мы понимаем народы монгольской языковой группы (монголыязычные народы) алтайской семьи языков, проживавшие в XVIII веке преимущественно на территории Поволжья и Забайкалья в границах Российской Империи (калмыки, буряты). См.: Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М.: Изд-во Московского университета, 1958. – С. 195-197, 445-457.
3. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь Мир, 2000. – С. 40.
4. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106; № 6/1108.
5. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5.
6. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 135.
7. НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. № 70. Л. 18.
8. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (Доп.). Д. 397.
9. UMA. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770; A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta; B.6 AC-Prot.Sarepta; B.9 AufsC-Prot.Sarepta; Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Kopie der Originalkartei im Gemeinarchiv Königsfeld.
10. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.
11. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. 1771-1785. СПб.: Тип. ИАН, 1900; Протоколы заседа-

ний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 4. 1786-1803. – СПб.: Тип. ИАН, 1911.

12. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782): Научное описание / сост. И.И. Любименко; под ред. акад. Д.С. Рощественского; ред. Г.А. Князев, Л.Б. Модзалевский. – М.; Л.: АН СССР, 1937.

13. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а.

14. УМА. А.06.06. R.12.A. B.31 Rentel N.; A.12 R.04.E. 22.1 Nitschmann M.

15. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 1/1103, № 2/1104, № 3/1105, № 5/1107, № 6/1108.

16. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 7. Ед. хр. № 149. Л. 11-14.

17. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 749. Л. 1-6.

18. БАН. Отдел рукописной книги. Основное собрание. № 626.

19. Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1778. № 8. С. 91-92; *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pars prior. 1.* St. Petersburg: Petropoli Typis Academiae Scientiarum, 1779. S. 65-68; *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. III.* St. Petersburg, Petropoli Typis Academiae Scientiarum, 1788. S. 81-85; Jählig J. *Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek // Journal von Russland.* Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. St. Petersburg, 1796. S. 126-137; Jählig J. *Grundriß der Brachamanischen Religion, besonders des in Tübät zc. blühendsten Hauptzweiges ihrer gegenwärtigen Hierarchie; nebst einem Kupfer // Journal von Russland.* Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 201-212.

20. Jählig J. *Bekanntmachung eines natürlichen Michmehls // Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat.* Dritter Band. St. Petersburg, 1791. S. 315; Jählig J. *Nachricht der von den Lebensmitteln der Mongolen und deren Zubereitung des Fleisches auf Reisen // Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat.* Dritter Band. S. 341-345; Jählig J. *Von der Gerberien der Mongolen und einer Art grünen Saffians // Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat.* Dritter Band. S. 325-326;

Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – СПб., 1792. – С. 331; *Труды вольного экономического общества.* Ч. 18. – СПб., 1793. – С. 269-274.

21. *Allgemeine Literatur-Zeitung.* Zweyter Band. April, May, Junius. Numero 202. Jena; Leipzig, 1797. S. 797; Krunitz J.G. *Okonomisch-Technologische Encyklopadie.* Т. 90. Berlin, 1803. S. 649-650.

22. *The Asiatic Journal and monthly register for British India and its dependencies.* Vol. 23. January – June. London, 1827. P. 782; *The Quarterly Oriental magazine, review and register.* Vol. 4. Nos. 7 and 8. July – December. Calcutta, 1825. P. 103; *The British Critic. A new review for January, February, March, April, May and June.* Vol. 11. London, 1798. P. 211; *Useful Tables. Forming an Appendix to the Journal of the Asiatic Society. Part the First. Coins, Weights, and Measures of British India.* Calcutta, 1834. P. 32; Jählig J. *Account of a natural Flour of Milk // Repertory of Arts Manufactures and Agriculture: Consisting of Original Communications, Specifications of Patent Inventions, and Selections of Useful Practical Papers from the Transactions and Scientific Journals of the Philosophical Societies of All Nations.* Vol. 13. London, 1800. P. 427-428.

23. Suter C. *Geschichte der Gemeine Sarepta 1765-1775.* Herrnhut, 2007. S. 151.

24. Pallas P.S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften.* Zweiter Theil. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1801. S. 90.

25. Dorn B. *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg.* St. Petersburg, 1846.

26. Булич С. К. *Очерк истории языкознания в России.* Т. 1 (XIII в. – 1825 г.).

27. Иванов Д.В. *Вклад Г.Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры.* – С. 261-276.

28. Heissig W. *Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte;* Heissig W. Claudius C. Müller. *Die Mongolen.*

29. Bergmann B. *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1.* Riga, 1804.

30. Schmidt I.J. *Forschungen im Gebiete der Elteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-*

Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. St. Petersburg; Leipzig, 1824.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Историческая область на юго-западе Германии.
2. Journal von Russland. Herausgegeben von J. H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 123.
3. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg, 1815. S. 34.
4. Григорьев В. В. Монгольско-русско-французский Словарь состав. О. Коваревским // Финский вестник. – Т. 21. – СПб., 1847. – № 10. – С. 4.
5. Там же.
6. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 401.
7. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 163.
8. Медведев В. Н. Иоганн Иериг. – С. 6.
9. Клименко Л. И. Архив Сарепты в 1765-1917 гг. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2006. – Вып. 1. – С. 7.
10. Савинова Т. Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 56.
11. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 163.
12. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.
13. Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. III. S. 81-83.
14. Шмидт И. Я. Руководство для изучения Монгольского языка, составленное г-ном Шмитом. Извлечено из донесения г-на Шмита, читанного 17 марта 1830 г. // Чтения императорской Академии наук. Отд-ния наук ист., филол. Кн. 1. – М., 1831. – С. 96.
15. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 23-24.

16. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil. St. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. S VI.
17. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – СПб., 1890. – С. 469.
18. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 203.
19. Там же. – С. 704.
20. Алексеева П. Э. О людях и времени: сборник статей. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – С. 14.
21. Астраханские епархиальные ведомости. – Астрахань, 1895. – № 11. – С. 331.
22. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 403.
23. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. – Элиста: АПП Джангар, 2002. – С. 31.
24. НА РК. Ф. 35. Оп 1. Ед. хр. № 70. Л 18.; Алексеева П.Э. О людях и времени. – С. 14.
25. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714-1900 / науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головки. – СПб., 2004. – С. 164.
26. Письмо Иерига от 07 июня 1779 г. См.: АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
27. Рукописные материалы химиков второй половины XVIII в. в Архиве Академии Наук СССР: научное описание / сост. Н.М. Раскин; редкол.: М.А. Безбородов, Г.А. Князев, Н.А. Фигуровский. – М.; Л.: АН СССР, 1957. – С. 109.
28. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – С. 469.
29. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 41.
30. Annalen der Braunschweig Luneburgischen Churlande. Fünfter Jahrgang. Hannover, 1791. S. 525.
31. Ibid.

32. Pütter J. S. Versuch einer academischen Gelehrten-Geschichte von der Georg-Augustus-Universität zu Göttingen. Dritter Theil von 1788 bis 1820. Hannover, 1820. S. 507.
33. Schweitzer K. Johann Jährig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen.
34. Augustin, S. Rezension: Schweitzer Karlheinz: Johann Jährig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. Bearbeitet und herausgegeben von der Geschichtswerkstatt Büdingen, Joachim Cott. Büdingen: Geschichtswerkstatt 2008. 46 S., 10 Abb., 1 Titelbild u. 1 Karte // Jahrbuch der Staatlichen Ethnographischen Sammlungen Sachsen, Band XLV. Berlin, 2010. S. 365.
35. Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. S. 413.
36. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B3,%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD> (дата обращения: 17.11.2017).
37. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Johannes_J%C3%A4hrig (дата обращения: 17.11.2017).
38. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=AFD1AF24-34DE-9E41-BB87-CB4B7D9180A4&ida=20> (дата обращения: 17.11.2017).
39. URL: <http://xn---htbmfiobpnc5m.xn--p1ai/%D0%B2-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5/17-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0/%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8/> (дата обращения: 17.11.2017).
40. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. IV (7). Битбург – Босха. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. – С. 165.
41. Бедник Н. И. Дом гернгутеров в Санкт-Петербурге // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII-XX вв. / отв. ред. Т. А. Шрадер. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – Вып. 7. – С. 51.
42. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.
43. Ibid.
44. Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. S. 50.
45. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.

46. Ibid.
47. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.
48. Ibid.
49. Ibid.
50. Ibid.
51. Schweitzer K. Johann Jährig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. S. 5.
52. Weigelt H. Geschichte des Pietismus in Bayern: Anfänge – Entwicklung – Bedeutung. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. S. 326.
53. Ibid.
54. Meyer D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine. S 81.
55. Ibid.
56. Ibid. S 83.
57. Beyreuther E. Studien zur Theologie Zinzendorfs: gesammelte Aufsätze. Berlin – Charlottenburg: Neukirchener Verlag, 1962. S. 132.
58. Ibid.
59. Ibid. S. 133.
60. UMA. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770.
61. Ibid.
62. UMA. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Bd. J.
63. UMA. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770.
64. Ibid.
65. Serapeum: Zeitschrift für Bibliothekwissenschaft, Handschriftenkunde und ältere Litteratur. Achtzehnter Jahrgang. № 11. Leipzig, 1857. S. 163.
66. Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда. Собр. соч. в 10-ти т. – Т. 3. – М., 1976. – С. 228.
67. Beyreuther E. Studien zur Theologie Zinzendorfs: gesammelte Aufsätze. S. 125.

68. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – С. 47.
69. Teigeler O. Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. S. 72.
70. Kohls W. A. Beitrag zur Geschichte der deutschen Kolonisten in Rußland. Eine Untersuchung russischer Pressepolemik und der deutschen diplomatischen Berichte aus der St. Petersburger Amtszeit des Botschafters von Schweinitz // Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 59. Berlin, 1973. S. 149.
71. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – С. 42.
72. Там же.
73. О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 16. № 11720. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 126-127
74. Манифест 22 июля 1763 г. "О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах" // История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. – М., 1993. – С. 18-22.
75. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – С. 53.
76. Там же.
77. О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 16. № 12057. – С. 547-548.
78. Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии Опекунства иностранных графа Орлова – О правилах для поселения в России братского Евангелического общества // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 17. № 12411. – С. 151-160.
79. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. – С. 101.
80. Вебер М. Избранные произведения. – С. 115.

81. UMA. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770.
82. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – С. 64.
83. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. – С. 108.
84. Там же.
85. Там же.
86. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
87. Синкевич Г. И. Дом Сарептского общества в Петербурге // Журнал СПбГАСУ "Мастер`Ок". – СПб., 2012. – №1(10). – С. 30-33.
88. Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского исповедания // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 18. – № 12852. – С. 61-65.
89. Пушкарёв И. И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. – СПб.: Тип. деп. внеш. торг., 1843. – С. 302.
90. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. – С. 107.
91. Вероятно, речь идет о русско-турецкой войне 1768-1774 годов.
92. Suter C. Geschichte der Gemeinde Sarepta 1765-1775. S. 151.
93. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
94. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. – С. 109.
95. Максимов А. А. Реформа самоуправления в колонии Сарепта 1877 г. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – Волгоград, 2007. Вып. 3. – С. 92-125.
96. Herwig H. Die Brudergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschmus. Breslau, 1936. S. 52.
97. Медведев В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. – С. 103.
98. О непокупке бухарцам и калмыкам в Тобольске и в других городах соболей и мягкой рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия сибирским инородцам и китайцам, и постро-

ении в пограничных местах для торгу с китайцами гостиного двора // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 4. № 1800. С. 59-61.

99. Suter C. Geschichte der Gemeinde Sarepta 1765-1775. S. 223-224.

100. UMA. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770.

101. Гильман Р. А. Художественная роспись тканей: учеб. пособ. – М. : ВЛАДОС, 2008. – С. 6.

102. UMA. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta (zum 5. November 1771). S. 55.

103. UMA. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta (zum 1. November 1771). S. 55.

104. Во второй половине XVIII века так именовали территорию Калмыцкого ханства, а после его упразднения – места расселения калмыков, преимущественно в Астраханской губернии.

105. Медведев В.Н. Иоганн Иериг. – С. 6.

106. Augustin S. Rezension: Schweitzer Karlheinz: Johann Jährgig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. ... S. 368.

107. Фундаминский М. Миссия Сарепты среди калмыков в XVII-XIX вв. // Материалы научной конференции "Исторические отношения между калмыками на Нижней Волге и общиной в Сарепте с 18 по 20 века в области истории, науки, религии и культуры". – Волгоград, 2001. – С. 276.

108. Гуревич П. С. Философия человека. Ч. 1. – М., 1999. – С. 99.

109. Там же.

110. Максимов А. А. Безопасность колонии Сарепта в 1771-1774 гг. // Астраханские краеведческие чтения. – Астрахань: Изд-во Р. В. Сорокин, 2010. – Вып. 2. – С. 166-171.

111. Таубе М. М. Значение деятельности гернгутских миссионеров для исследования калмыцкого языка и культуры // Материалы научной конференции "Исторические отношения между калмыками на Нижней Волге и общиной в Сарепте с XVIII по XX века в области истории, науки, религии и культуры". – Волгоград, 2001. – С. 256.

112. Таубе М. М. Значение деятельности гернгутских миссионеров для исследования калмыцкого языка и культуры. – С. 257.

113. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 22.

114. UMA. A.06.06. R.12.A. B.9 Aufsc-Prot.Sarepta (zum 13. März 1772).

115. UMA. A.06.06. R.12.A. B.9 Aufsc-Prot.Sarepta (zum 27. März 1772).

116. Володжанский И. С. Научная деятельность гернгутеров Сарепты (к. XVIII – н. XX в.в.): специфика, динамика и мотивация развития // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Ч. 1. – Волгоград: МИРИА, 2011. Вып. 4. – С. 122.

117. Роттердамский Э. Философские произведения. – С. 322.

118. Вебер М. Избранные произведения. – С. 181.

119. UMA. A.06.06. R.12.A. B.9 Aufsc-Prot.Sarepta (zum 8. Mai 1772).

120. Ткаченко Д. С. Экспедиции Академии наук в становлении образа Кавказа в Российской Империи рубежа XVIII-XIX вв. // История: факты и символы. – 2015. – № 4 (3). – С. 85.

121. Алексеева П. Э. Иоганн Иериг и калмыковедение. – С. 54.

122. Самуил Готлиб Гмелин (1745-1774 гг.) – российский ученый немецкого происхождения. В 1766 году был приглашен на службу в Российскую академию наук. В 1768 году возглавил академическую экспедицию по изучению южной части России. В 1772 году отправился в Персию, однако в районе Дербента был взят в плен хайтыцким ханом и в 1774 году скончался в заточении. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIIIА (16). Германия – Го. – СПб. : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1893. С. 931.

123. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. № 20. Л. 25.

124. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 3. Juli 1772). S. 51-52.

125. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 2./13. August 1772). S. 58.

126. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 108.

127. НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. № 29. Л. 115.

128. Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 (А-И) / под ред. В. Карева. – М. : ЭРН, 1999. – С. 585.

129. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 15. Juli 1772). S. 54.

130. Петр Симон Паллас, один из крупнейших естествоиспытателей, родился в Берлине 22 сентября 1741 г. Сын известного хирурга, он уже в 13-летнем возрасте слушал лекции в Берлинской Медико-Хирургической Академии, а в возрасте 19 лет получил степень доктора медицины. После этого он предался естественно-историческим занятиям, работал в Англии и Голландии и напечатал свои первые зоологические работы в 1766 г. В конце этого года он был избран Петербургской Академией Наук профессором естественной истории, но поселился в Петербурге лишь летом 1767 г. (впервые присутствовал на заседании Конференции Академии 16 июля). Через год он уехал в 6-летнюю экспедицию, посетил Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, Байкал, причем изучал не только природу, но и жизнь и нравы народностей посещаемых местностей: калмыков, бурят, монголов и др. Результатом этой экспедиции явилось его трехтомное сочинение "Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs". St. Psg. 1771-1776, появившееся затем и в русском переводе. Помимо ряда выдающихся зоологических и ботанических работ, он дал и ряд этнографических, из которых главной является его "Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften", 2 тома, 1776 и 1801. См.: Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782). С. 436-437.

131. UMA. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta (zum 22. Juni 1773). S. 67-68.

132. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 25. Juni 1773). S. 45.

133. Под термином "Kallik", очевидно, имеется в виду письменность калмыков – ясное письмо, или "тодо бичиг". Само слово восходит к монгольскому "γaliγ", обозначающему особый транскрипционный алфавит галик, дополняющий уйгуро-монгольский алфавит графемами для записи слов иноязычного происхождения. См.: Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) / отв. ред. С. Г. Кляшторный; Академия наук СССР, Отделение истории, Институт востоковедения. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 72-77.

134. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 130.

135. UMA. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta (zum 22. Juli 1773). S. 82.

136. Ibid.

137. UMA. A.06.06. R.12.A. B.9 AufsC-Prot.Sarepta (zum 23. Juli 1773).

138. Glitsch A. Geschichte der brüdergemeine Sarepta im ostlichen Russland während ihres hundertjährigen bestehens: Nacharchivalischen Quellenbearbeitet von Alexander Glitsch. Selbstverlag des Verfassers, 1865. S. 166.

139. Джунгария – Территория, лежащая к северу от Тянь-Шаня и составлявшая некогда Чжунгарийское царство. В первой половине XVIII в. границы Джунгарии определялись линией, идущей от озера Балхаш у устья реки Лягуз на север до Иртыша, по Иртышу до его истоков, далее на юг до восточной оконечности хребта Тянь-Шань, на запад по этому хребту до Алая, отсюда по Ферганскому хребту до его северо-западного конца, затем к тому месту, где ныне стоит город Аулие-та; пересекая среднее течение реки Чу и идя вверх по последней, граница оканчивалась у южного берега озера Балхаш. Войны с Китаем привели Джунгарию к падению. С 1758 г. она окончательно вошла в состав Китайской империи, а с проникновением русских вглубь Средней Азии часть чжунгарийских владений постепенно отошла к России, в состав областей Семиреченской и Семипалатинской. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXVIIIА (76). Человек – Чугуевский полк. – СПб.: Семеновская Типография (И.А. Ефрона), 1903. – С. 805-809.

140. Вишнякова И. В. К вопросу о бегстве волжских калмыков в Джунгарию в 1771 году // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2000. – Вып. 2. – С. 45.

141. Schweitzer K. Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. S.14.

142. Ibid.

143. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 24. und 25. Juli 1773). S. 51.

144. UMA. A.06.06. R.12.A. B.31.115 Rentel N. an [Daniel Fick] (Astrachan, 17. August 1773).

145. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 252.

146. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 5. September 1773). S. 65.

147. В XVIII веке так называли тибетский язык.

148. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782). – С. 437.

149. Там же.
150. Монгольские народы, проживавшие в районе реки Селенги, берущей истоки в Монголии и впадающей с юго-востока в озеро Байкал.
151. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782). – С. 437.
152. Там же.
153. Там же.
154. UMA. A.06.06. R.12.A. B.31.117 Rentel N. an [Daniel Fick] (Astrachan, 14. September 1773).
155. UMA. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta (zum 27. September 1773). S. 132.
156. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под ред. В. Л. Комарова. – М.; Л. : АН СССР, 1940. – С. 98.
157. UMA. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta (zum 18. und 19. November 1773). S. 81-82.
158. UMA. A.12 R.04.E. 22.1.e Nitschmann M. an Johann Jacob Bossart (Sarepta, 13. Januar 1774).
159. UMA. A.12 R.04.E. 22.1.d Nitschmann M. an Johann Jacob Bossart (Sarepta, 13/24. November 1773).
160. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 4. – С. 1183.
161. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 108.
162. Л. И. Бакмейстер – знаменитый русский библиограф; род. 15 марта 1730 г. в Герренбурге, деревне в мекленбургском княжестве Рацебург, учился в Рацебурге, Любеке и Иене, где изучал правоведение, но, не окончив курса, сделался домашним учителем, путешествовал по Голландии, а в 1760 г. принял место гувернера в Лифляндии. В 1762 г. переселился в Петербург, где три года состоял воспитателем детей архиятера Кондоиди и вместе с ними совершил путешествие в Стокгольм. По возвращении, он в 1766 году получил место инспектора Академической гимназии, которое занимал до

- 1778 года. Затем он перешел в финансовое ведомство и здесь служил до 1801 г., когда вышел в отставку с чином статского советника. Умер в Петербурге 22 мая 1806 г. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. IIA (4). Ауто – Банки. – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1891. – С. 742-743.
163. Савинова Т. Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 53.
164. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 369.
165. Григорьев В. В. Монгольско-русско-французский Словарь состав. О. Коваревским. – С. 4.
166. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 108.
167. Suter C. Geschichte der Gemeine Sarepta 1765-1775. S. 260.
168. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания / под ред. А. А. Бодалева.– М.: Изд-во "Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1996. – С. 7.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. UMA. A.12 R.04.E. 22.1.e Nitschmann M. an Johann Jacob Bossart (Sarepta, 13. Januar 1774).
2. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil. S. V/VI.
3. Ehrmann T. F. Neueste Kunde vom Russischen Reiche in Europa und Asien: nach dessen gegenwärtigem Zustande aus Quellen dargestellt. Weimar. Landes-Industrie-Comptoir, 1807. Taf. 10.
4. Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil.
5. Леман И. И. Гравюра и литография. Очерки истории и техники. – М.: Центрполиграф, 2004. С. 80.
6. UMA. A.12 R.04.E. 22.1.e Nitschmann M. an Johann Jacob Bossart (Sarepta, 13. Januar 1774).

7. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. – С. 98.
8. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 32. Ед. хр. № 1.
9. Священная для калмыков гора в районе озера Баскунчак.
10. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 140.
11. НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. № 72. Л. 99-102.
12. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 132.
13. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 10.
14. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
15. Тарни (от санскр. dhāraṇī) – буддийские заклинания. См.: McBride R. D. II. Dhāraṇī // *Encyclopedia of Buddhism* / Edited by Robert E. Buswell, Jr. New York: Macmillan Reference USA, Thomson Gale, 2004. P. 217.
16. Санскрит. См.: Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Том первый. Казань: В Университетской типографии, 1844. – С. 167.
17. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. – С. 183.
18. Хойты, наряду с дербетами, зюнгарами, торгутами и хошутами, являются основными элементами раннего ойратского союза. Родословная хойтских нойонов начинается от Дува-Сохора, жившего в середине IX в., через Эмнега и Хадуха-беки (современника Чингисхана). См.: Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. – 2-е изд. – Элиста, 2002. – С. 201.
19. Подробнее см.: Султанов Т. И. Чингиз-хан и его потомки. – Алматы: Мектеп, 2003. – С. 13.
20. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
21. Подробнее см.: Султанов Т. И. Чингиз-хан и его потомки. – С. 85.
22. Подробнее см.: Там же. – С. 84.
23. Толкование мантры – одно из произведений, полученных П.С. Палласом от монголов во время его физической экспедиции 1768-1774

- гг. См.: Pallas P.S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil.* S. 90.
24. Монгольские племена, придерживающиеся шаманства, поклоняются небу (тэнгри), являющемуся высшим представителем всех сил природы. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIV (67). Трумп – Углеродистый кальций. – СПб. : Семеновская Типография (И.А.Ефрона), 1902. – С. 302.
25. Бурхан – монгольское слово, соответствующее санскритскому Будда; у буддистов-монголов обозначает изображения многочисленных их божеств, изготавливаемые из разнообразных материалов и различными способами. Изображения буддийских божеств (бурханы) столь многочисленны, что не только видеть их всех, но и судить о каждом из них, по описаниям, едва ли возможно. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. V (9). Буны – Вальтер. – СПб.: Семеновская Типография (И.А.Ефрона), 1891. – С. 53.
26. Обряд освящения водных источников у калмыков. См.: Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – С. 373.
27. По-монгольски гайс: зло, несчастье, дурная болезнь, чёрт, бес и т. д. См.: Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 1: А – Г / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – М. : Academia, 2001. – С. 357.
28. Всенощное богослужение у калмыков. См.: Pallas P.S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil.* S. 284.
29. Высшая ступень калмыцкого духовенства. См.: Bergmann V. *Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1.* S. 69.
30. Средняя ступень калмыцкого духовенства. См.: Ibid.
31. Сэтэр – это ленты, привешиваемые к скоту, посвященному духам. Соответственно сэтэртэ мал – посвященный духам скот, священное животное. См.: Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3: О – Ф / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М. : Academia, 2001. – С. 165.
32. Вероятно, речь идет о церемонии принесения в жертву животного, как правило, барана одному из небесных духов (тенгри) – покровителю скота. См.: Бадмаева Л.Б. *Летопись Вандана Юмсунова* –

памятник письменной культуры бурят XIX в.: исследование, текст, транслитерация, перевод, комментарии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – С. 380.

33. Часть субургана (своего рода часовня богатых людей для очистки грехов и в надежде на будущее воздаяние), состоящая из девяти драгоценных материалов: золото, серебро, различные драгоценные камни, жемчуг и т.д. См.: Timkovskij G. Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821: Reise durch die Mongoley: Mit einem Kupfer und einer Karte. Teil 1. Wien, 1826. S. 49.

34. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

35. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

36. Там же.

37. Ханша Джан – вторая жена калмыцкого хана Дондук-Омбо, дочери кабардинского князя Магомета Кургокина. После смерти хана в 1741 году ханша Джан принимала участие в борьбе за власть, однако проиграв ее, уехала из калмыцкого ханства. В 1744 году в Санкт-Петербурге она вместе с детьми приняла православие и стала именоваться княгиней Верой Дондуковой. Пользуясь поддержкой российского правительства, княгиня с детьми получила в наследственное владение Багацохуровский улус. Местом пребывания Веры Дондуковой до самой смерти в 1777 году являлся административный центр улуса – Енотаевская крепость. Княгиня Дондукова оказала значительное влияние на калмыцкую историю середины XVIII века. См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред.: Н. В. Устюгов. – М.: Наука, 1967. – С. 215-256.

38. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

39. Там же.

40. Там же.

41. Там же.

42. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

43. Там же.

44. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 23.

45. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 23.

46. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

47. НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. № 70.

48. Максимов А. А. Безопасность колонии Сарепта в 1771-1774 гг. – С. 166-171.

49. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 140.

50. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 132.

51. UMA. A.12 R.04.E. 22.1.f Nitschmann M. an Johann Jacob Bossart (Sarepta, 11/22. Januar 1775).

52. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (Доп.). Д. 397. Л. 5.

53. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (Доп.). Д. 397. Л. 3.

54. Икицохуровский улус.

55. Калмыцкий нойон, один из владельцев Икицохуровского улуса. См.: Батыров В. В. Топографическое описание 1784 г. как источник по истории и этнографии калмыков // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Уде: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – Вып. 3. – С. 177.

56. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (Доп.). Д. 397. Л. 4.

57. Там же. Л. 3.

58. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 (Доп.). Д. 397. Л. 12.

59. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. С. 157.

60. Беликов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева: 1773-1775 гг. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. – С. 148.

61. В настоящее время г. Камышин.

62. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2003. – С. 61.

63. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

64. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 157.

65. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 53.

66. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 172.

67. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 14.
68. Там же. Л. 11.
69. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 12.
70. Там же. Л. 25.
71. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 155.
72. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 157.
73. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 65.
74. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 185.
75. Вероятно, имеется виду Чжамьян Шадба I или Джамьянг Шэпа I (1648-1721) – "выдающийся тибетский религиозный и политический деятель XVII-XVIII вв., основатель одного из крупнейших буддийских монастырей Внутренней Азии Лавран". См.: Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся "Брод, ведущий к удивительно благому делу" / Введение, перевод, комментарии Н. Цыремпилова. – Удан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008.
76. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 5/1107.
77. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 185.
78. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 158.
79. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 27.
80. Там же. Л. 28.
81. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 208.
82. Там же. – С. 209.
83. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 5/1107.
84. Это божественное существо являлось покровителем войны у монголов и калмыков. В военном походе его изображали на знамени, который несли перед пехотой. Пленные враги иногда приносились ему в жертв. См.: Bergmann V. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 70.

85. Церемония освящения скота.
86. Урюс Сар – праздник ликования и пробуждения природы – представляет собой многообразный обрядово-праздничный комплекс, имеющий у кочевого народа магический смысл и направленный на увеличение и приумножение главного богатства калмыков – скота. Урюс Сар – это праздник народившегося молодняка, когда ему сооружают в степи привязь – "зель". Обязательным элементом праздника было исполнение песен и йорелов, когда признанные острошловы состязались в красноречии: в этот день произносили множество благопожеланий в адрес младших членов семьи или рода. На праздновании календарных связей появляются новые дружеские связи между людьми, что отражено в текстах благопожеланий. Одним из источников изучения календарной поэзии является детский фольклор, в котором сохранились краткие заклички – призывания (дайлга), это обращения в стихах к различным явлениям природы. С раннего детства калмыки обучали своих детей взаимодействию с природой, которая их окружала. См.: Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – Махачкала, 2009. – С. 17.
87. Описание процедуры совершения аборта у калмыков.
88. Религиозная церемония "призывания души больного или умершего членами его семьи либо ритуальным специалистом (шаманом, ламой). См.: Рыкин П. О. Душа, болезнь и смерть в традиционных представлениях монголов, бурятов и якутов // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / научн. ред. Л.Р. Павлинская. – СПб. : Наука, 2007. – С. 62.
89. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 5/1107.
90. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
91. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 209.
92. Там же.
93. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 50.
94. Монг. itegel yabuγulqu, тиб. skyabs 'gro. Буддийская молитвенная формула принятия прибежища в Трех Драгоценностях (Будда, Дхарма, Сангха).
95. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 5/1107.

96. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 48.
97. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 217.
98. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 30.
99. Савинова Т. Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 54.
100. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
101. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 4.
102. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714-1964 / отв. ред. М. С. Филиппов. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 138.
103. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 63.
104. Там же. Л. 57.
105. Там же. Л. 63.
106. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 63.
107. Там же. Л. 59.
108. Там же. Л. 62.
109. О вычете из жалования у всяких чинов людей, кроме солдат, с рубля по копейке на содержание гошпиталя // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. – Т. 6. – № 3867. – С. 466.
110. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 224.
111. Там же. – С. 223.
112. Периодически издававшийся Академией наук календарь с важнейшими датами и событиями.
113. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 162.
114. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 239.
115. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
116. Санскрит.
117. Тибетская письменность.

118. Вероятно, речь идет о монгольской письменности "Галик".
119. Поучение Будды Шакьямуни.
120. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 240.
121. Там же.
122. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 15.
123. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 265.
124. И. В. Якоби в 1777 году сменил П. Н. Кречетникова на посту главы Астраханской губернии. См.: Исторический вестник. Т. 80. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1900. – С. 520.
125. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 194.
126. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 192.
127. Там же. Л. 194.
128. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 289.
129. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). – М.: Наука, 1964. – С. 3.
130. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. – С. 78.
131. Там же. – С. 83.
132. Гумилев Л. Н. Люди и природа великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // Вопросы истории. – М., 1987. № 11. – С. 64-77.
133. Глава буддийской церкви калмыков. Прибыл на Волгу в 1720 году из Тибета. См.: Цюрюмов А. С. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Джангар, 2007. – С. 148.
134. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 22.
135. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 294.
136. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 23-24.

137. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
138. Там же.
139. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 302.
140. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
141. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 305.
142. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
143. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 320.
144. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 19.
145. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 69.
146. Петровъ П. Н. Исторія родовъ русскаго дворянства. Т. 1. – СПб., 1886. – С. 220.
147. Церковный ладан; пахучие куренья. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: Р-Я. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – С. 519.
148. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 324.
149. Моһа – в переводе с калмыцкого означает "змея". См.: Русско-калмыцкий словарь / под. ред. И. К. Илишкина. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1964. – С. 200; Т. Г. Басангова отмечает: "С помощью змеиных рогов хорошо излечиваются разные опухоли женской груди, а также опухоль коровьего вымени, потертости от седла на теле коня ... змеиная шкура применялась при лечении опухолей (хавдр) на коже. Человек, нашедший шкуру змеи, должен был ее высушить и хранить потом в специальном мешочке. Обряд лечения построен на имитативной магии: кожу змеи прикладывают к коже человека". См.: Басангова Т. Г. Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы, 2014. №2. С. 76-78. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (дата обращения: 17.11.2017).
150. Княгиня Вера Дондукова, скончавшаяся 2 июня 1777 года в Енотаевкой крепости.

151. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 324.
152. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
153. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 326.
154. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
155. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 338.
156. Магическое слово или драгоценный камень, на котором были изображены иероглифы и которому приписывали магическую силу. См.: Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: ЭТС, 2010. – С. 123.
157. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 339.
158. Sarközi A. The magic of writing-edible charms. Writing, in the Altaic World. Studia Orientalia 87. Helsinki, 1999. P. 227-234.
159. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
160. Вероятно, речь идет о 60-летнем цикле – китайской системе летосчисления.
161. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
162. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 342.
163. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 37.
164. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 159.
165. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 345.
166. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 74.
167. Там же. Л. 71.
168. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 67.
169. Степная малина.
170. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

171. Разные известия// Санкт-Петербургские ведомости. – № 8. – С. 91-92.
172. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
173. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 347.
174. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
175. "Сакооссюн" по-калмыцки и "Сакюссю" по-монгольски означает, по сути, амулет или некое средство хранения, защитное божество, или как это толкуют некоторые ламы – божественное провидение. См.: Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 243.
176. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 349.
177. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
178. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 357.
179. Там же.
180. Полевая мышь. См.: Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка: монография. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – С. 90.
181. Растение вида статицы. См.: Reuss J.D. Repertorium commentationum a societatis litterariis editarum. Ars veterinaria. Vol. 16. Gottingae: apud Henricum Dieterich, 1821. P. 54.
182. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
183. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 172.
184. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 369.
185. В греческом языке анекдот – "неизданное", то есть какое-либо сочинение, известное лишь узкому кругу лиц.
186. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
187. Вероятно "Sangana" – степная малина, которую Иериг присылал еще в конце 1777 года. См.: Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 345.

188. Русский биографический словарь. Т. 4: Гаагъ – Гербель / под ред. Н. П. Чулкова. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. – С. 11.
189. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 395.
190. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 187.
191. Разновидность хвойника. См.: Гаммерман Л. Ф. Дикорастущие лекарственные растения СССР. – М.: Медицина, 1976, – С. 26.
192. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 401.
193. Обряд, совершавшийся ночью верховным ламой в его собственной кибитке при участии большого количества других священнослужителей. См. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 293.
194. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
195. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 406.
196. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 179.
197. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
198. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 407.
199. Там же.
200. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 6/1108. Л. 2-4.
201. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 408.
202. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 78.
203. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 416.
204. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
205. Образованный по приказу Петра Первого в 1720 году государственный орган, ведавший внешней политикой Российской Империи, иностранцами, проживавшими внутри страны и отдельными народами, например калмыками.

206. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 78.
207. Там же. Л. 78-79.
208. Река Селенга берет свои истоки в Монголии, протекает по территории современной республики Бурятия и впадает с юго-восточной стороны в озеро Байкал.
209. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782). – С. 437.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 124.
2. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 135. Л. 65-78.
3. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 419.
4. Селенгинский острог – оборонительная крепость, основанная в 1665 году на берегу реки Селенга.
5. Город в современной республике Бурятия на границе с Монголией.
6. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
11. Там же. Л. 127.
12. Там же. Л. 126.
13. Там же.
14. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 127.
15. Там же. Л. 128.
16. Там же. Л. 130.
17. Там же.

18. Там же.
19. Там же.
20. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 130.
21. Там же. Л. 132.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 132.
26. Там же. Л. 127.
27. Наследственный землевладелец у монгольских народов.
28. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 128.
29. Там же.
30. Там же. Л. 127.
31. Там же. Л. 128.
32. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 124.
33. Вероятно, речь идет о хоринском роде бурят. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. V (9). Буны – Вальтер. – С. 60.
34. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
35. Урга или Да-хур (по-монгольски) – "главный город Северной Монголии в восточной части Тушетуханского аймака Халхи, в долине р. Толы, к северу от священной Богдо-улы, в расстоянии около 300 верст от пограничного города Троицкосавска. Сюда издавна приезжали русские люди для торговли с монголами. Первые достоверные сведения относительно Урги имеются только с XVII столетия до 1799 г., по разным причинам, город неоднократно был перенесим с одного места на другое. Несколько кумирен; в самой большой медный бурхан Майдари, 7 саж. 2 арш. высоты, одно из образцовых произведений китайского искусства. Близ Урги располагалась резиденция лам, изучающих высший курс буддийского богословия. В 2 1/2 верстах от Урги, близ реки Толы, располагался летний дворец боготворимого ламаистами ургинского хутухты, к которому стекаются паломники и приносятся богатые дары". См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVI (68). Углерод – Услие. – СПб.: Семеновская Типография (И.А.Ефрона), 1902. – С. 900.

36. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
37. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
38. Там же. Л. 128.
39. Там же. Л. 121.
40. Там же. Л. 123.
41. Там же.
42. Иоганн Эбергард Фишер (нем. Johann Eberhard Fischer; 10 января 1697, Эслинген, Швабия – 13 (24) сентября 1771, Санкт-Петербург) – "автор "Сибирской истории с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием" изданной в 1768 году в двух частях". См.: Русский биографический словарь. – Т. 4: Гаагъ – Гербель. – С. 152.
43. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 419.
44. Там же.
45. Там же. – С. 434.
46. Там же.
47. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 434.
48. Там же. – С. 439.
49. Там же.
50. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Ед. хр. 1779 г. (3933/48). № 7 Ноябрь. Л. 3.
51. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 159.
52. Арфагар – местность на восточной границе Астраханской губернии, где И. Иериг, согласно опубликованным данным П.С. Палласа, наблюдал необычный калмыцкий ритуал, способствовавший избавлению от массового падежа скота. См.: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Erster Band. Mit Kupfern u. Karten. Leipzig, 1803. S. 98.
53. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 448.

54. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 458.
55. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 125.
56. Там же. Л. 126.
57. Там же. Л. 145.
58. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 145.
59. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 419.
60. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
61. Там же. Л. 129.
62. Там же.
63. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 126.
64. Медведев В. Н. Иоганн Иериг. – С. 6.
65. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 148-149.
66. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 150.
67. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
68. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 474.
69. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 151.
70. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
71. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
72. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 478.
73. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 156.
74. Там же. Л. 155.
75. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 498.
76. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
77. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 127.

78. Дацанами, как правило, именовали буддистские храмы бурят в Восточной Сибири. "Официально возникновение дацанов относится с 1773 году, когда бурятам разрешено было в каждом роде иметь свой дацан и узаконенное число духовенства". См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. X (19). Давенпорт – Десмин. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1893. – С. 162.

79. Гусиное озеро – "находится в Верхнеудинском окр. Забайкальской обл., по дороге из Верхнеудинска в Кяхту. По берегам озера кочуют селенгинские буряты, кумирни (молитвенные дома) которых в 3 местах выстроены почти на самом берегу озера. В самой значительной из этих кумирен – Гусиноозерной – живет верховный лама – "хамбо-лама" на языке бурятов". См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXA (18). Гравилат – Давенант. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1893. – С. 923.

80. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 509.

81. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 129.

82. Там же. Л. 162-164.

83. Там же. Л. 126.

84. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

85. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 509.

86. Представитель монгольской знати. См.: Коханова Л. А. История российской государственности: учебное пособие. – М.: МГИУ, 2007. – С. 105.

87. Медведев В. Н. Иоганн Иериг. – С. 6.

88. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 157.

89. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

90. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 514.

91. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 158.

92. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 514.

93. Там же. – С. 518.

94. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 523.

95. Там же. – С. 520.

96. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

97. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 521.

98. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 1183.

99. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 203.

100. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 521.

101. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

102. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 537.

103. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 162-164.

104. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 537.

105. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 545.

106. Комментируя данный отчет, Т. К. Шафрановская скорее ошибочно предполагает, что Иериг имел в виду Нижне-Удинск, расположенный в 506 км к северо-западу от Иркутска. Учитывая, что расстояние до Гусино озеро от Нижне-Удинска составляет около 1000 км, такая версия не представляется правдоподобной. Более вероятно, что Иериг находился в Нижне-Удинске – современный город Улан-Удэ, называемый в XVIII веке Удинский город (острог) – крепость, построенная в конце XVII в. на месте слияния реки Уды и Селенги. См.: Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоганн Иериг. – С. 160; История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. – С. 175.

107. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 169.

108. Там же. Л. 126.

109. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

110. Название грамматического трактата, с монг. *ṣirüken-ü tolta* (совр. монг. "Зүрхний толт"), что означает "сердечный покров".

111. Вероятно, речь идет о Сакья-пандите (1182-1251 гг.), одном из важнейших религиозных и политических деятелей Тибета. А.Д. Цендина пишет: "В более ранней традиции сочинения, содержавшие алфавит и объяснения к нему, носили устойчивое название "сердечный покров" (*ṣirüken-ü tolta*). Вероятнее всего, традиция использования такого обозначения восходит к названиям прославленных грамматических сочинений Сакья-пандиты (1182-1252) и Чойджи-Одсэра (рубеж XIII-XIV вв.) См.: Цендина А.Д. Монгольские традиционные азбуки (конец XVI начало XX вв.) // Проблемы современного образования. – М., 2014. – № 6. – С. 109.

112. Вероятно, И. Иериг имел в виду монгольское "квадратное" письмо, созданное Пагба-ламой в XVIII веке. См. Ковалевский О. Монгольская Хрестоматия. Т. 2. – Казань, 1837. – С. 402.

113. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 170.

114. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 548.

115. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

116. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 548.

117. Бандида – "индийское *pandida* (соответствует европейскому понятию "доктор богословия", означает вообще "ученый человек"); тибетское слово "кханбо" (в просторечии бурят – хабма), так сказать, настоятель большого монастыря, отчасти характеризует в ламаистских землях положение духовного лица, пользующегося с нашей точки зрения архиерейской властью. Хамба иначе называется "эхэ лама" ("великий учитель)". См.: Ухтомский Э. Э. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ (Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет). – СПб. : Паровая скоропечатня "Восток", 1904. – С. 15.

118. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

119. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 170.

120. Там же. Л. 176.

121. Там же. Л. 174-175.

122. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 552.

123. Кличка Франц Николаевич – "в 1778-1783 гг. иркутский гражданский губернатор. Занимался историческими и географическими изысканиями, активно сотрудничал с АН, предлагал прислать в Иркутск ученого-естествоиспытателя для изучения Сибири. В Иркутске проводил метеорологические наблюдения, собирал образцы растений и животных, отсылая их в АН. Им были переданы в АН описания морских путешествий и Курильских островов Зайкова, Плутова и Татаринаова. Организатор экспедиций по изучению природных богатств Сибири. Инициатор создания в Иркутске библиотеки и музея при ней, для которых были получены книги из АН, а также переданы 204 книги из личной библиотеки Клички. Состоял в переписке с учеными Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом". См.: Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2010. – С. 71.

124. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 172-173.

125. В 1739 году Харанутскому роду под руководством Нагарая Жилбаева были выделены земли в районе реки Селенгинской. См.: Щербачев А. Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Т. 5. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – С. 29.

126. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 172-173.

127. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 457.

128. Сухомлинов М. И. Материалы для истории Императорской академии наук. – Т. 2. – СПб. : Типография Императорской академии Наук, 1886. – С. 817.

129. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 395.

130. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 160.

131. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 179.

132. Wendlan F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 214.

133. Е. А. Кантор указывает: ""Собрание изречений о мани", или "Мани-кабум" (тиб. *Ma ni bka' 'bum*) – это посвященный культу буд-

хисаттвы Авалокитешвары сборник текстов, приписываемых тибетскому царю Сонгцэн-гампо (VII в.). Этот сборник представляет собой систему текстов, объединённых идеей о том, что царь Сонгцэн-гампо является воплощением Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания и покровителя Тибета. Согласно "Мани-кабуму", Сонгцэн-гампо является Царём учения (санскр. dharmaraja; тиб. chos rgyal, chos kyi rgyal po), задачи правления которого приравниваются к задачам бодхисаттвы – освобождению живых существ от уз сансары с помощью Учения Будды". См.: Кантор Е. А. "Мани-кабум" в Тибете и Монголии // Монголика. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. – № 11. – С. 45; Харькова Е. Ю. Сочинения Муге Самтэна Гьяцо (1914-1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – С. 187.

134. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 570.

135. Там же. – С. 569.

136. Там же. – С. 575.

137. Имеется в виду гора Утайшань в Китае – почитаемое всеми буддистами место паломничества.

138. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 591.

139. Там же. – С. 593.

140. Там же. – С. 548.

141. Там же. – С. 594.

142. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 594.

143. "Вайдурья карпо" ("Белый берилл") – астрологический трактат Деси Сангье Гьяцо.

144. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 594.

145. Там же. – С. 595.

146. Олёты – древнее монгольское племя, в исторических записках упоминается с XV в. См.: Лхагвасурэн Э. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 9; Г. И. Спасский отмечал: "...так называемые

Монголы, Буряты или Братские и Елеты, в России под именем Калмыков известные ... Задолго еще до Чингиса, одна отрасль Монголов отделилась, по произошедшему между многочисленными их родами несогласию, откочевала к западу, которую оставшиеся на прежних местах своих и удержавшие древнее название Монголов назвали Елет, т.е. несогласными, поссорившимися; а как за Елетами последовали еще три рода: Барга-Бурят, Хойт, и Тюмют, то и назвали они себя Дюрбен-Ойрат, т.е. четверородными. Барга-Буряты и Хойты распространились далеко к северу, а Елеты – около Коко-нора (Синего озера), Тибета и Бухарии, откуда под именем Гуннов до середины Европы набеги чинили... Во время Чингис-Хана, составлявшие с Монголами одну Монархию Елеты и Калмыки, по изгнании в 1368 году из Китая Монгольских Владетелей, вторично от них отпали, и потом близ Алтайских гор, по случаю происходивших между ими многих ссор, разделились на четыре орды: Хошот, Торгот, Дербет, и Зоонгар. См.: Азиатский Вестник. С января по июнь 1826 г. / под. ред. Г. И. Спасского. – СПб. : Тип. медицинского департамента МВД, 1826. – С. 191-193.

147. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 595.

148. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

149. Там же.

150. Сонгцэн Гампо (613-649 гг.) тибетский царь и один из основоположников распространения буддизма в Тибете. См.: История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – С. 249-250.

151. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

152. Падмасамбхава – (санскр. "возникший из лотоса"), Падмапунба (тибет.), персонаж в буддийской мифологии Тибета. В основе образа Падмасамбхавы – по-видимому, реальный человек, который содействовал распространению буддизма в Тибете. См.: Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 415.

153. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 600.

154. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 592.

155. Там же. – С. 603.
156. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 165.
157. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 604.
158. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 604.
159. Вероятно, имеется виду Чжамьян Шадба I. См.: Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющееся "Брод, ведущий к удивительно благому уделу".
160. Народы, выплачивавшие натуральный налог – ясак.
161. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 200.
162. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 606.
163. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
164. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 617.
165. Кулун-Нор и Куль-Нагур – бурятское название Гусиного озера. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IXA (18). Гравилат – Давенант. – С. 923.
166. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 637.
167. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
168. Там же.
169. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 652.
170. Е. Р. Дашкова в науке и культуре / под ред. В. Тычинина, А.В. Семенова, Н.В. Бессарабова. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2007. – С. 49.
171. Дипанкара или Будда прошлого. См.: Иванов Д.В. Вклад Г.Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры. – С. 274.
172. Вероятно, речь идет об основателе гусиноозерского дацана – ламе Жимбе Ахалдаеве. См.: Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX

- века: структура и социальная роль культовой системы / под ред. Г.Р. Галданова, К.М. Герасимова, Д.Б. Дашиев, Г.Ц. Митупов; отв. ред. В.В. Мантанов. – Новосибирск, 1983. – С. 21.
173. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
174. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 662.
175. Там же. – С. 664.
176. Änkä Ammogoolongtu-Chan (искаженное монг. Engke amuγulangtu qaγan, также Engke amuγulang) – монгольское имя Шэнцзу (Канси 康熙; 1654-1722) – четвертого императора маньчжурской династии Цин, правившего Китаем в 1661-1722 гг.
177. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 664.
178. Мы читаем эту надпись, выполненную в рамке и расположенную в верхней части титульного листа "Монгольского словаря" Иерига, иначе: Om sain Amogolong boltugäi. Отметим, что первая буква в слове "sain" написана с помаркой или исправлением, поэтому может быть прочитана как "f" (т.е. "s" – наше прочтение "sain"), "z" (возможное прочтение "zain"), а также, по нашему мнению, ошибочно как "h" ("hain"), что наблюдается у И.Х. Гамеля и С.К. Булича, и, видимо, даже "f" ("fain"). Фраза представляет собой благопожелательную формулу (монг. om sayin amuγulang boltuγai "Ом, да будет благополучие (мир)!") и может быть отнесена к названию сочинения только условно.
179. 56-й год правления императора Шэнцзу под девизом Канси приходился на 1717-1718 гг.
180. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 72.
181. Подробнее см.: Bibliographies of Mongolian, Manchu-Tungus, and Tibetan Dictionaries / Compiled by Larry V. Clark, John R. Krueger, Manfred Taube, Hartmut Walravens, Michael L. Walter; Edited by Hartmut Walravens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen; Band 20). S. 125.
182. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 672.
183. Там же. – С. 678.

184. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
185. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 691.
186. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
187. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 698.
188. Там же. – С. 702.
189. Там же. – С. 724.
190. Там же. – С. 726.
191. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
192. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 757.
193. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
194. Об учреждении застав в Иркутской губернии, для предосторожности от болезней // ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 22. № 16050. – С. 204-205.
195. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 85.
196. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 761.
197. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 162.
198. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 808.
199. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 809.
200. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 242.
201. Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Т. 2. – Иркутск, 1898. – С. 1.
202. Иванов В. Н. Новое о Франце Лангансе // Советская этнография. – М. : Наука, 1976. – № 5. – С. 48.
203. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 36.

204. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 35.
205. Там же. – С. 36.
206. Франц Ланганс (1746-1814 гг.) – "О ранних годах жизни и родителях Ланганса, к сожалению, ничего не сообщается. В 15 лет (в 1761 г.) он начал службу. По-видимому, где-то в 80-х годах стал председателем Гражданской палаты Иркутского наместничества, учрежденного в 1783 г. Будучи еще в чине надворного советника, Ф. Ланганс по поручению генерал-поручика И. В. Якоби составил "описание разных народов, в Иркутской губернии обитающих". См.: Иванов В. Н. Новое о Франце Лангансе. – С. 48.
207. Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. – С. 2.
208. Окладников А. П. К истории этнографического описания Якутии // Сборник материалов по этнографии якутов. – Якутск, 1948. – С. 24.
209. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 38.
210. Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783-1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопросы географии. – М., 1950. – № 17. – С. 208.
211. Город в Иркутской губернии, известный с конца XVIII века своим стекольным производством. См.: Эрик Густавович Лаксман: выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. / сост. Н. М. Раскин, И. И. Шафрановский. – СПб.: Наука, 1971. – С. 261.
212. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 814.
213. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 816.
214. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 98.
215. Там же. Л. 92.
216. Там же. Л. 94-97.
217. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 841.
218. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
219. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 847.

220. Современное название – гора Хараты. Считается священным местом у бурятов. Здесь произрастают уникальные, эндемичные растения, многие из которых занесены в Красную книгу России. См.: Уникальные объекты живой природы Бассейна Байкала / отв. ред. Л. В. Попов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 64. На карте И. Иерига Забайкалья 1784 года эта вершина обозначена названием "Charantü". См.: БАН. Отдел рукописной книги. Основное собрание. № 626.

221. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

222. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

223. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 100.

224. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 101.

225. Там же. Л. 103-104.

226. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 13.

227. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 101.

228. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 13.

229. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 14.

230. Там же. – С. 30.

231. Там же. – С. 48.

232. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

233. Иосиф Биллингс – выходец из Англии, капитан-лейтенант русского флота, руководитель знаменитой исследовательской экспедиции восточных берегов Сибири 1785-1793 годов. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IIIA (6). Бергер – Бисы. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. – С. 849.

234. Wendlan F. Peter Simon Pallas (1741-1811). *Materialien einer Biographie*. S. 245.

235. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 67.

236. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 202-203.

237. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 67.

238. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 204.

239. Там же. Л. 219.

240. Там же. Л. 231-232.

241. Шафрановская Т.К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 162.

242. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 127.

243. Там же. – С. 128.

244. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.

245. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 128.

246. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 238.

247. Там же. Л. 242.

248. Там же. Л. 245.

249. Там же. Л. 246.

250. Шафрановская Т.К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 163.

251. Савинова Т.Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 55.

252. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 164.

253. Там же. – С. 165.

254. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 258.

255. Там же.

256. Там же. Л. 242.

257. Там же. Л. 260.

258. Там же. Л. 254.

259. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 252-254.

260. Бакмейстер И. Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. – СПб., 1779. – С. 87.

261. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 514.
262. Jähig J. Über die Mongolischen Bucher der hiesigen akademischen Bibliothek. S. 126-137.
263. Journal von Russland. Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 122.
264. Зорин А. В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1720-1917 гг.) // Новый исторический вестник. – М., 2012. – Вып. 33. – С. 41.
265. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 1/1103. Л. 101.
266. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 271.
267. Там же. Л. 272.
268. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 132.
269. Савинова Т.Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 57.
270. Швейцарские учёные в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л. И. Брылевская. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 186.
271. Там же.
272. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Erster Band. St. Petersburg, 1790. S. LVII.
273. Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. – М. : Внешторгиздат, 1957. – С. 46.
274. Часть территории Забайкалья, названная так по имени населявшего эти земли до XVII века монгольского народа "дауры". См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. X (19). Давенпорт – Десмин. – С. 160.
275. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Dritter Band. S. 315.
276. Storch H. Picture of Petersburg. London, 1801. P. 318.

277. Storch H. Picture of Petersburg. London, 1801. P. 318.
278. Гуревич П. С. Философия человека. Ч. 1. – С. 106.
279. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 274.
280. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 275-276.
281. Там же. Л. 277.
282. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 279-280.
283. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1783-1800): Научное описание / сост. Ю. Х. Копелевич, В. И. Осипов, И. А. Шафран; под ред. Г. К. Михайлова. – Л.: Наука, 1987. – С. 80.
284. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 85.
285. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. – С. 170.
286. Storch H. Picture of Petersburg. P. 318.
287. Ерихъ I. О приготовлении Монгольского зеленого сафьяна // Труды вольного экономического общества. Ч. 14. – С. 227-233.
288. Там же. – С. 232.
289. Там же.
290. Труды вольного экономического общества. Ч. 14. – С. 17.
291. Там же. – С. 101.
292. Ерихъ И. Известие о жизненных средствах Монгольцев, и о приготовлении их мяса в путешествиях // Труды вольного экономического общества. Ч. 15. – С. 254-259.
293. Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – С. 330.
294. Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – С. 330-332.
295. Там же. – С. 335.
296. Труды вольного экономического общества. Ч. 18. – С. 269-274.
297. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 279.
298. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1783-1800). – С. 84.
299. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 763.

300. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 289.
301. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 1/1103. Л. 1-38.
302. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
303. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 4. – С. 291.
304. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 290.
305. Там же. – С. 294.
306. Там же.
307. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 306.
308. Там же. – С. 311.
309. Там же. – С. 351.
310. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 2/1104. Л. 1-13.
311. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 368.
312. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 1/1103. Л. 39-47.
313. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. – С. 384.
314. Там же. – С. 434.
315. Там же.
316. Петербургский некрополь: справочник. В 4-х т. Т. 2: Д – Л. / сост. В. Саитов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – С. 683.
317. Опатович С. И. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Исторический очерк // Русская старина. – СПб., 1873. – № 8. – С. 190.
318. Jähig J. Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. S. 124.
319. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 88.

1. Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783-1794 гг. ... – С. 208.
2. Генрих Юлий (Юлиус) Клапрот (Берлин 1783 г. – Париж 1835 г.) в 1804 году был приглашен в Императорскую академию наук на должность адъюнкта в качестве знатока восточных языков, позднее совершал путешествия по Сибири и Кавказу, описывал языки и культуру местных народов. См.: Иодко О.В. Генрих Юлий Клапрот. От Китая до Кавказа через Санкт-Петербург // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII-XX вв.): биографический аспект. – СПб., 2011. – Вып. 6. – С. 55-73.
3. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Ед. хр. № 23. Л. 74.
4. Иодко О. В. Генрих Юлий Клапрот. От Китая до Кавказа через Санкт-Петербург. – С. 66.
5. Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. P. II. Paris: R. Merlin, libraire, 1839. P. 54.
6. Рассматриваемый экземпляр каталога хранится в коллекции Северного регионального библиотечного фонда (Northern Regional Library Facility, NRLF) системы библиотек Калифорнийского университета в Беркли (США), шифр DS3.1.K56.
7. Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. P. II. P. 54.
8. Сенковский О. И. Письмо Никитенко А.В. Январь 1835 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 16/17. – СПб.: Наука, 2004. – С. 408.
9. Мильчина В. А. Париж в 1814-1848 гг.: повседневная жизнь: монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 808.
10. Иосиф Христианович Гамель (1788-1862 гг.) окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и получил степень доктора медицины. Отказавшись от докторской практики, Гамель работал в Министерстве внутренних дел и был послан в 1813 г. в Англию для изучения технологии. См.: Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. – М.: Готика, 2000. – С. 453.

11. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
12. Там же.
13. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
14. Там же.
15. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. – М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. – С. 71.
16. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
17. Там же.
18. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105.
19. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
20. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
21. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 135. Л. 65-78.
22. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 83. Л. 5.
23. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 114.
24. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 1/1103. Л. 94.
25. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 63.
26. Там же. Л. 41.
27. Там же. Л. 63.
28. Там же. Л. 41.
29. Там же. Л. 43.
30. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
31. Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. P. I. Paris: R. Merlin, libraire, 1839. P. 238.
32. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / редкол. А. П. Базианц и др. – М.: Наука, 1972. – С. 16.
33. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Ед. хр. № 30. Л. 64.
34. Dorn B. Das Asiatische Museum der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. S. 217-218.

35. Dorn B. Das Asiatische Museum der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. S. 114.
36. Dorn B. Das Asiatische Museum der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. S. 122.
37. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 72.
38. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 402-403.
39. Монг. үген-ү толи – "словарь, зеркало слов".
40. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 403.
41. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 409.
42. Там же. – С. 413.
43. Там же. – С. 425.
44. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 3/1105. Л. 1-40.
45. Там же. Л. 41-62.
46. Там же. Л. 63-71.
47. Там же. Л. 72-124.
48. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 7. Ед. хр. № 149. Л. 11-14.
49. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 7. Ед. хр. № 7. Л. 27-28.
50. Journal von Russland. Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 123.
51. Jähig J. Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. S. 137.
52. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 5/1107.
53. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 600.
54. Иванов Д. В. Вклад Г.Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры. – С. 269.
55. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 637.

56. Иванов Д. В. Вклад Г. Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры. – С. 269-274.
57. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 662.
58. Иванов Д. В. Вклад Г. Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры. – С. 269-274.
59. Heissig W. Claudius C. Müller. Die Mongolen. S. 102.
60. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 87.
61. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 87.
62. Ibid. S. 88.
63. Krahnke H. Die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 1751-2001. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH KG, 2001. S. 123.
64. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 4/1106.
65. Санкт-Петербургские ведомости. № 8. – С. 91.
66. Там же. – С. 91-92.
67. Астраханские епархиальные ведомости. – № 11. – С. 331-332.
68. Jählig J. Extraits des Rapports envoyes a l'Academie // Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pars prior. 1. P. 66.
69. Jählig J. Extraits des Rapports envoyes a l'Academie. P. 66.
70. Ibid. P. 67.
71. Полевица. См.: Курченко Е. И. Род полевица (*Agrostis* L., сем. Poaceae) России и сопредельных стран. Морфология, систематика и эволюционные отношения. – М.: Прометей, 2010.
72. Jählig J. Extraits des Rapports envoyes a l'Academie. P. 68.
73. Ibid.
74. Ibid.
75. Кребель Р. М. Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства против разных болезней. В 2 отд.: Руководство для врачей. – М.: Тип. С. Орлова, 1868. – С. 42-43.
76. Jählig J. Bekanntmachung eines nat?rlichen Michmehls. S. 315.

77. Ibid. S. 315-316.
78. Вольпер И. Первые сведения о сухом молоке в России // Молочная промышленность. – М., 1951. – № 11. – С. 47.
79. Jählig J. Nachricht der von den Lebensmitteln der Mongolen und deren Zubereitung des Fleisches auf Reisen. S. 341-345.
80. Jählig J. Nachricht der von den Lebensmitteln der Mongolen und deren Zubereitung des Fleisches auf Reisen. S. 341-345.
81. Ерихъ И. Уведомление о естественной млечной муке // Труды вольного экономического общества. Ч. 15. – С. 240-242.
82. Ерихъ И. Известие о жизненных средствах Монгольцов, и о приготовлении их мяса в путешествиях. – С. 354-359.
83. Jählig J. Von der Gerberen der Mongolen und einer Art grünen Saffians. S. 325-326.
84. Ерихъ И. О приготовлении Монгольского зелёного сафьяна. – С. 227-233.
85. Там же.
86. Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – С. 321-322.
87. Труды вольного экономического общества. Ч. 14. – С. 102.
88. Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – С. 331.
89. Труды вольного экономического общества. Ч. 18. – С. 270.
90. Там же.
91. Там же. – С. 269-274.
92. Jählig J. Grundriß der Brachamanischen Religion, besonders des in Tübät zc. blühendsten Hauptzweiges ihrer gegenwärtigen Hierarchie; nebst einem Kupfer. S. 201-212.
93. Ibid.
94. АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. № 2/1104. Л. 107.
95. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 4. – С. 714.
96. Там же. – С. 719-720.
97. Allgemeine Literatur-Zeitung. Zweyter Band. April, May, Junius. Numero 202. S. 797.

98. Ibid.
99. Journal von Russland. Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 122-144.
100. Брама, Браманизм (устар.) – религиозное учение, созданное на основе древних индийских книг "Вед". Также Брахма или Брама – творец, верховное божество в индуизме. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IVA (8). Бос – Бунчук. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. – С. 572-580.
101. The British Critic. A new review for January, February, March, April, May and June. Vol. 11. P. 211.
102. Jährlig J. Grundriß der Brachamanischen Religion, besonders des in Tübät zc. blühendsten Hauptzweiges ihrer gegenwärtigen Hierarchie; nebst einem Kupfer. S. 201-212.
103. The Asiatic Journal and monthly register for British India and its dependencies. Vol. 23. January – June. P. 782.
104. The Quarterly Oriental magazine, review and register. Vol. 4. Nos. 7 and 8. July – December. P. 103.
105. Useful Tables. Forming an Appendix to the Journal of the Asiatic Society. Part the First. Coins, Weights, and Measures of British India. P. 32.
106. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Dritter Band. S. 315-316.
107. Jährlig J. Account of a natural Flour of Milk. P. 427-428.
108. Krunitz J. G. Okonomisch-Technologische Encyklopadie. T. 90. S. 649-650.
109. Jährlig J. Extraits des Rapports envoyes a l'Academie. P. 67.
110. Гора Хараты в респ. Бурятия.
111. Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. III. S. 81.
112. Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. III. S. 82.
113. Ibid. S. 30.
114. БАН. Отдел рукописной книги. Основное собрание. № 626.

115. Гурвич И. С. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири ("Собрание известий о начале и происхождении различных племен иноверцев, в Иркутской губернии проживающих, сочиненное надворным советником Францем Лангансом") // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1971. – Вып. 5. – С. 6.
116. Гурвич И. С. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири. – С. 7.
117. Спасский Г. И. О началах и распространении монгольских народов. – С. 191.
118. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 36.
119. Спасский Г. И. О началах и распространении монгольских народов. – С. 191-201.
120. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 726.
121. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 816.
122. Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783-1794 гг. ... – С. 208.
123. Там же.
124. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 809.
125. Там же. – С. 761.
126. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 39.
127. Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783-1794 гг. ... – С. 208.
128. Косвен М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. – С. 40.
129. Там же. – С. 39.
130. РНБ. Отдел рукописей. Эрмитажное собрание. Ед. хр. № 238/бс. Л. 1-2.
131. Гурвич И. С. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири. – С. 14.
132. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil. S. V.

133. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 429-437.

134. Schorkowitz D. Peter Simon Pallas (1741-1811) und die Ethnographie Russisch-Asiens im 18. Jahrhundert // Dittmar Schorkowitz (Hrsg.) Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. S. 340.

135. Ibid. S. 340-341.

136. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 376-381.

137. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. № 9/5. Л. 50.

138. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 382-385.

139. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. С. 240.

140. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 386-395.

141. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. С. 407.

142. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 396-409.

143. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 595.

144. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 407.

145. Эрлих В. А. Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – Вып. 2. – С. 169.

146. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 410-419.

147. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. – С. 726.

148. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 420-423.

149. Ibid. S. 424-428.

150. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 3. – С. 617, 652.

151. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 749. Л. 1-6.

152. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 429-437.

153. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil. S. 70.

154. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 749. Л. 3.

155. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 42.

156. Зюнгары – этническая группа ойратов.

157. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 73.

158. Ibid. S. 140.

159. Ibid. S. 203.

160. Судя по территориальному описанию места нахождения данных гор, составленному П.С. Палласом, речь идет о Индерских горах в современном Казахстане, на границе Западно-Казахстанской и Атырауской областей. См.: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Erster Band. S. 98.

161. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 283-284.

162. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweiter Theil. S. 321.

163. Ibid. S. 323.

164. Schmidt I. J. Der Weise und der Thor. Erster Theil. St. Petersburg, 1843. S. X.

165. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil. S. V.

166. СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. № 222 а. Л. 23-24.

167. Там же. Л. 15.

168. Journal von Russland. Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. S. 123.
169. Ibid.
170. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 16.
171. Ibid. S. 17.
172. Ibid.
173. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. S. 18.
174. Ibid.
175. Schweitzer K. Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. S. 45.
176. Walravens H. Julius Klapproth (1783-1835): Briefwechsel mit Gelehrten grossenteils aus dem Akademiearchiv in St. Petersburg. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. S. 55.
177. Шмидт И. Я. Руководство для изучения Монгольского языка, составленное г-ном Шмитом. Извлечено из донесения г-на Шмита, читанного 17 марта 1830 г. – С. 96.
178. Там же. – С. 96-97.
179. Schmidt I. J. Forschungen im Gebiete der Elteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. S. 166-167.
180. Шмидт И.Я. О некоторых основных положениях буддизма. Читано г-ном Шмитом в заседание 9-го декабря 1829 г. // Чтения императорской Академии наук. Отд-ния наук ист., филол. Кн. 1. – М., 1831. – С. 41.
181. Schweitzer K. Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. S. 42.
182. Schmidt I. J. Einwürfe gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klapproth: über Sprache und Schrift der Uiguren // Fundgruben des Orients. Nr. 6. St. Petersburg, 1818. S. 322.
183. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. S. 34.

184. Ibid. S. 29.
185. Григорьев В. В. Монгольско-русско-французский Словарь состав. О. Коваревским. – С. 4.
186. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 409.
187. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.). – С. 401.
188. Там же. – С. 403.
189. Walravens H. Isaak Jacob Schmidt (1779-1847): Leben und Werk des Pioniers der mongolischen und tibetischen Studien. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. S. 23.
190. Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг. – С. 163.
191. Савинова Т.Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук. – С. 58.
192. Schorkowitz D. Peter Simon Pallas (1741-1811) und die Ethnographie Russisch-Asiens im 18. Jahrhundert. S. 341.
193. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie. S. 498.
194. Heissig W. Claudius C. Müller. Die Mongolen. S. 102.
195. Heissig W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte. S. 88.
196. Schweitzer K. Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. S. 41.
197. Алексеева П. Э. Иоганн Иериг и калмыковедение. – С. 57.
198. Эдлеева К. А. Монгольские гимны из Сектора восточных рукописей и редких документов ИВР РАН // Письменные памятники Востока. – СПб., 2008. – № 2(9). – С. 256.
199. Иванов Д. В. Буддийские культовые предметы у монголыязычных народов в XVIII-первой половине XIX века в собрании МАЭ РАН (История собирания, атрибуция, особенности художественного стиля) : дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – С. 68.
200. Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Т. 1. Ч. 1. – С. 53.
201. Там же.

Источники и литература

1. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН)

1. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 1/1103** 1-й год. Anfangs Gründe der Mongolischen und Ogleitischen Schrift und Sprach-Lehre.
2. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 2/1104** 1-й год. Anfangsgründe der fübefischen Schrift und Sprach-Lehre.
3. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 3/1105** 1-й год. Handschriften, dasselhe enthalfend. Wie NN 1,2.
4. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 4/1106** 1-й год. Eine Anzahl von ihm an die Conferenz u. s. w. gerichteten.
5. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 5/1107** 1-й год. 78/ übersetzung versch. Erzählungen von wundern, welche durch d. Glauben an den Abgatt Dorascha Shodhah geschehen zein Sollen / v. I 1775); 79/ Umshändliche Begebenheit der Vieh-Weiche für der Daifsching – Tännnggri oder Mall Sättärlana /Taufe/ v. I. 1775; 80/ Auzug aus einem Hauptwerke genant Erdäni-Schaschter v. I. 1775; 81/ Ittägal; das ist Geaubens – Bekenntniss gebet der Schaltschamunianer aus Seinem Tangetischen gruntext übersetzt.
6. **Фонд 21. Описание 1. Ед. хр. № 6/1108** 1-й год. Vermischte schriften, Nachrichten über die Kallmukken u. s. w.

Библиотека Академии наук (БАН)

1. Отдел рукописной книги. Основное собрание. № 626 Plan verschiedenen Passagen von der Grenz-Pforte bis an den Baikal.

Mongolischer Translauer Johannes Jaehrig invent et fecit etc. 1784, mens May.

Государственный архив Астраханской области (ГААО)

1. **Фонд 394. Описание 1 (Доп.). Д. 397** Дело об определении при калмыцких улусах для собирания сведений по истории калмыцкого народа переводчика экспедиции профессора Палласа. 1774-1774.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

1. **Фонд 35. Описание 1. Ед. хр. № 29** О расходах на содержание канцелярии по калм. делам, на заготовление фуража для лошадей драгун и казаков, – об увольнении полковника Кишенского и о прочем.
2. **Фонд 35. Описание 1. Ед. хр. № 70** Журнал резолюциям по калмыцкой экспедиции правления Астраханской Губернской канцелярии за 1774 г.
3. **Фонд 35. Описание 1. Ед. хр. № 72** Столп подлинным определениям по Калмыцкой Экспедиции 1774 года января с 10 числа.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. **Фонд 199. Описание 2. Д. 749** Примечания Г. Ериха к путешествию Палласа и описанию Монгольского народа, на немецком, на 6 листах, в лист.
2. **Фонд 283. Описание 1. Д. 8** Дело об установлении нормы выдачи денежных пособий колонистам, поселенным в Астраханской губ. На хозяйственное обзаведение.
3. **Фонд 283. Описание 1. Д. 10** Дело о постройке рябита (6-ти весельной шлюпки) для перевозки колонистов из Кронштадта в Петербурге и о найме гребцов.

Российская национальная библиотека (РНБ)

1. **Отдел рукописей. Фонд 7. Ед. хр. № 149** Тибетский язык Рукописи и печатные тексты с оглавлением на тибетском, монгольском, немецком и латинском языках в переплете, 1810-1830-е годы.
2. **Отдел рукописей. Фонд 7. Ед. хр. № 7** Русский язык ... Рукописные тексты на немецком и латинском языках в переплете, 1810-1840-е годы.
3. **Отдел рукописей. Эрмитажное собрание. Ед. хр. № 238/6с** О Тунгусах вообще.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН)

1. **Фонд 1. Описание 2.** Том 1. Ед. хр. 1779 г. (3933/48). № 7 Ноябрь.
2. **Фонд 1. Описание 1а.** Ед. хр. № 23 Протоколы (1812).
3. **Фонд 1. Описание 1а.** Ед. хр. № 30 Протоколы (1819).
4. **Фонд 3. Описание 11.** Ед. хр. № 9/5 Дело переводчика Иоганна Иерига / переписка с Академией Наук, отчеты о своей работе во время пребывания при Моравском братском обществе в Сарепте, выписки из писем к академику П. С. Палласу, выписки из журналов Комиссии АН и др. материалы.
5. **Фонд 3. Описание 32.** Ед. хр. № 1 Планы, инструкции по организации, проведению и маршрутам генеральной экспедиции 1768-1774 г. руководимой акад. Палласом по Европейской России и Сибири.
6. **Фонд 3. Описание 34.** Ед. хр. № 20 Гмелин С. Г. "Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть IV. – путешествие из Астрахани в Царицын и второе путешествие 1772-1774 гг. в Персию с предисловием и биографией Гмелина, составленными ак. Палласом П. С. Перевод с немецкого яз. Петрова П.
7. **Фонд 21. Описание 1.** Ед. хр. № 83 Инструкция и путевой план, данные академической Комиссией И. И. Лепехину в его путешествии по Оренбургской губернии.
8. **Фонд 21. Описание 3.** Ед. хр. № 135 Иериг (Jährlig) переводчик Академии Наук.
9. **Фонд 21. Описание 3.** Ед. хр. № 222 а П. С. Паллас (письма Ф.Г. Миллеру).

Unitätsarchiv Moravian Archives (UMA)

1. A.16. R.27. B.21. № 255.005 Catalogus vom ledigen Brüder Chor in Sarepta Anno 1770.
2. A.06.06. R.12.A. B.1 Diarium Sarepta.
3. A.06.06. R.12.A. B.6 AC-Prot.Sarepta.
4. A.06.06. R.12.A. B.9 AufsC-Prot.Sarepta.
5. A.06.06. R.12.A. B.31 Rentel N.
6. A.12 R.04.E. 22.1 Nitschmann M.

7. Burkhardt H. Brüderische Personalkartei. Kopie der Originalkartei im Gemeinarchiv Königsfeld.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии Опекунства иностранных графа Орлова – О правилах для поселения в России братского Евангелического общества // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 17. № 12411. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 151-160.
2. Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу Аугсбургского исповедания // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 18. № 12852. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 61-65.
3. Манифест 22 июля 1763 г. "О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах" / сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева / История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). – М., 1993. – С. 18-22.
4. О вычете из жалования у всяких чинов людей, кроме солдат, с рубля по копейке на содержание гошпиталя // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 6. № 3867. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 466.
5. О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 16. № 12057. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 547-548.
6. О непокупке бухарцам и калмыкам в Тобольске и в других городах соболей и мягкой рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия сибирским инородцам и китайцам, и построении в пограничных местах для торгу с китайцами гостиного двора // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 4. № 1800. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 59-61.

7. О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в своё отечество русских людей, бежавших за границу // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 16. № 11720. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 126-127.
8. Об учреждении застав в Иркутской губернии, для предосторожности от болезней // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 22. № 16050. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 204-205.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

1. Астраханские епархиальные ведомости. – Астрахань, 1895. – № 11.
2. Новости Сарепты. – Волгоград, 2004. – № 14 (231).
3. Санкт-Петербургские ведомости. – СПб., 1778. – № 8.
4. Труды вольного экономического общества. Ч. 14. – СПб., 1791.
5. Труды вольного экономического общества. Ч. 15. – СПб., 1792.
6. Труды вольного экономического общества. Ч. 16. – СПб., 1792.
7. Труды вольного экономического общества. Ч. 18. – СПб., 1793.
8. Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pars prior. 1. – St. Petersburg: Petropoli Typis Academiae Scientiarum, 1779.
9. Allgemeine Literatur-Zeitung. Zweyter Band. April, May, Junius. – Jena; Leipzig, 1797.
10. Annalen der Braunschweig Luneburgischen Churlande. Fünfter Jahrgang. – Hannover, 1791.
11. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Erster Band. – St. Petersburg, 1790.
12. Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche die freye ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat. Dritter Band. – St. Petersburg, 1791.

13. Journal von Russland. Herausgegeben von J.H. Busse. Dritter Jahrgang. Zweiter Band. Januar bis Junius 1796. – St. Petersburg, 1796.
14. Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. III. – St. Petersburg, Petropoli Typis Academiae Scientiarum, 1788.
15. Repertory of Arts Manufactures and Agriculture: Consisting of Original Communications, Specifications of Patent Inventions, and Selections of Useful Practical Papers from the Transactions and Scientific Journals of the Philosophical Societies of All Nations. – London, 1800. – Vol. 13.
16. Serapeum: Zeitschrift für Bibliothekwissenschaft, Handschriftenkunde und ältere Litteratur. Achtzehnter Jahrgang. – Leipzig, 1857. – № 11.
17. The Asiatic Journal and monthly register for British India and its dependencies. – London, 1827. – Vol. 23. January – June.
18. The British Critic. A new review for January, February, March, April, May and June. – London, 1798. – Vol. 11.
19. The Quarterly Oriental magazine, review and register. – Calcutta, 1825. – Vol. 4. Nos. 7 and 8. July – December.
20. Useful Tables. Forming an Appendix to the Journal of the Asiatic Society. Part the First. Coins, Weights, and Measures of British India. – Calcutta, 1834.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 1: А – Г / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – М.: Academia, 2001. – 357 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3: О – Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 440 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: Р – Я / В. И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 666 с.
4. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B3,%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD>.

5. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Johannes_J%C3%A4hrig.
6. Епишкин, Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.
7. Информационная система Архивы Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=AFD1AF24-34DE-9E41-BB87-CB4B7D9180A4&ida=20>.
8. Ковалевский, О. Монгольско-русско-французский словарь. Том первый. – Казань: В Университетской типографии, 1844. – 594 с.
9. Кто родился сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn----htbmfiobpnc5m.xn--p1ai/%D0%B2-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5/17-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0/%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8/>
10. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
11. Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 (А – И) / под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – 832 с.
12. Петербургский некрополь: справочник. В 4-х т. Т. 2: Д – Л. / сост. В. Саитов. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – 726 с.
13. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 3. 1771-1785. – СПб.: Тип. ИАН, 1900. – 894 с.
14. Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. – Т. 4. 1786-1803. – СПб.: Тип. ИАН, 1911. – 774 с.
15. Русский биографический словарь. Т. 4: Гаагь – Гербель / под ред. Н. П. Чулкова. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. – 494 с.
16. Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1964. – 803 с.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IIA (4). Ауто – Банки. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. – 489 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IIIA (6). Бергер – Бисы. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. – 952 с.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том. IV (7). Битбург – Босха. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. – 488 с.

20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IVA (8). Бос – Бунчук. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. – 938 с.
21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том V (9). Буны – Вальтер. – СПб.: Семеновская Типография (И. А. Ефрона), 1891. – 494 с.
22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том VIIIA (16). Германия – Го. – СПб.: Семеновская Типография (И. А. Ефрона), 1893. – 958 с.
23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IXA (18). Гравилат – Давенант. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. – 525 с.
24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том X (19). Давенпорт – Десмин. – СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. – 486 с.
25. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXIV (67). Трумп – Углеродистый кальций. – СПб.: Семеновская Типография (И. А. Ефрона), 1902. – 482 с.
26. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXVI (68). Углерод – Усилие. – СПб.: Семеновская Типография (И. А. Ефрона), 1902. – 509 с.
27. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIII (76). Человек – Чугуевский полк. – СПб.: Семеновская Типография (И. А. Ефрона), 1903. – 497 с.
28. Bibliographies of Mongolian, Manchu-Tungus, and Tibetan Dictionaries / Compiled by Larry V. Clark, John R. Krueger, Manfred Taube, Hartmut Walravens, Michael L. Walter; Edited by Hartmut Walravens. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. – (Orientalistik Bibliographien und Dokumentationen; Band 20). – 125 p.
29. Encyclopedia of Buddhism / Edited by Robert E. Buswell, Jr. – New York: Macmillan Reference USA, Thomson Gale, 2004. – 981 p.

МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

1. Авляев, Г. О. Происхождение калмыцкого народа. – 2-е изд. / Г.О. Авляев. – Элиста, 2002. – 326 с.

2. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / редкол. А. П. Базиянц и др. – М.: Наука, 1972. – 595 с.
3. Алексеева, П. Э. Иоганн Иериг и калмыковедение / П. Э. Алексеева / Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России: матер. науч. конференции II Сарептских встреч. – Волгоград, 1997. – С. 54-57.
4. Алексеева, П. Э. О людях и времени: сборник статей / П. Э. Алексеева. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – 176 с.
5. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Б. Г. Ананьев / под ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996. – 384 с.
6. Андреев, А. И. Топографические описания и карты сибирских местностей 1783-1794 гг. и работы, связанные с ними / А. И. Андреев // Вопросы географии. – 1950. – № 17. – С. 203-218.
7. Бадмаева, Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в.: исследование, текст, транслитерация, перевод, комментарии / Л. Б. Бадмаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 396 с.
8. Бакмейстер, И. Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук / И. Г. Бакмейстер. – СПб., 1779. – 191 с.
9. Басангова, Т. Г. Змея в мифологии калмыков [Электронный ресурс] / Т. Г. Басангова // Новые исследования Тувы. – 2014. – №2. – С. 76-78. – Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html.
10. Батмаев, М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. / М. М. Батмаев. – Элиста: Джангар, 2002. – 400 с.
11. Батыров, В. В. Топографическое описание 1784 г. как источник по истории и этнографии калмыков / В. В. Батыров // Культурное наследие народов Центральной Азии. – 2012. – Вып. 3. – С. 159-182.
12. Бедник, Н. И. Дом гернгутеров в Санкт-Петербурге / Н. И. Бедник // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII-XX вв. – 2012. – Вып. 7. – 364 с.
13. Беликов, Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева: 1773-1775 гг. / Т. И. Беликов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. – 167 с.

14. Бессмертный, Ю. Л. Что за "Казус"..? / Ю. Л. Бессмертный // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1996. – Вып. 1. – С. 3-18.
15. Борджанова, Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика / Т. Г. Борджанова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 592 с.
16. Булич, С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XIII в. – 1825 г.) / С. К. Булич. – СПб., 1904. – 1248 с.
17. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
18. Вишнякова, И. В. К вопросу о бегстве волжских калмыков в Джунгарию в 1771 году / И. В. Вишнякова // Востокведные исследования на Алтае. – 2000. – Вып. 2. – С. 45-54.
19. Володжанский, И. С. Научная деятельность гернгутеров Сарепты (к. XVIII – н. XX в.в.): специфика, динамика и мотивация развития / И. С. Володжанский, А. Е. Иващенко, А. В. Курышев // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – 2011. – Вып. 4. – С.118-130.
20. Вольпер, И. Первые сведения о сухом молоке в России / И. Вольпер // Молочная промышленность. – 1951. – № 11. – С. 47.
21. Гаммерман, Л. Ф. Дикорастущие лекарственные растения СССР / Л. Ф. Гаммерман, И. И. Гром. – М.: Медицина, 1976. – 288 с.
22. Гёте, И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3 / И. В. Гёте. – М., 1976. – 387 с.
23. Гильман, Р. А. Художественная роспись тканей: учеб. пособ. / Р. А. Гильман. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 159 с.
24. Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющегося "Брод, ведущий к удивительно благому делу" / Введение, перевод, комментарии Н. Цыремпилова. – Удан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. – 311 с.
25. Григорьев, В. В. Монгольско-русско-французский Словарь состав. О. Коваревским / В. В. Григорьев // Финский вестник. – 1847. – № 10. – С. 1-13.
26. Гумилев, Л. Н. Люди и природа великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) / Л. Н. Гумилев // Вопросы истории. – 1987. – № 11. – С. 64-77.

27. Гурвич, И. С. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири ("Собрание известий о начале и происхождении различных племен иноверцев, в Иркутской губернии проживающих, сочиненное надворным советником Францем Лангансом") / И. С. Гурвич // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – 1971. – Вып. 5. – С. 5-14.
28. Гуревич, П. С. Философия человека. Ч. 1 / П. С. Гуревич. – М., 1999. – 221 с.
29. Дитц, Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. – 3-е изд. / Я. Е. Дитц. – М.: Готика, 2000. – 453 с.
30. Е. Р. Дашкова в науке и культуре / под ред. В. Тычинина, А. В. Семёнова, Н. В. Бессарабова. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2007. – 178 с.
31. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства (1635-1758) / И. Я. Златкин. – М.: Наука, 1964. – 470 с.
32. Зорин, А. В. Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН: из истории формирования и каталогизации (1720-1917 гг.) / А. В. Зорин // Новый исторический вестник. – 2012. – Вып. 33. – С. 37-53.
33. Иванов, В. Н. Новое О Франце Лангансе / В. Н. Иванов // Советская этнография. – 1976. – № 5. – С. 47-50.
34. Иванов, Д. В. Вклад Г. Ф. Миллера и И. Иерига в формирование буддийского собрания Кунсткамеры / Д. В. Иванов // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: статьи по материалам Маклаевских чтений. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – 354 с.
35. Иодко, О. В. Генрих Юлий Клапрот. От Китая до Кавказа через Санкт-Петербург / О. В. Иодко // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII-XX вв.): биографический аспект. – 2011. – Вып. 6. – С. 55-73.
36. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714-1964 / отв. ред. М. С. Филиппов. – М.; Л.: Наука, 1964. – 599 с.
37. Исторический вестник. Т. 80. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1900. – 1214 с.
38. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. – 570 с.
39. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – 583 с.
40. Кантор, Е. А. "Мани-кабум" в Тибете и Монголии / Е. А. Кантор // Монголика. – 2013. – № 11. – С. 45-51.

41. Кара, Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) / Д. Кара / отв. ред. С. Г. Кляшторный; Академия наук СССР, Отделение истории, Институт востоковедения. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – 194 с.
42. Клепиков, С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. / С. А. Клепиков. – М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. – 152 с.
43. Клименко, Л. И. Архив Сарепты в 1765-1917 гг. / Л. И. Клименко // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – 2006. – Вып. 1. – С. 6-13.
44. Ковалевский, О. Монгольская Хрестоматия. Т. 2. / О. Ковалевский. – Казань, 1837. – 532 с.
45. Козлов, С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. / С. А. Козлов. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. – 494 с.
46. Косвен, М. О. Местная этнография Сибири в XVIII в. / М. О. Косвен // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – 1974. – Вып. 6. – С. 5-44.
47. Коханова, Л. А. История российской государственности: учебное пособие / Л. А. Коханова. – М.: МГИУ, 2007. – 336 с.
48. Кребель, Р. М. Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства против разных болезней. В 2 отд.: Руководство для врачей / Р. М. Кребель. – М.: Тип. С. Орлова, 1868. – 171 с.
49. Курченко, Е. И. Род полевица (*Agrostis L.*, сем. Poaceae) России и сопредельных стран. Морфология, систематика и эволюционные отношения / Е. И. Курченко. – М.: Прометей, 2010. – 514 с.
50. Лагус, В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / В. Лагус. – СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1890. – 488 с.
51. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы / под ред. Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов; отв. ред. В. В. Мантанов. – Новосибирск, 1983. – 235 с.
52. Леман, И. И. Гравюра и литография. Очерки истории и техники / И. И. Леман. – М.: Центрполиграф, 2004. – 433 с.
53. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714-1900 / науч.рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г. В. Головкин. – СПб., 2004. – 416 с.

54. Лхагвасурэн, Э. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / Э. Лхагвасурэн. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 196 с.
55. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края / И. И. Майнов // Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. 2. – Иркутск, 1898. – 214 с.
56. Максимов, А. А. Безопасность колонии Сарепта в 1771-1774 гг. / А. А. Максимов // Астраханские краеведческие чтения. – 2010. – Вып. 2. – С. 166-171.
57. Максимов, А. А. Реформа самоуправления в колонии Сарепта 1877 г. / А. А. Максимов // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – 2007. – Вып. 3. – С. 92-125.
58. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под ред. В. Л. Комарова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 310 с.
59. Медведев, В. Н. Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII – середина XIX в. / В. Н. Медведев // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – 2007. – Вып. 3. – С. 92-125.
60. Мильчина, В. А. Париж в 1814-1848 гг.: повседневная жизнь: монография / В. А. Мильчина. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 944 с.
61. Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2010. – 138 с.
62. Окладников, А. П. К истории этнографического описания Якутии / А. П. Окладников // Сборник материалов по этнографии якутов. – Якутск, 1948. – С. 17-48.
63. Опатович, С. И. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Исторический очерк / С. И. Опатович // Русская старина. – 1873. – № 8. – С. 168-200.
64. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред. Н. В. Устюгов. – М.: Наука, 1967. – 479 с.
65. Петровъ, П.Н. История родовъ русскаго дворянства. Т. 1. / П.Н. Петровъ. – СПб., 1886. – 400 с.
66. Писаревский, Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. / Г. Г. Писаревский. – СПб., 1908. – 340 с.

67. Пушкарёв, И. И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его / И. И. Пушкарёв. – СПб.: Тип. деп. внеш. торг., 1843. – 518 с.
68. Раднаев, В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Т. 1. Ч. 1. / В. Э. Раднаев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СЦ РАН, 2012. – 392 с.
69. Роттердамский, Э. Философские произведения / Э. Роттердамский. – М.: Наука, 1987. – 545 с.
70. Рукописные материалы химиков второй половины XVIII в. в Архиве Академии Наук СССР: научное описание / сост. Н. М. Раскин; редкол.: М. А. Безбородов, Г. А. Князев, Н. А. Фигуровский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 214 с.
71. Рыкин, П. О. "Душа", болезнь и смерть в традиционных представлениях монголов, бурятов и якутов / П. О. Рыкин // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / научн. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2007. – С. 51-84.
72. Савинова, Т. Н. Иоганн Иериг (?-1795) – корреспондент Петербургской академии наук / Т. Н. Савинова // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей / под ред. В. Ф. Дизендорфа и А. А. Семина; сост. В. В. Амелин. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1998. – С. 51-58.
73. Сенковский, О.И. Письмо Никитенко А. В. Январь 1835 г. / О.И. Сенковский // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 16/17. – СПб.: Наука, 2004. – 408 с.
74. Синкевич, Г.И. Дом Сарептского общества в Петербурге / Г.И. Синкевич // Журнал СПбГАСУ "Мастер`Ok". – 2012. – №1(10). – С. 30-33.
75. Сладковский, М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем / М. И. Сладковский. – М.: Внешторгиздат, 1957. – 455 с.
76. Спасский, Г. И. О началах и распространении монгольских народов / Г. И. Спасский // Азиатский Вестник. С января по июнь 1826 г. – СПб.: тип. медицинского департамента МВД, 1826. – С. 191-201.
77. Султанов, Т. И. Чингиз-хан и его потомки / Т. И. Султанов. – Алматы: Мектеп, 2003. – 152 с.
78. Сухомлинов, М. И. Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 2. / М. И. Сухомлинов. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1886. – 887 с.

79. Таубе, М. М. Значение деятельности гернгутских миссионеров для исследования калмыцкого языка и культуры / М. М. Таубе // Исторические отношения между калмыками на Нижней Волге и общиной в Сарепте с XVIII по XX века в области истории, науки, религии и культуры: материалы научной конференции. – Волгоград, 2001. – С. 256-264.

80. Ткаченко, Д. С. Экспедиции Академии наук в становлении образа Кавказа в Российской Империи рубежа XVIII-XIX вв. / Д. С. Ткаченко // История: факты и символы. – 2015. – № 4 (3). – С. 82-94.

81. Токарев, С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры / С. А. Токарев. – М.: Изд-во Московского университета, 1958. – 616 с.

82. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М.: Весь Мир, 2000. – 296 с.

83. Уникальные объекты живой природы Бассейна Байкала / отв. ред. Л. В. Попов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 224 с.

84. Ухтомский, Э.Э. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ (Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет) / Э.Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня "Восток", 1904. – 129 с.

85. Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века (1766-1782): Научное описание / сост. И. И. Любименко; под ред. акад. Д. С. Рощественского; ред. Г. А. Князев, Л. Б. Модзалевский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 606 с.

86. Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века (1783-1800): Научное описание / сост. Ю. Х. Копелевич, В. И. Осипов, И. А. Шафран; под ред. Г. К. Михайлова. – Л.: Наука, 1987. – 272 с.

87. Фундаминский, М. Миссия Сарепты среди калмыков в XVII-XIX вв. / М. Фундаминский // Материалы научной конференции "Исторические отношения между калмыками на Нижней Волге и общиной в Сарепте с XVIII по XX века в области истории, науки, религии и культуры". – Волгоград, 2001. – 282 с.

88. Шмидт, И. Я. Руководство для изучения Монгольского языка, составленное г-ном Шмитом. Извлечено из донесения г-на Шмита, читанного 17 марта 1830 г. / И. Я. Шмидт // Чтения императорской Академии наук. Отд-ния наук ист., филол. Кн. 1. – М., 1831. – С. 94-99.

89. Шмидт, И. Я. О некоторых основных положениях буддизма. Читано г-ном Шмитом в заседание 9-го декабря 1829 г. / И. Я. Шмидт /

/ Чтения императорской Академии наук. Отд-ния наук ист., филол. Кн. 1. – М., 1831. – С. 40-46.

90. Цендина, А. Д. Монгольские традиционные азбуки (конец XVI – начало XX вв.) / А. Д. Цендина // Проблемы современного образования. – 2014. – №6. – С.106-118.

91. Цюрюмов, А. С. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. С. Цюрюмов. – Джангар, 2007. – 462 с.

92. Шагдаров, Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка: монография / Л. Д. Шагдаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 192 с.

93. Шафрановская, Т.К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг / Т. К. Шафрановская // Страны и народы Востока. – 1965. – Вып. 4. – С. 155-164.

94. Швейцарские учёные в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / отв. ред. Л. И. Брылевская. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 236 с.

95. Щербачев, А. Материалы Комиссии для исследования земле-владения и землепользования в Забайкальской области. Т. 5. / А. Щербачев. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 486 с.

96. Эдлеева, К. А. Монгольские гимны из Сектора восточных рукописей и редких документов ИВР РАН / К. А. Эдлеева // Письменные памятники Востока. – 2008. – № 2(9). – С. 256-293.

97. Эрик Густавович Лаксман: выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. / сост. Н. М. Раскин, И. И. Шафрановский. – СПб.: Наука, 1971. – 274 с.

98. Эрлих, В. А. Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы / В. А. Эрлих // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – 2000. – Вып. 2. – С. 167-173.

99. Adelung, F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde / F. Adelung. – St. Petersburg, 1815. – 210 p.

100. Augustin, S. Rezension: Schweitzer Karlheinz: Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen. Bearbeitet und herausgegeben von der Geschichtswerkstatt Büdinger, Joachim Cott. B?dingen: Geschichtswerkstatt 2008. – 46 S., 10 Abb., 1 Titelbild u. 1 Karte / S. Augustin // Jahrbuch der Staatlichen Ethnographischen Sammlungen Sachsen, Band XLV. – Berlin, 2010. – P. 365-371.

101. Bergmann, B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Theil 1. / B. Bergmann. – Riga, 1804. – 352 p.
102. Beyreuther, E. Studien zur Theologie Zinzendorfs: gesammelte Aufsätze / E. Beyreuther. – Berlin – Charlottenburg: Neukirchener Verlag, 1962. – 279 p.
103. Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. P. I. – Paris: R. Merlin, libraire, 1839. – xii, 308; xii, 80 p.
104. Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. P. II. – Paris: R. Merlin, libraire, 1839. – xii, 308; xii, 80 p.
105. Dorn, B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg / B. Dorn. – St. Petersburg, 1846. – 776 p.
106. Ehrmann, T. F. Neueste Kunde vom Russischen Reiche in Europa und Asien: nach dessen gegenwärtigem Zustande aus Quellen dargestellt / T. F. Ehrmann. – Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1807. – 598 p.
107. Glitsch, A. Geschichte der brüdergemeine Sarepta im osätlichen Russland während ihres hundertjährigen bestehens: Nacharchivalischen Quellenbearbeitet von Alexander Glitsch / A. Glitsch. – Selbstverlag des Verfassers, 1865. – 400 p.
108. Herwig, H. Die Brudergemeine Sarepta. Ein Beitrag zur Geschichte des Wolgadeutschmus / H. Herwig. – Breslau, 1936. – P. 52-54.
109. Heissig, W. Die Mongolen. Ein Volk sucht seine Geschichte / W. Heissig. – Bindlach: Gondrom Verlag, 1989. – 336 p.
110. Heissig, W. Claudius C. Müller. Die Mongolen / W. Heissig // Haus der Kunst München 22. März bis 28. Mai 1989. – Innsbruck: Pingiun, 1989. – 225 p.
111. Kohls, W. A. Beitrag zur Geschichte der deutschen Kolonisten in Rußland. Eine Untersuchung russischer Pressepolemik und der deutschen diplomatischen Berichte aus der St. Petersburger Amtszeit des Botschafters von Schweinitz / W. A. Kohls // Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 59. – Berlin, 1973. – 183 p.

112. Krahnke, H. Die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 1751-2001 / H. Krahnke. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH KG, 2001. – 377 p.
113. Krunitz, J. G. Okonomisch-Technologische Encyklopadie. T. 90 / J. G. Krunitz. – Berlin, 1803. – 764 p.
114. Meyer, D. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine / D. Meyer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – 176 p.
115. Pallas, P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Erster Band. Mit Kupfern u. Karten / P. S. Pallas. – Leipzig, 1803. – 463 p.
116. Pallas, P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Teil / P. S. Pallas. – St. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. – 272 p.
117. Pallas, P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Zweite Theil / P. S. Pallas. – St. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1801. – 438 p.
118. Pütter, J. S. Versuch einer academischen Gelehrten-Geschichte von der Georg-Augustus-Universität zu Göttingen. Dritter Theil von 1788 bis 1820 / J. S. Pütter, F. Saalfeld. – Hannover, 1820. – 644 p.
119. Reuss, J. D. Repertorium commentationum a societatis litterariis editarum. Ars veterinaria. Vol. 16 / J. D. Reuss. – Göttingae: apud Henricum Dieterich, 1821. – 87 p.
120. Sarközi, A. The magic of writing-edible charms. Writing, in the Altaic World / A. Sarközi // Studia Orientalia 87. – Helsinki, 1999. – 326 p.
121. Schmidt, I. J. Der Weise und der Thor. Erster Theil / I. J. Schmidt. – St. Petersburg, 1843. – 323 p.
122. Schmidt, I. J. Einwürfe gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klaproth: über Sprache und Schrift der Uiguren / I. J. Schmidt // Fundgruben des Orients. Nr. 6. – St. Petersburg, 1818. – P. 321-338.
123. Schmidt, I. J. Forschungen im Gebiete der Elteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter / I. J. Schmidt. – St. Petersburg; Leipzig, 1824. – 287 p.
124. Schorkowitz, D. Peter Simon Pallas (1741-1811) und die Ethnographie Russisch-Asiens im 18. Jahrhundert / D. Schorkowitz //

Dittmar Schorkowitz (Hrsg.) Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. – P. 331-349.

125. Schweitzer, K. Johann Jähig und seine Zeit. Ein Büdinger forscht bei den Mongolen / K. Schweitzer. – Büdingen: Geschichtswerkstatt Büdingen, 2008. – 47 p.

126. Storch, H. Picture of Petersburg / H. Storch. – London, 1801. – 591 p.

127. Suter, C. Geschichte der Gemeinde Sarepta 1765-1775 / C. Suter. – Herrnhut, 2007. – 366 p.

128. Teigeler, O. Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten / O. Teigeler. – Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. – 726 p.

129. Timkovskij, G. Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821: Reise durch die Mongoley: Mit einem Kupfer und einer Karte. Teil 1 / G. Timkovskij. – Wien, 1826. – 220 p.

130. Weigelt, H. Geschichte des Pietismus in Bayern: Anfänge – Entwicklung – Bedeutung / H. Weigelt. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 447 p.

131. Walravens, H. Julius Klaproth (1783-1835): Briefwechsel mit Gelehrten grossenteils aus dem Akademiearchiv in St. Petersburg / H. Walravens. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. – 216 p.

132. Walravens, H. Isaak Jacob Schmidt (1779-1847): Leben und Werk des Pioniers der mongolischen und tibetischen Studien / H. Walravens. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. – 180 p.

133. Wendland, F. Peter Simon Pallas (1741-1811). Materialien einer Biographie / F. Wendland. – Berlin; New York: de Gruyter, 1992. – 1179 p.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Басангова, Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Басангова Тамара Горяевна. – Махачкала, 2009. – 51 с.

2. Иванов, Д. В. Буддийские культовые предметы у монголоязычных народов в XVIII – первой половине XIX века в собрании МАЭ РАН

(История собирания, атрибуция, особенности художественного стиля): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Иванов Дмитрий Владимирович. – СПб., 2009. – 170 с.

3. Харькова, Е. Ю. Сочинения Муге Самтэна Гьяцо (1914-1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Харькова Елена Юрьевна. – СПб., 2006. – 215 с.

Список сокращений

АВ ИВР РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук

БАН – Библиотека Российской академии наук

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской Империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РНБ – Российская национальная библиотека

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

УМА – Unitätsarchiv Moravian Archives

Автор выражает слова искренней благодарности за оказанную поддержку при проведении исследования всему профессорско-преподавательскому составу Ставропольского государственного педагогического института, в особенности ректору института, доктору педагогических наук, профессору Редько Людмиле Леонидовне. Отдельную благодарность хотелось бы адресовать добрым друзьям, специалистам Института восточных рукописей Российской академии наук, младшему научному сотруднику Сизовой Алле Алексеевне и научному сотруднику Зайцеву Вячеславу Петровичу, которые оказали автору колоссальную помощь при решении сложных междисциплинарных задач исследования. Автор также благодарит доктора филологических наук, заведующего сектором Центральной Азии Института восточных рукописей Российской академии наук Кульганек Ирину Владимировну, научного сотрудника научно-издательского отдела историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника "Старая Сарепта" Медведева Виктора Николаевича, кандидата исторических наук, доцента кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Клейтмана Александра Леонидовича, кандидата филологических наук, заместителя директора по научной работе Калмыцкого научного центра Российской академии наук Бембева Евгения Владимировича, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра Российской академии наук Басангову Тамару Горяевну, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории России, документоведения и архивоведения Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова Команджаева Александра Нармаевича, доктора исторических наук, профессора кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета

Краснову Ирину Александровну, доктора исторических наук, профессора кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета Плохотнюк Татьяну Николаевну, директора этнографического музея г. Гернгут Штефана Аугустина, доктора философии, директора объединенного архива моравской церкви г. Гернгут Рудигера Крегера, историка и публициста Андреаса Идта, журналиста Александра Сладкевича.

Научное издание

ИОГАНН ИЕРИГ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

ДЮЛЬДЕНКО Александр Александрович

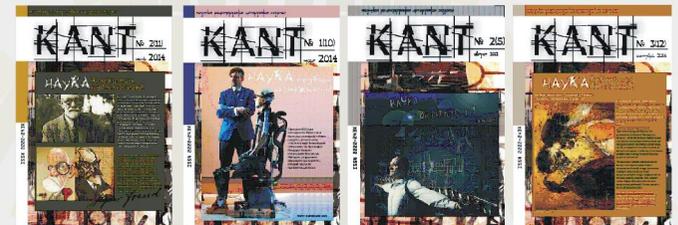
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института

Научный рецензируемый цитируемый журнал «KANT» (ISSN 2222-243X) – политематическое общероссийское издание на русском языке – принимает к публикации ранее не издававшиеся (в том числе в электронном виде) статьи по различным областям экономической и социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания. Журнал выходит с периодичностью четыре раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям науки: 08.00.00 Экономические науки; 13.00.00 Педагогические науки.

Журнал зарегистрирован РОСКОМНАДЗОРом (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46325 от 26 августа 2011 года) и включен в РИНЦ, полнотекстовые материалы статей отправляются в НАУЧНУЮ ЭЛЕКТРОННУЮ БИБЛИОТЕКУ после выхода печатной версии издания и появляются в открытом доступе в режиме эмбарго (через два года). В конце журнала авторам предлагается ознакомиться с условиями публикации и оформления статей.

**С изданием и условиями публикации статей можно познакомиться на сайте stavrolit.ru или обратившись по электронному адресу: info@stavrolit.ru
Будем рады сотрудничеству!**

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректурa **К.Д. Ковтун**

Сдано в набор 29.11.2017. Подписано в печать 22.12.2017. Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 17,08. Печ. л. 26,22. Тираж 500 экз. Заказ № 378.

Издательство «Ставролит», тел.: 8(962) 452-84-02,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru

